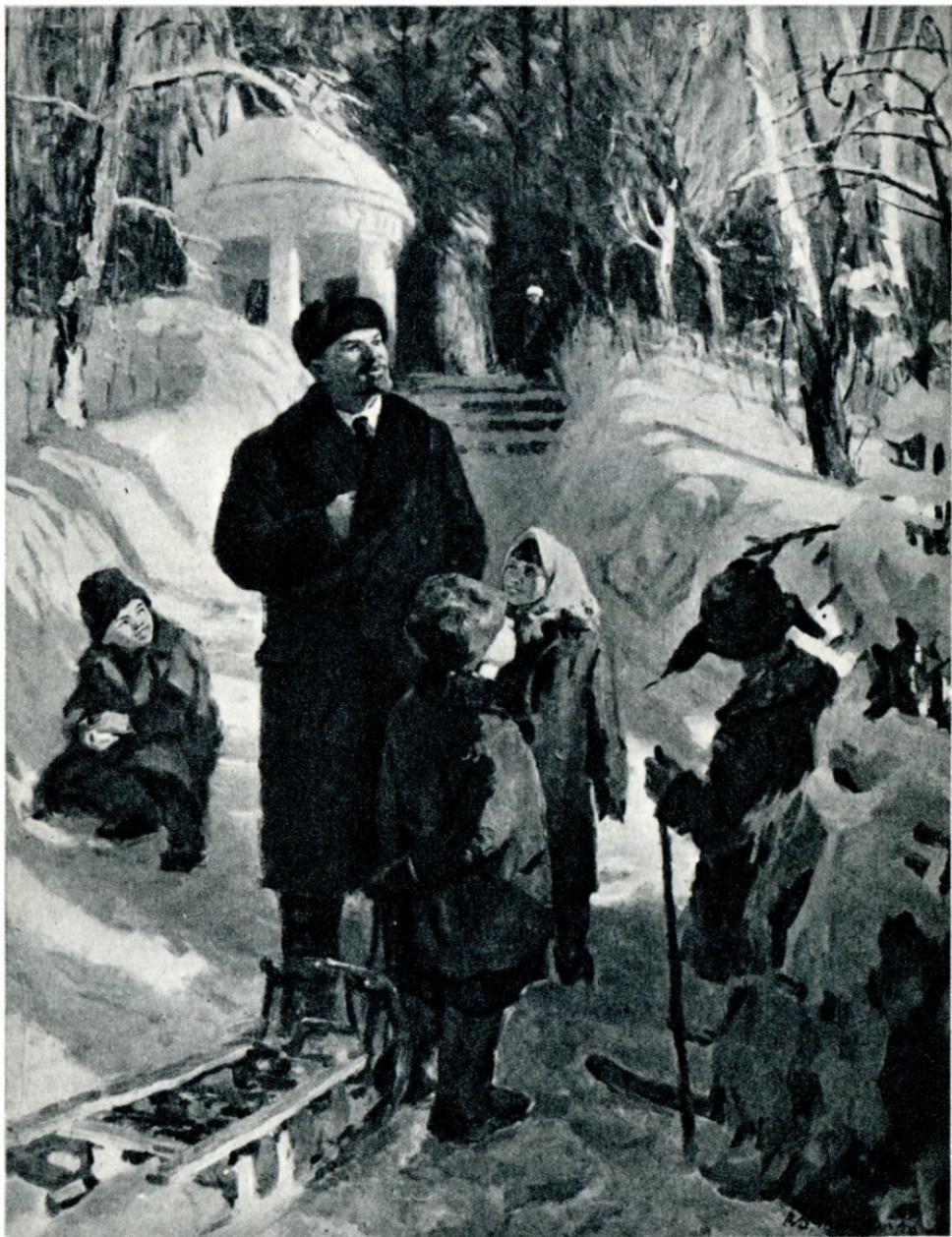

Родной и близкий

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

В. Буланкин. В. И. Ленин среди детей.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Родной и близкий

Рассказы
о Владимире
Ильиче
Ленине

Издательство
„Детская
литература“

Москва 1969

В этой книге помещены избранные рассказы и воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, написанные на протяжении ряда лет разными людьми — близкими и родными, соратниками по работе и борьбе, писателями.

Жизнь и деятельность Владимира Ильича — необозримы, и передать в одной книге всё величие сделанного им невозможно. Прочитав эти рассказы, наши читатели познакомятся лишь с некоторыми эпизодами его жизни, получат представление о том, какие трудности и невзгоды пришлось ему перенести, узнают, как он жил и работал в ссылке, подполье и эмиграции, как сплачивал силы для революционной борьбы за народное счастье.

В заключительной части книги дано несколько рассказов, посвящённых той гигантской созидательной работе, которую вёл Владимир Ильич после победы революции, когда он был во главе нашего первого в мире социалистического государства.

Издательство предполагает в дальнейшем обогащать эту книгу новыми произведениями, которые будут созданы для юных читателей о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина.

Рисунки А. Кадушкина

Владимир Ильич Л е н и н

В комнате на стене висит портрет.

Вася сказал отцу:

— Папа, расскажи мне про него.

— А ты знаешь, кто это?

— Знаю. Это Ленин.

— Да, это Владимир Ильич Ленин. Наш любимый, родной, наш вождь...

Ну, слушай. Был я молод. Плохо жилось тогда нам, рабочим. Работа была тяжёлая. Работали мы с утра до поздней ночи, а жили впроголодь. Много нас на заводе работало. Хозяин завода был Данилов. Он не работал. Спины не гнул, а жил он ох как богато!

Откуда всё было у него? Мы на него работали. Он нам за работу платил мало — прямо сказать, грабил нас. На нашем труде наживался. У него завод был, деньги, машины, а у нас ничего, кроме наших рабочих рук, не было. Вот и приходилось к нему на работу идти.

Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков — много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне — бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними был и самый главный, самый богатый помещик — царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капиталистов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работает, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочих. Всё больше их становилось, всё крепче становилась рабочая партия — партия коммунистов. Партия видела, что без борьбы ничего не добьёшься. Стали это понимать и рабочие всех стран.

Рабочие любили Ленина, а помещики и капиталисты его ненавидели. Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьму, ссылала в далёкую Сибирь, хотела его навек в тюрьму засадить. Ленин уехал за границу и издали писал рабочим, что им надо делать. А потом опять приехал и руководил всей борьбой.

В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом, 7 ноября 1917 года, прогнали и помещиков и капиталистов. Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свои порядки. Не царь, не помещики и капиталисты, а сами рабочие и крестьяне стали обсуждать и решать свои дела в Советах.

Новое это было для них дело. Ленин и его партия

вели рабочих по этому трудному пути и помогали им налаживать жизнь по-новому. Много пришлось работать Ленину. Много у него было забот. Здоровье его стало плохо, и в 1924 году Владимир Ильич умер.

Очень горевали мы, когда Ленин умер, но то, что он говорил, мы никогда не забудем. Мы стараемся всё делать так, как он советовал. Работу, жизнь по-новому налаживаем.

Н. К. Крупская

О детстве Владимира Ильича

Я часто расспрашивал родных Владимира Ильича о его детских годах. Особенно любила рассказывать об этом его старшая сестра Анна Ильинична.

— Володя вставал в определённый час, — рассказывала она. — В гимназию он должен был являться к половине девятого утра. Ровно в семь часов Володя просыпался сам — его никто не будил. Проснувшись, он сейчас же вставал, не позволяя себе валяться в постели. Чистил зубы, хорошо умывался и обтирался

водой по пояс. Володя сам убирал постель. У нас в семье был такой порядок: дети сами себя обслуживали. Девочки должны были следить, чтобы и у них самих и у мальчиков всё было зашито, заштопано.

Затем Володя садился за повторение уроков, которые он всегда делал с вечера. В это время мать готовила завтрак. Мы все сходились в столовой и съедали всё, что нам давали. Особенно за этим следил Володя; у него был прекрасный аппетит, и он смеялся над теми, кто вяло ел.

«Ест, как будто воз с сеном в гору везёт!— приговаривал он.— Вот будешь больная, малосильная»,— подтрунивал он надо мной. (Я по утрам плохо ела.)

Из наших окон было видно, как возы с сеном подымались от пристани парома в крутую гору, от Волги в город. Маленький Володя часто наблюдал, как на эту крутизну вползали тяжёлые возы, запряжённые небольшими крестьянскими лошадьми, которым из всех сил помогали возчики.

Мать давала всем детям с собою завтрак. Володя укладывал его в ранец и был очень доволен, когда в придачу получал яблоко. Десять минут он смирно высиживал, так как мать не позволяла нам сейчас же после чая выходить на улицу, чтобы не простудить горло. Ровно в десять минут девятого Володя вставал, прощался с матерью и отцом, быстро одевался, застёгивался по форме на все пуговицы и уходил.

Придя домой из школы, он гулял во дворе около часа или двух, смотря по погоде.

Володя очень любил играть в лапту, в салки и особенно в казаки-разбойники. Его всегда выбирали атаманом. В игре он был очень справедлив. Он был сильный мальчик, но терпеть не мог драк, никогда

в них не участвовал и всегда прекращал игру, как только начинались недоразумения.

«Это не игра,— говорил он,— это безобразие».

Бывали случаи, что он осуждал себя в игре, доказывая, что он неправильно поступил как атаман.

К обеду мы собирались все вместе за столом и рассказывали, что произошло за день. Мать и отец внимательно выслушивали нас и принимали близко к сердцу все наши дела.

Мать требовала, чтобы один день мы говорили с ней и между собой по-русски, другой — по-французски, третий — по-немецки. Это очень помогало всем нам изучить эти языки. Володя знал их в совершенстве. Позднее он сам изучил английский, итальянский и польский языки. Особенно любил он с первых классов гимназии латинский и греческий языки. Эти языки довольно трудно давались ученикам, а ему — легко.

После обеда Володя садился за уроки. Он всегда по всем предметам делал больше, чем задавали. Много читал. Переходил Володя из класса в класс с наградами и кончил гимназию первым учеником, с золотой медалью.

В его комнате всегда было чисто, книжки завернуты в газетную бумагу, в тетрадках всё было аккуратно. Володя как-то посадил на страницу большую кляксу. Это его очень взволновало. Он вынул этот лист из тетради, вшил другой и сейчас же переписал все три страницы, ранее им сделанные. Во время занятий он был очень сосредоточен, не отвлекался. Кончив уроки, нужные книжки и тетради он убирал в ранец, а всё остальное — в стол или на полки шкафа, в свою библиотеку, на которую у него был составлен в тетрадке каталог.

Приготовив уроки, Володя с увлечением играл с младшими сёстрами. Потом мы все пили чай и ужинали ровно в восемь часов вечера, а в половине девятого Володя шёл чистить зубы, умывался перед сном и, простившись со всеми, ложился спать и засыпал немедленно. Хотя он и любил пошалить, но был послушным: слово матери и отца для него было законом. Он выполнял всё, что они ему говорили. И в семье его очень любили.

В. Бонч-Бруевич

В семье Ульяновых

Вечером в доме Ульяновых шумно и весело. Дети давно вернулись из гимназии, приготовили уроки. Теперь можно и отдохнуть, сыграть партию-другую в шахматы.

Шахматы — любимая игра в семье. И самые заядлые игроки — Володя, его старший брат Саша и отец, Илья Николаевич. Иногда они устраивают турниры на первенство. Илье Николаевичу приходит-

ся туго. Надо обдумывать каждый ход: Володя — серьёзный противник.

Особое оживление в доме бывает в субботу. В этот день дети выпускают свой еженедельный журнал. Он выходит по субботам, поэтому его так и называли: «Субботник».

Главный редактор журнала — Саша. Цветными карандашами он разрисовал обложку, крупными фигурными буквами написал название.

Сотрудниками журнала были все дети. Каждую субботу они вручали главному редактору свои рассказы, загадки, ребусы. Без всяких изменений Саша вкладывал их в обложку. Журнал был готов. Володя учился в первом классе, но отставать от старших не хотел. Он тоже писал рассказы о гимназии и своих товарищах.

И вот все собрались в столовой. Журнал торжественно прочитывается от первой до последней страницы. Его передают из рук в руки. Дружный смех вызывают карикатуры, которые Саша сделал на своих братьев и сестёр.

Вечерами мама садится за рояль. Музыка в доме Ульяновых любят все. Мария Александровна очень рано начала учить детей музыке.

Володя терпеть не может грустных, слезливых мелодий, но зато с удовольствием поёт песни, в которых звучит удаль, размах, отвага.

Особенно хорошо у него получается «Нелюдимо наше море»:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья!
Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Летом семья Ульяновых выезжала в Кокушкино. Село раскинулось на высоком берегу реки. Со всех сторон его обступали глубокие и кривые овраги. На их склонах вперемежку с крапивой росли крыжовник, смородина и малина. Сразу за оврагами начинался лес. Туда ходили Ульяновы по грибы и по ягоды.

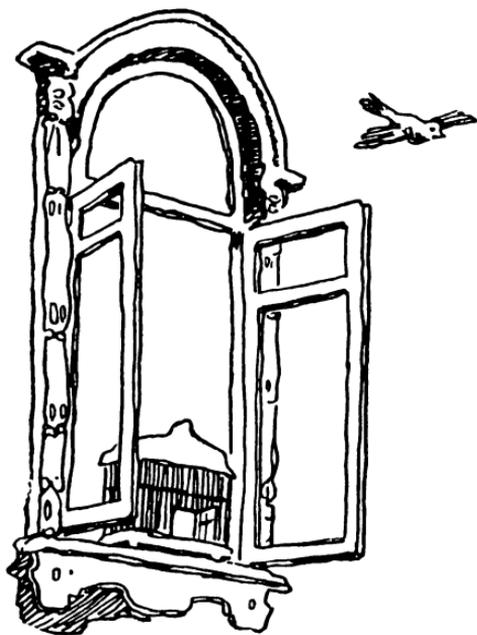
Весело в лесу! Ребята шалили, бегали наперегонки, во весь голос читали стихи. На поляне разводили костёр. Пекли картошку и дикие яблоки. Яблоки были кислые-прекислые. Никто не осмеливался съесть хотя бы одно.

В Кокушкино день у Володи начинался рано. Он быстро вставал, наспех завтракал — и на улицу. Здесь его уже поджидали товарищи. Начиналась беготня. Играли в лапту, в салки и, конечно, в казаки-разбойники. Атаманом всегда выбирали Володю.

Однажды Володя и его товарищи решили сделать большой бумажный змей. Они долго и старательно клеили его. Змей и вправду получился большим и красивым. Посмотреть на диковинку сбежались дети со всего села. Все отправились на луг. Ветер подхватил змей, и он взлетел высоко-высоко. «Ура!» — закричали дети. Конечно, всем захотелось подержать шнур в руках. Все ребята уцепились за него и сильно рванули. Змей сломался.

Дома за ужином Володя рассказывал о своих приключениях маме и папе. За день столько было событий! Ведь змей, если бы не случайность, долетел бы до самых облаков! Рассказов хватает на целый вечер.

В. Сидоров

В гимназии

В гимназию Володя поступил девяти с половиной лет, в первый класс. Готовили его к ней две зимы — сначала учитель, а потом учительница городского училища, самого близкого от нас...

...Учился он легко и охотно. И способности у него были хорошие, да и отец приучал его, как и старших брата с сестрой, к усидчивости, к точному и внимательному исполнению заданного. Учителя его говорили, что Володе очень помогает то, что он всегда внимательно слушает объяснение урока в классе.

При своих прекрасных способностях он запоминал обыкновенно в классе новый урок, и дома ему приходилось лишь немного повторить его...

Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна — получалась обычно одна отметка — 5.

Отец говорил в те годы матери, что Володе всё слишком легко даётся и он боится, что в нём не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

Но Володя любил и посмеяться. Когда собирались его сверстники или в семье с меньшими (Олей и Митей), он был коноводом всех игр. И каждый день слышался его смех и неистощимый запас шуток и рассказов.

Вера Васильевна Кашкадамова, учительница городской школы и близкая знакомая нашей семьи, рассказывает в своих воспоминаниях, какое весёлое

настроение царило у нас обычно, когда вся семья собиралась к вечернему чаю. «И всех громче,— говорит она,— звучали голоса Володи и его второй сестры, Оли. Так и раздавались их звонкие голоса и заразительный смех». Они рассказывали о разных происшествиях в гимназии, о разных проделках, шалостях. Отец был тоже не прочь поболтать с нами и, оставляя в кабинете серьёзные дела, рассказывал о своих гимназических годах, о различных случаях с его товарищами, разные шутки и анекдоты из школьной жизни. «Все смеются, всем весело. И хорошо чувствуется в этой дружной семье»,— пишет Кашкадова.

Некоторые проказы Володи остались у меня в памяти. Так, приехала к нам двоюродная сестра, женщина-врач. В то время женщины-врачи были редкостью. Эта двоюродная сестра была одной из первых. Сидит она в зале и разговаривает с отцом и матерью. У двери в залу смех, шушуканье. Вбегает Володя и бойко обращается к гостье:

— Анята, я болен,— полечи меня.

— Чем же ты болен?— снисходительно спрашивает молодой врач, видя, что мальчик шалит.

— Никак не могу досыта наесться: сколько ни ем, всё голоден.

— Ну, пойди в кухню, отрежь ломоть ржаного хлеба во весь каравай, посоли покруче и съешь.

— Я уже пробовал,— не помогает.

— Ну, так повтори это лекарство, тогда наверное поможет.

Володе остаётся только ретироваться.

Любил Володя и музыку. Мама показала ему начальные упражнения, дала ему разыграть несколько простеньких детских песенок и пьесок, и он стал

играть очень бойко и с выражением. Мать жалела потом, что он забросил музыку, к которой проявлял большие способности.

В старину был обычай весною выпускать на волю птичек. Володя любил этот обычай и просил у матери денег, чтобы купить птичку, а потом выпустить её.

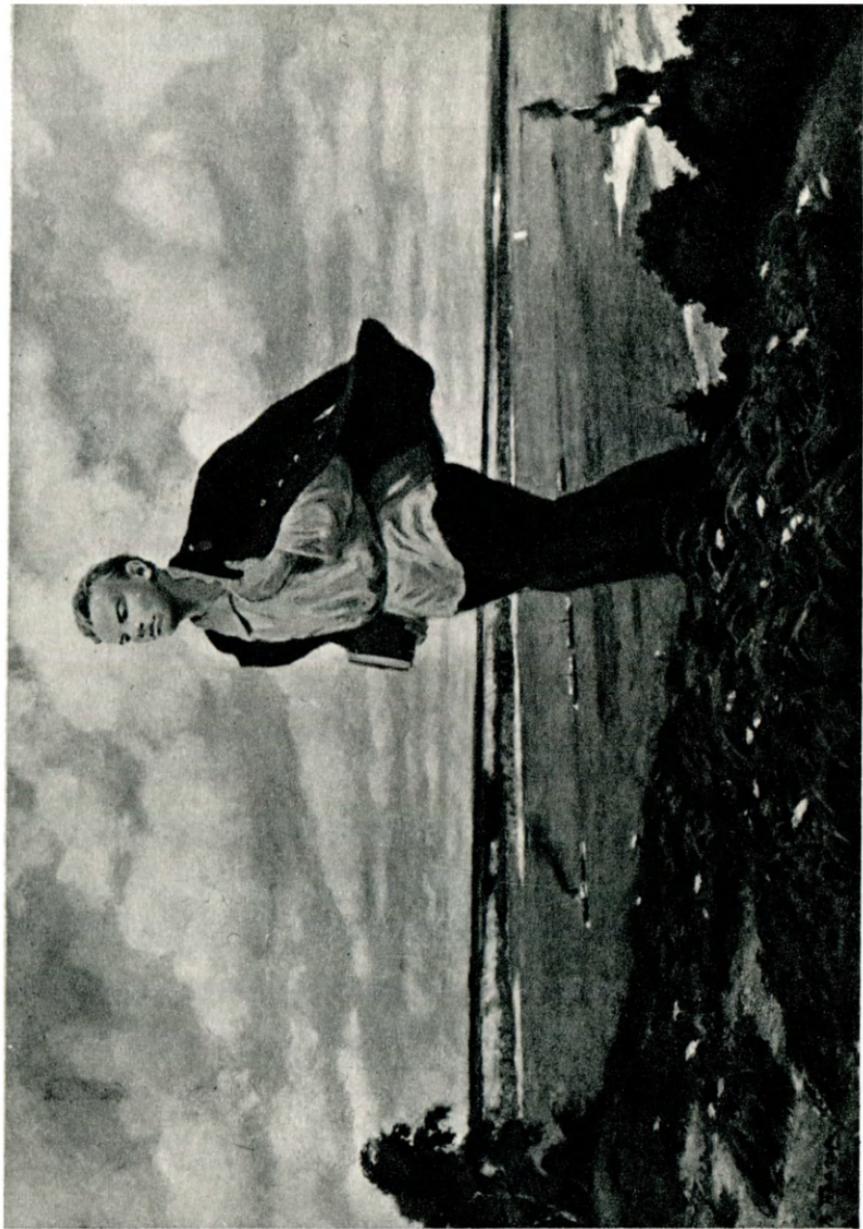
Любил маленький Володя ловить птичек, ставил с товарищами на них ловушки. В клетке у него был как-то, помню, реполов. Не знаю, поймал он его, купил или кто-нибудь подарил ему, помню только, что жил реполов недолго, стал скучен, нахохлился и умер. Не знаю уж, отчего это случилось: был ли Володя виноват в том, что забывал кормить птичку, или нет.

Помню только, что кто-то упрекал его в этом, и помню серьёзное, сосредоточенное выражение, с которым он поглядел на мёртвого реполова, а потом сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать».

И больше он действительно не держал их.

Бегал он и рыбу ловить удочками на Свягу (речка в Симбирске), и один его товарищ рассказывает о следующем случае. Предложил им кто-то из ребят ловить рыбу в большой, наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водой, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло,— рассказывает этот товарищ,— если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволили нам бегать и на Свягу».

Но, занимаясь в детстве ловлею рыб и птичек, Володя не пристрастился ни к тому, ни к другому и в старших классах гимназии не рыбачил и не ставил ловушек на птиц. И на лодке с Сашей, когда тот

В. Прагер. Ленин в юности.

приезжал на лето из университета, он обычно не ездил, а ездил младший брат Митя, который очень любил сопровождать Сашу в его разъездах по Свияге, в поисках разных червей и всяких водяных жителей. Саша занимался естественными науками, ещё будучи гимназистом, а в университете поступил на естественный факультет и в летнее время занимался исследованиями, готовил материал для своих сочинений.

Володя же не любил естественных наук. В гимназии он интересовался латинским языком, чтением классиков, историей, географией, любил писать сочинения и писал их очень хорошо.

Он не ограничивался учебниками и рассказами учителя, чтобы написать сочинение, а брал книги из библиотеки, и сочинения его получались обстоятельные, тема была очень хорошо разработана и изложена хорошим литературным языком. Директор гимназии, преподававший в старшем классе словесность, очень любил Володю, хвалил постоянно его работы и ставил ему лучшие отметки.

А. И. Ульянова

Страшное письмо

Был ясный весенний день.

Солнце светило так ярко и птицы так весело чирикали на деревьях за окнами класса, что гимназисты дожидаться не могли конца занятий.

Те, у кого были часы, то и дело показывали товарищам на пальцах, сколько минут осталось до звонка. Напрасно учителя стыдили их:

— Восьмиклассники, взрослые юноши, а ведёте себя, как дети!

Но вот наконец звонок.

Обгоняя друг друга, гимназисты помчались вниз по лестнице.

У выходных дверей Володю окликнул швейцар — гимназический сторож — и протянул ему записку:

— Вот. Велели передать, как только вы выйдете.

Володя прочёл записку.

Записка была от знакомой учительницы Веры Васильевны Кашкадамовой.

Она просила, чтобы Володя как можно скорее зашёл к ней по важному делу.

Вера Васильевна жила недалеко от гимназии, и Володя, не заходя домой, отправился прямо к ней.

Он шёл и думал о том, что вот уже и весна, последняя весна в гимназии.

До конца занятий осталось немного больше двух месяцев, а потом экзамены, и прощай, навсегда прощай гимназия.

Пройдут каникулы, и он поедет учиться в университет, может быть, в Казань, а может быть, и в Петербург, как Саша.

Конечно, в Петербург лучше. Там он мог бы поселиться с Сашей в одной комнате. Вместе с ним ходить на занятия.

Весёлый и радостный, вбежал он к Вере Васильевне. Но, увидев её, сразу понял, что она чем-то сильно встревожена и расстроена.

— Что случилось, Вера Васильевна? Вы меня звали? — спросил Володя, сразу став серьёзным.

— Да, звала, случилась беда... большая беда... у вас.

— Дома? С мамой? — И Володя бросился к двери.

— Да нет, постой, не с мамой, — остановила его Вера Васильевна. И, помолчав немного, тихо, с тру-

дом выговорила:— С Сашей... в Петербурге. Он арестован. Я письмо получила.

— Письмо? Где оно?— заволновался Володя.—
Дайте, пожалуйста. Я сам прочту.

Вера Васильевна молча протянула ему письмо.

В письме говорилось, что Сашу арестовали, посадили в тюрьму и обвиняют в том, что он хотел убить царя.

Володя прочёл письмо и всё понял.

Он вспомнил, с каким волнением Саша всегда говорил о том, как царские солдаты и полиция расправляются с безоружными крестьянами и рабочими, об их голоде, нужде, непосильном труде.

А как Саша возмущался тем, что царские жандармы сажают в тюрьму самых лучших, самых смелых и благородных людей, которые пытаются бороться за лучшую жизнь для народа!

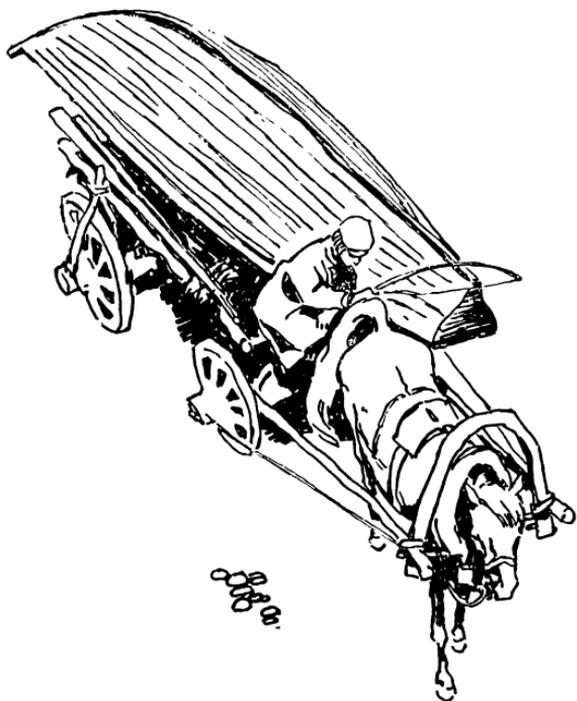
Значит, Саша встретился в Петербурге с этими людьми и решил бороться вместе с ними против царя, хотел убить его. Но это не удалось. Царь жив, а Саша в тюрьме.

Что будет теперь с Сашей? Царь может всю жизнь продержать его в страшной, тёмной, как могила, тюрьме Шлиссельбурге... Может даже приказать казнить его.

А мама? Бедная мама! Как сказать ей об этом? Ведь только год прошёл после неожиданной смерти отца. Она едва начала оправляться. Как перенесёт она это новое горе?

Так думал Володя, шагая по знакомой улице домой, чтобы сообщить матери страшную весть.

Л. Кон

Кругосветка

Однажды ранним майским утром ласковое весеннее солнце заглянуло в старинный город Саратов, на Волге. Вначале посветило оно в окна богатых домов, возвышавшихся на взгорье. Но их владельцы не пошевелились в своих мягких постелях, отгородившись от утренних лучей плотными шторами и занавесками.

Заглянуло солнце в окошки маленьких домов,

лепившихся в подгорье, но опоздало: их жители давно проснулись и ушли на работу.

Потому и могли сладко спать богатые бездельники, что с раннего утра на них работали бедные люди.

Утренние лучи солнца сверкнули на кокардах царских жандармов, охраняющих покой богачей. Пощекотали длинный нос полицейского шпика, задремавшего в саду на скамейке, и осветили крыльцо дома купчихи Курлиной.

Вдруг на крыльцо вышли молодые люди в гимназических куртках, в студенческих тужурках. У одного в руках гитара, у другого — чайный котелок, у остальных — кульки и свёртки с едой. Шпик встрепенулся, опознав среди них Владимира Ульянова, за которым его приставили следить.

Молодые люди пошли к пристани.

Сели в лодку под названием «Нимфа» и поплыли вниз по Волге.

Шпик, проследивший за ними, доложил полицейскому приставу, что Ульянов отправился на прогулку с компанией молодёжи.

Полицейский пристав обозвал сыщика дураком и болваном: какая там прогулка — он упустил опаснейших революционеров. Марксистов. Они собираются в доме Курлиной под предлогом вечеринок, а сами изучают Карла Маркса. Руководит этим тайным кружком студент Скляренко, опасный человек... А недавно появившийся среди них Владимир Ульянов ещё опасней. Его брат Александр хотел царя убить. А Владимир всех богатых истребить собирается. Проповедует, что рабочий класс — могильщик капитала — скоро поднимется и всех своих угнетателей закопает.

— Да, да, и нас с вами!— У пристава на груди все царские медали задрожали.

И шпики в дрожь бросило. Его не раз рабочие больно поколачивали за подглядывание да подслушивание; не хватало, чтобы ещё в землю закопали.

Пристав приказал выследить революционеров и, если станут народ бунтовать, арестовать их! Дал в помощь шпику двух здоровенных жандармов, и они, подхватив револьверы и сабли, бросились в погоню.

Тоже уселись в лодку и давай грести. До поту, до волдырей на ладонях, стараясь догнать «Нимфу».

А на «Нимфе» гитара бренчит. Песня то возникнет, то смолкнет.

Гребцы то ударят по воде, то сушат вёсла. Любуются природой.

— Хорошо на просторе,— говорит Владимир Ильич,— петь хочется. Полезно вот так проветриться.

Это он предложил прогуляться по Волге. Накануне засиделись допоздна, много спорили, когда Ульянов прочёл реферат о «Манифесте Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

В этой книге впервые говорилось, что только рабочие, если их организовать, смогут сделать революцию и добиться для всех людей свободной и счастливой жизни.

Скляренко сомневался, говорил, что в России ещё мало фабрик и заводов, рабочих немного, большинство населения — крестьяне-земледельцы, угнетённые помещиками. Вот их и надо поднимать на борьбу за свободу. Мужик — главная сила.

Так учили молодёжь старые русские революционеры, называвшие себя народниками.

— Народники ошибаются,— объяснял Владимир Ильич.

И в самом деле, у крестьян нет единства, среди них и бедняки, и середняки, и кулаки. Разные интересы тянут их в разные стороны. Победу в борьбе за свободу могут одержать рабочие, потому что они дружные люди, способные идти до конца и повести за собой всех людей труда.

Долго спорили. И решили: а почему бы не поговорить с самими крестьянами? Узнать, о чём они думают.

И вот молодые марксисты плывут в гости к крестьянам приволжских деревень.

Правит рулём Алексей Скляренко, организатор самарского кружка марксистов, а Владимир Ильич Ульянов вместе со всеми на вёслах. Он и отличный гребец и запевала.

Плывут по самой быстрине реки. Чайки выются над ними и спрашивают: «Чьи вы? Чьи вы?»

Первый след марксистов отыскивали жандармы в селе Екатериновке. Здесь студенты побывали у местного кулака, сельского богатея Нечаева.

Чай пили. О жизни разговаривали. И хитрый кулак похвалился, будто он поучал молодёжь, как надо богатеть и любить царя-батюшку.

Ничего от него не добившись, жандармы поплыли дальше. Чтобы подловить революционеров, шпик изображал рыболова с удочкой. Прикидывался их товарищем, который отстал. Полицейских на дне лодки прятал, осокой прикрывал.

Но встречные рыбаки, бурлаки, пастухи, пригнавшие стада на водопой, отвечали одно — не видели, не слышали. Даже деревенские ребяташки из села Переволоки не попались на его удочку.

Задорно приплясывая, спели ему озорную частушку:

Мы видали, мы слышали —
На сомах землю пахали!
Мимо нашего села
Лодка посуху плыла!

Выругал их обозлённый шпик и поплыл дальше, погоняя жандармов, вниз по реке.

Но мальчишки не соврали. Они сами помогли плавать «Нимфе» по суше. Молодые путешественники наняли подводу, чтобы перевезти их лодку с Волги в реку Усу, протекавшую рядом за бугром.

Пожалев слабосильную мужицкую лошадёнку, они и сами запряглись в телегу. Мальчишки поддерживали лодку за борта, помогая вытаскивать вязнувшие в песке колёса под пение «Дубинушки».

Студенты им понравились, а особенно весёлый запевала, который позвал их на помощь.

Народ здесь песенный. Про реку Усу тоже песню сложили:

Словно ус казацкий, вьётся
Наша реченька Уса,
Никак с Волгой не сольётся:
То отпрянет, то прижмётся,
То укроется в леса!

Славная речка. Ещё в старину помогала казакам — погонятся за ними царские воеводы на кораблях с пушками, а те свои лёгкие челны с Волги в Усу переволокут, и были таковы. Воеводы их ниже Самары ловят, а они уже выше города купеческие караваны разбивают.

Самому царю докладывали, что казаки неуловимы, потому что колдовство знают.

А оказывается, они тайну природы знали, интересный секрет самарской луки. Здесь Волга огибает дугой Жигулёвские горы. Река Уса, что течёт с правого берега, почти добежала до Волги, но встретила на пути невысокий отрог Жигулей. И, словно рассердившись, повернула вспять. Но далеко не ушла, влилась в Волгу-матушку выше Самары.

Казацким волоком и воспользовались молодые революционеры.

Жандармы гнались за ними по Волге, а они уже плыли по Усе в другую сторону.

Очаровала Владимира Ильича бойкая Уса. С удовольствием пил он чай с дымком из её вкусной воды. Первым бросался купаться. Быстрее всех разводил костры и показывал, как хорошо устроить ночлег на берегу. Это он умел с детства.

Погода была отличная, тёплая. Соловьи пели не умолкая.

Когда приплыли к подножию утёса Степана Разина, решили побывать на вершине, куда поднимался знаменитый вождь народного восстания, чтобы думать, как победить царя и бояр.

А погода изменилась. Дождик заморосил. Земля стала скользкой. Отяжелела намокшая одежда. Скляренко было заговорил, что можно пойти в другой раз, когда просохнет, но Владимир Ильич не любил отступать от намеченного. Пошёл вперёд, помогая отстающим, поддерживая бодрость товарищей шутками. И все потянулись за ним. И ворчавший Скляренко пошёл.

Когда достигли вершины, дождь вдруг перестал, облака разошлись, и все залюбовались необыкновенной красотой Волги. Далеко внизу голубела вода, чайки над водой казались белыми лепестками

цветов, упавшими в реку. А чёрные орлы, парящие над тёмными пропастями, казались не больше летучих мышей.

Удивительно хорошо — скажешь слово, а оно возвращается, как мячик, ударившись об отвесные стены ущелий.

Стоит крикнуть вниз погромче: «Удастся ли нам победить врага?!»

Эхо отвечает: «Да, да!»

Стоит спросить: «Добьются ли свободы люди труда?»

Эхо отвечает: «Да, да!»

Владимир Ильич, сложив ладони рупором, спрашивал громче всех, и эхо, отвечая ему, грохотало по горам и ущельям, как гром.

Задорные голоса молодых людей словно разбудили злые силы природы. В ночь заревела буря, заблестали молнии и хлынул ливень.

Проснулись промокшие, продрогшие. Смотрят, а Волга бушует, как море. Злой ветер гонит огромные волны, сшибая с гребней белую пену.

Страшно плыть через реку в бурю, а нужно. На том берегу в селе Царёвщина в избе Василия Князева ждут заранее вызванные на беседу крестьяне-бедняки, знакомые Скляренко.

Когда выгребли из-под защиты утёса на середину реки, волны стали захлёстывать лодку. Скляренко хотел повернуть обратно. Все заспорили. Одни кричали: «Назад», другие: «Нельзя, при повороте опрокинемся!»

А Владимир Ильич, схватив чайный котелок, стал отчерпывать воду. Главное — удержать лодку на плаву, буря сама вынесет на берег. По его примеру кто кружкой, кто шляпой, кто сапогом стали отчерпывать

заливаемую волнами «Нимфу». Всё ближе берег. Вот уже село рядом.

Народ набежал, криком помогает, подбадривает:
— Бей вёслами дружной, не робей, ребяташки!

И вот выплеснули волны лодку на песок. Гребцы вымокли, хоть выжимай. Но бодрятся, друг над другом посмеиваются.

Узнал их Василий Князев, забрал к себе в избу обсушиться, отогреться, у него и самовар горячий на столе.

Никому не признался, что рискованные эти люди к немуплыли. На руле сидел студент Скляренко. Остальные были Василию не знакомы.

«Пусть все думают, будто случайных путников приютил,— решил Василий,— так лучше от царских доносчиков утаиться».

А когда за самовар их усадил, сказал:

— Напрасно вы в самую кипень кинулись, обождали бы, пока буря стихнет.

— А уж если надумали рисковать, нечего было мудровать. Посреди реки спор не затевают, а к берегу выгребают!— сказал Амос, чернобородый богатырь.

— Ненадёжный из тебя кормчий, друг,— сказал седовласый Ерфилич, второй гость Князева, пожурив Скляренко.— Вот тот, что воду отчерпывал, правильной всех поступал...

— А это вот и есть тот товарищ, которого я обещал на беседу к вам доставить,— ответил студент.— Владимир Ильич, это он настоял, что обещанное надо выполнить. Если нас ждут люди, надо плыть да быть.

— За уважение спасибо, Владимир Ильич,— сказал Ерфилич.

Не сразу крестьянские правдолюбцы приступили к серьёзному разговору.

Вначале присматривались да приглядывались к новому знакомцу.

Был он постарше других. Большелобый, широкоплечий, спокойный.

— Из каких же семейств вы будете?— спросил его Ерфилич как самый старший.

— Отец мой был инспектором народных училищ.

— А вы давно ли за народ стоите? Давно против царя?

— Да, собственно, с ранней юности.

— Как же вы думаете мечту свою выполнять? Добывать людям свободу?— допытывался Амос.

— А как вы думаете?

— Мы? А вот как: взяться всем народом за топоры и всю эту барскую свору, помещиков, богачей, царских палачей, под корень! Начисто!— вскочил из-за стола Амос и стал рубить ручищей, как топором.

— Ай, батюшки!— воскликнул Ерфилич, хлопнув себя по коленкам.— Мы с вилами и топорами, а царское войско — с ружьями да с пушками...

— Вот именно,— сказал Владимир Ильич,— при помощи топора да вил вы только со своими ближними врагами управитесь... А потом выйдут навстречу солдатúшки — бравы ребятúшки, наставят пушечки царские генералы... И пройдутся по мужицким косточкам лихие драгуны да гусары...

— Было, было такое... Уж какие богатыри на царей народ подымали — Степан Разин, Емельян Пугачёв... И что же? Море кровушки да срубленные головушки! Нет, злом победить зло нельзя!— тряхнул седыми кудрями Ерфилич.

— А как же можно?— спросил Владимир Ильич.

— Добром, только добром... Уговорить всех людей быть друг к другу добрыми, хорошими. И когда не будет злых, тогда никто не пойдёт ни в солдаты, ни в палачи. А цари без палачей — что тигры без звуков...

— А вы пробовали?

— Что?

— Уговорить злых людей быть добрыми. Что-нибудь из этого у вас вышло?

— Нет,— вздохнул Ерфилич,— пока ничего хорошего не вышло... Бедные, слушая меня, только вздыхали, а богатые надо мной смеялись. А их слуги гнали и били меня.

— Вот-вот, богачей правдой не проймёшь!

— Ну и одними топорами тоже!— вскочил из-за стола Амос.— Неужели так и терпеть неволю?

— Зачем же терпеть неволю?

— Так ведь вы же говорили...

— Да, я говорил, что одним крестьянам этого не сделать, как не удалось ни Разину, ни Пугачёву. Крестьянам надо искать опору у рабочих. Рабочие и пушки льют, и делают ружья. Ведут поезда и корабли. Управляют машинами...

— Да, да, сами богатеи и пальчиками не шевелят, всё делают рабочие руки...

— Так вот, а если эти могучие руки не дадут царям ружей и пушек да остановят пароходы и поезда?..

— Тогда и всем царям и псарям карачун!¹— воскликнул Ерфилич.

— А ты говорил: добрыми словами да уговорами,— усмехнулся Амос.— Видал, как надо? Всеобщей силой!

¹ Карачун — здесь: смерть.

— Нет, почему же, не только силой — и добрым словом. Надо терпеливо, по-хорошему разъяснять царским солдатам, крестьянским сыновьям, кто их друг, против кого им нужно оружие направлять, — сказал Владимир Ильич.

— Верно, верно, — оживился Ерфилич, — отвернуть молодцов от царских дворцов!

Тесней подвинулись мужики к самовару и, забыв про чаепитие, пробеседовали с умным человеком всю ночь.

Наутро буря на Волге утихла, и гости Василия Князева собрались домой. Волны ещё ходили высокие, опасные для лёгкой лодки. И старик Ерфилич сказал молодым революционерам:

— Сажайте-ка вы за кормчего Владимира Ильича. Судя по всему, он опытней других, пусть он и правит.

Все согласились. И лодка уплыла вниз по Волге с новым рулевым.

Владимир Ильич направил её на самый стрежень, и река сама несла «Нимфу», давая гребцам полный отдых.

Все были довольны. А больше всех сам рулевой. Он вспоминал беседу с крестьянами и говорил товарищам, что много в народе умных и смелых людей, надо только суметь организовать их по-настоящему для дела революции.

Ярко светило солнце. Веселей становилось на душе у каждого. И от жандармов сумели уйти, и среди народа побывать. Вскоре вдали показалась Самара.

И здесь произошла неожиданная встреча. Снизу поднимался против течения буксирный пароход, дымя изо всех сил. Он тащил тяжело гружённые баржи. К последней из них была причалена лодка, в которой

сидели жандармы и царский шпик, все в копоти, как трубочисты.

Глазам своим не поверили оплошавшие жандармы, завидев «Нимфу». Столько гонялись за ней ни же Самары, догнать не могли, с ног сбились, а она вот сверху бежит, легка как пёрышко!

И студенты как ни в чём не бывало на гитаре играют и песню поют. Что за диво?

Как же так — поплыли революционеры на запад, а возвращаются с востока? Для этого нужно совершить кругосветное путешествие.

Скрывая свой промах, самарская полиция сообщила в Петербург, в главное жандармское управление, что за поднадзорным Ульяновым в последнее время ничего предосудительного не замечено...

Вот как ошиблись. Плохо знали географию царские слуги. Теперь каждый школьник знает про самарскую луку, где построена знаменитая Куйбышевская гидростанция имени Ленина.

Многие пионеры садятся в лодки в бывшей Самаре, а ныне Куйбышеве, и плывут по пути молодых революционеров. По Волге в Усу, вокруг Жигулёвских гор и снова в Волгу.

И ночуют у костров. И разговаривают с эхом, поднявшись на утёс Степана Разина. И поют песни, любимые Ильичём.

И называется это путешествие — Ленинская кругосветка.

Н. Богданов

Тебе вперёд!

В жаркие дни купец любил почаёвничать прямо на пристани, в холодке, поглядывая вокруг хозяйским глазом. Здесь у него было местечко под навесом, стоял столик, уютно пыхтел самовар, сиял белобокий чайник, а в нескольких шагах степенно, не торопясь, текла Волга, поблёскивая солнечными чешуйками.

И сегодня, как водится, пребывал он в своём любимом уголке. Мальчишка поставил перед ним начищенный до яростного блеска самовар. Пристань

чуть покачивалась, доски поскрипывали. У причала пускал пары пароходик с косою трубой. На барже хлопотали босые матросы, и медленно собирались пассажиры, разомлевшие от жары.

— Слышь, хозяин?— Матрос с закатанными штанами остановился возле стола.— Сейчас иду мимо лодок, а там один подряжается, чтоб перевезли. «Я спешу, говорит, мне некогда дожидаться баржи!» Те мнутя, а он им своё: «Дескать, не имеет такого права запрещать перевоз... Река, мол, не принадлежащая...»

Не оборачиваясь, купец лениво спросил:

— Всё?.. Ступай куда шёл!

Ниже по берегу, там, где стояли просмолённые дочерна лодки, какой-то человек, совсем ещё молодой, в лёгкой светлой рубашке, настойчиво говорил седоусому волгарю с глубокими, точно высеченными морщинами:

— Да поймите вы, что никто не может запрещать вам перевозить людей! Не существует такого закона... даже у нас!

— Нам тут, господин, не разобраться,— ответил седоусый.— Он есть арендатель, кладёт денежки горodu в карман. Вот и весь закон!

Молодой человек нетерпеливо сдвинул брови:

— То, что он арендует перевоз, это его дело, но запрещать перевозить другим — я повторяю — он не имеет ни малейшего права! У вас есть все основания подать на него в суд!

Седоусый плюнул на истлевшую сигарку, но не бросил окурочек в воду (надо уважать Волгу-матушку), а затоптал в песок.

— У него мощна тугая, он купит и судью! С сильным не борись, с богатым не судись!

— Неверно!— упрямо ответил молодой человек.— Он вас просто запугал. Самоуправство здесь налицо, не нуждается в доказательстве! Если вы попадете в суд, его вынуждены будут наказать!

Махнув рукой, седоусый ничего не ответил. Второй лодочник, в обтрёпанном картузе, стоял, переминаясь с ноги на ногу и как-то нерешительно поглядывая на пристань.

— Поедем?— спросил у него молодой человек.

— Да ведь всё равно воротит, дело известное!— неуверенно произнёс лодочник.

— А вот и поедем! Пусть попробует!

Не дожидаясь ответа, молодой человек сильно толкнул лодку, вскочил в неё и, ловко балансируя, добрался до кормы. Лодочник прошёл несколько шагов по воде, покачивая головой, точно удивляясь, что дал себя уговорить, и тоже полез через борт. Заскрипели уключины, мягко заплескалась под вёслами вода. Пассажир задумчиво смотрел перед собой. Этот вольный простор исполинской реки, эти необозримые дали он видел с первых своих шагов по земле, но всегда тянет любоваться ими. Лодка двигалась быстро, они уже порядочно отъехали от берега, а та сторона казалась всё такой же далёкой. Вдруг лодочник с силой стукнул вёслами.

— Переехали! Всё!— злобно выкрикнул он.— Да вы не туда смóтрите! На пристань глядите!

С лодки хорошо было видно, как к самому краю пристани подошёл бородатый мужчина в длинной рубахе и сложил руки трубой.

— Эге-ге-ге-э-эй!— донеслось до них.— По-во-рр-ачи-вай обр-р-атно!

— Это что, он сам упражняется?— сощурился, спросил молодой человек.

— А кто же? Самолично!.. Во как орёт, на всю Волгу! Хозяин! — Лодочник криво усмехнулся. — Спросить, какая мы помеха ему?! Весь народ к нему валит, а всё одно не даёт заработать копейку... И всегда он правый. Большую силу забрал...

Фигура на пристани замахала руками, точно сигнализируя:

— Э-эй... Оглох, что ли-и... Гребни наза-а-д!

— Гребни вперёд! — коротко бросил молодой человек. Глаза у него сузились, потемнели. — Эх, нет второй пары вёсел!

— Без пользы это! — уныло сказал лодочник. — Сейчас, глядите, будет даровое представление... А народу что собралось, а? Бегут со всех сторон!

— Пусть! Гребни вперёд!

Невольно подчиняясь этому уверенному голосу, лодочник продолжал грести. Они уже миновали середину реки, когда над трубой пароходика точно вспыхнуло облачко. Послышался короткий вскрик гудка, с баржи поймали отцепленный конец, и пароходик бойко побежал, оставляя за собой как будто неподвижные складочки волн. На борту его стояли матросы с грозно поднятыми баграми — готовился настоящий абордаж. Какой-то мужчина, тоже босой, с подвёрнутыми штанами, но в морской фуражке с белым чехлом — очевидно, капитан, — командовал хриплым, пропитым басом:

— Пр-р-ава руля! Полный х-х-од!

Когда до виновников погони осталось не более двух саженьей, капитан прохрипел:

— З-з-адний х-х-од! Стоп-п!

Машина глухо стукнула несколько раз и застопорила. Пароходик причалил к лодке почти вплотную. Несколько багров сразу вцепились в её борт.

— Запрещается тут перевоз!—веско сказал капитан.— Прошу подняться на палубу.

— Не имеете права задерживать,— быстро ответил молодой человек.— Будете привлечены к ответственности!

— Это до нас некасаемо! Наше дело телячье! Как нам хозяин приказал, так мы и поступаем! Желаете на тот берег — пожалуйте сюда! Дальше лодку не допустим!..

Молодой человек подал лодочнику деньги, взобрался на палубу и тотчас же, достав из кармана записную книжку, потребовал сообщить ему фамилии всей команды.

— Это мы можем! — равнодушно ответил капитан.— Пишите, если желаете!

Когда пассажира доставили на пристань, к нему собственной персоной подошёл хозяин и сказал со снисходительной улыбочкой:

— И к чему вы себе делаете усилие, господин? Соберётся публика в должном числе и перевезём вас законным манером... А пока не изволите ли откусать со мной чайку? С мёдом, с бубликами..

Пассажир точно не слышал приглашения:

— А кто установил этот, как вы выражаетесь, законный манер?!

— Я-с!—Купец всё так же улыбался.— Я плачу за аренду и не могу позволять! Посему не допускаю!.. Так не желаете чайку?.. Как угодно-с!

А люди всё шли и шли к пристани — с котомками, мешками, узлами. Подъехало несколько гружёных подвод. Наконец матросы положили с баржи широкие сходни, началась посадка, погрузка.

Пароходик свистнул, затарахтел, но тут с высокого берега послышались крики. Опоздавшие бежа-

ли рысью, махая руками, поднимая тучи ржавой пыли. Капитан подождал их — не терять же хозяину пассажиров.

— Отчали-ва-ай!—раздалась хриплая команда.

Пароходик натянул скрипучий канат и потащил барку на тот берег.

Купец вернулся к себе на балкончик. Услужаящийся мальчишка принёс в противне раскалённые уголья для самовара. К столу подсел знакомый чиновник. Он тоже видел погоню за лодкой и теперь обсуждал с хозяином происшествие.

— Норовистый!—говорил купец, дую в блюдечко.— Из молодых, да ранний...

— Нынче таких много развелось!— Чиновник деликатно прихлёбывал с ложечки.— А только к чему это! Так, сотрясение воздушных!.. Вот катится волнишка по воде, тоже хочет подняться выше, а тюкнется в пристань — и аминь. Тут ей и окончание!..

Позабыв вскоре и о лодке и о пассажире, они занялись городскими новостями и сплетнями, и ни один из них никогда бы не поверил, что придёт время, когда весь город заговорит об этой истории.

Началась она с того, что купцу дали знать по добродушному знакомству, что на него идёт из Самары жалоба по обвинению в самоуправстве. Сначала купец не понял, о чём тут речь. Многие дела доводилось делать, из многих выкручиваться, но такого ещё не бывало. Ему объяснили, что именно означает эта жалоба и что подал её некто Ульянов, помощник присяжного поверенного, практикующий в Самаре. В памяти всплыло молодое упрямое лицо, прищуренные глаза с пристальным взглядом. Вспомнились слова чиновника про волну. «Вишь ты!— усмехнулся купец.— Эдак он меня напугает!» Ему никак не ве-

рилось, что из-за босяков лодочников может возникнуть судебное дело. Тогда купцу растолковали яснее, что дело, конечно, небольшое, но подсудное и как раз под статью о самоуправстве, по каковой предусмотрен месяц тюрьмы без замены штрафом. Чтобы не иметь излишнего беспокойства, тут же порекомендовали ему и адвоката.

Адвокат — по всему видно — был опытный, сероседой волчьей масти, ходил в потёртом фраке, нюхал табак. И он тоже дал своему клиенту разъяснение, что дело небольшое, но кляузное, поскольку имеется бесспорное самоуправство, но тут же добавил, что страшен, мол, сон, да милостив бог.

Получив аванс, он в положенное время выехал на разбирательство. Дело о самоуправстве загнали далеко, в уезд, откуда был родом ответчик. Когда адвокат явился к земскому начальнику, то уже застал обвинителя на месте и любезно с ним поздоровался:

— Из Самары изволили прибыть, коллега? Далеконько! Я думаю, что не менее ста вёрст... да ещё по нашим российским дорогам!

Приезжий коротко ответил, что расстояние действительно не маленькое, но разговора не поддержал. Вскоре их позвали в камеру земского начальника. Представительный мужчина с благородными подтёками под глазами, зачитав жалобу, сразу предложил сторонам пойти на мировую, ибо дело это нестоящее, мелкожитейское и вполне может быть улажено полюбовно. Приезжий ответил, что и сегодня и в дальнейшем он категорически отказывается от мировой и требует суда по существующему закону. Через некоторое время земский начальник объявил своё решение: дело слушанием отложить ввиду неясности некоторых обстоятельств.

Вернувшись из поездки, адвокат изложил своему подзащитному всё виденное и слышанное. Купец задумчиво теребил бороду, несколько раз принимался выпрашивать:

— Нет, ты мне скажи, для ради чего он старается?! Не пойму, ей-богу! Я тебе плачу денежки, ты хлопчешь, а задаром ты бы и пальцем не шевельнул. Что, не так? А ведь он ещё и свои прикладывает, время теряет, ездит... Это что?!

— Молодо-зелено!— ответил адвокат, пожимая плечами.— Амбиция и всё такое. Но тут нашла коса на камень! Научит его земский! Не скоро он теперь достанет дельце из-под сукна.

Адвокат знал, что говорит.

Уже осень была на исходе, Волга дышала стужей, заолодевшие берега казались остриженными под нулёвку, когда в ненастный день стороны получили вызов.

На этот раз, ожидая своего адвоката, купец беспокоился, томился.

— Отложил вторично земский!— приветствовал его на другой день адвокат, хихикая и потирая руки.— Нашёл причину! Но уж нестерпим сей самаритянин, доложу вам.— В голосе его слышалось даже что-то похожее на восхищение.— Явился весь вымокший, забрызганный, нету сухого местечка... Как нынче добираться от Самары— сами знаете. Всемирный потоп!.. А он будто и не замечает ничего. Предлагали опять мировую— ни за что!.. Ну, да ничего, поездит к земскому— оботрётся... Измором возьмём... Отстанет!

Купец молчал. Было у него такое ощущение, будто он шёл по ровному месту и вдруг ударился лбом обо что-то невидимое им, но кремнёво-твёрдое...

А время не останавливалось. Волгу уже давно сковало льдом. Казалось, что по этой огромной белой равнине никогда не ездили на лодках и не было никакого перевоза, а сама пристань была теперь похожа на сказочный ледяной дом.

За несколько дней до Нового года помощнику присяжного поверенного Ульянову Владимиру Ильичу доставили повестку от земского начальника. Домашним было известно о его тяжбе с купцом. Глядя на сына, который играл сейчас в шахматы со своим гостем, мать с тревогой думала о том, что ему опять предстоит бессонная ночь, опять надо тащиться невесть куда, в поезде, на лошадях и пешком. Она знала, что никаким уговорам он не поддастся, но всё же не могла смолчать:

— Бросил бы ты этого купца, Володя! Напрасно проездишь, только измучаешься.

— Придётся ехать, мама,— мягко ответил сын, поднимая голову от шахматной доски,— надо довести дело до конца! Такого случая нельзя упустить! Сколько они ни откладывают, а приговор вынести придётся! О нём узнают сотни людей, весь город— очень полезный урок!.. Тактика земского ясна— затягивать, откладывать, потому что другого хода нет... Вот как у вас,— улыбнулся он своему партнёру и громко возгласил:— Мат... Но меня они этой тактикой не собьют... Вот только поезд идёт ни свет ни заря... придётся вставать ночью...

*

Была весна. Ослабевшие, истаявшие льдины медленно плыли по вздувшейся воде, с тихим шуршанием задевая одна другую, всё шире становились раз-

воткья. Мокрые поля слегка дымились, в каждой лужице валялись червонные слитки солнца. Навигация ещё не началась, пароходы ещё только прочищали глотки, перекликаясь простуженными гудками, на затонах и пристанях скалывали лёд, а перевоз уже работал.

Целая флотилия перевозила людей на тот берег. Были тут и грузные рыбацьи посудины, и солидные ялики, и юркие лодчонки. И как только затевался где-нибудь разговор,— сразу поминали купца, владельца пристани, сидевшего ныне в арестном доме.

Лодочник в обтрёпанном картузе чувствовал себя героем. Он уже в сотый раз, наверное, рассказывал, как вёз пассажира, который «засудил этакого купчину», и понемногу добавлял всё новые краски:

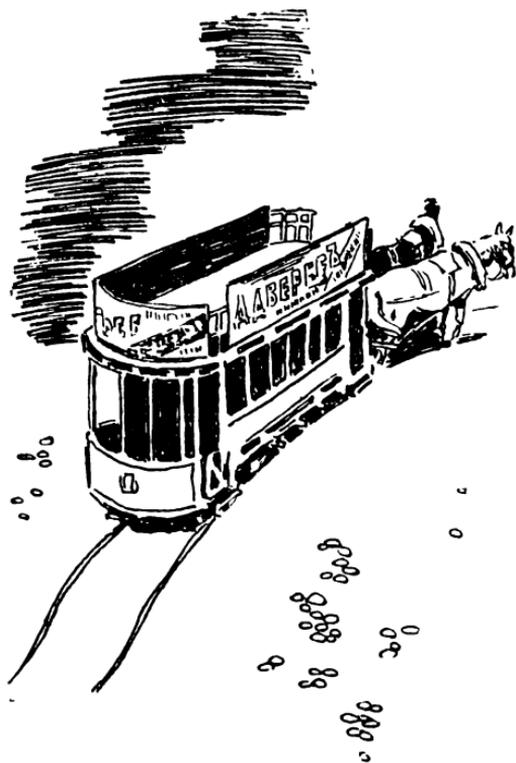
— Наш, волжский! Сразу видать с обличья! Вьюноша, но богатырь, голос зычный. Как отрезал мне: «Греби вперед!»— так у меня сами заходили вёсла!

— Вот обожди, купцу-то сидеть недолго! Выйдет, покажет вам: свет станет в копеечку!

Лодочник торжествующе засмеялся:

— Нет, подавился купец чаем! Больше в тюрьму не захочет! А если что-нибудь удумает, то мы ему...— Лодочник втянул в себя побольше воздуха и прохрипел:— З-а-а-дний х-х-од! Стоп-п!

Леонид Радищев

В зимний день...

Это было давно, в прошлом веке. В Петербурге. Вы, наверное, знаете, что так назывался при царе Ленинград. Владимир Ильич жил тогда в Петербурге. Однажды, в зимний день, Владимир Ильич пришёл на Путиловский завод. Знакомый инженер передал заводскому начальству, что вот, мол, учёный

человек желает познакомиться, как производство поставлено.

Писарь в конторе написал на листочке:

«Разрешается г-ну Ульянову В. И. осмотр заводских помещений». Владимир Ильич поблагодарил и вошёл по пропуску в заводской двор, громадный, с множеством мастерских и цехов. Владимиру Ильичу понравились станки и машины в цехах. Умелость рабочих понравилась. Только уж очень истомлённые лица.

— Свет невесело жжём, чахоточными оттого и глядят,— сказал мастер.

Зимний вечер давно наступил. В сталепрокатной мастерской, которую Владимир Ильич в это время осматривал, горели керосиновые лампы, подвешенные к потолку на железных крюках. От их тусклого света все действительно казались серыми, будто больными. Мастер старательно показывал и объяснял господину посетителю работу в своей мастерской, приняв Владимира Ильича за начальство. Всё шло гладко, но под конец произошла неприятность.

— Это чего?— строго обратился мастер к молодому рабочему с круглыми, как у совёнка, глазами.

Рабочий подправлял щипцами стальную рельсину на прокате, а сам за обе щеки уплетал здоровенную краюху ржаного хлеба.

— Эт-то чего?— строже повторил мастер.

— Проголодаешься, хлебушка достать догадаешься,— смеясь, ответил рабочий.

— Зубы не скаль. С кем говоришь?

Рабочий нахмурился.

— Иди-ка ты, мастер, своей дорогой...

Мастер тоже похмурил.

— Грубости? Получай за грубости штраф.

И отошёл тяжёлыми шагами. Владимир Ильич последовал за ним. В каморке, заменяющей кабинет, мастер вынул из стола расчётную книжку рабочего. Штраф записать.

— Позвольте взглянуть,— попросил Владимир Ильич.

— Гм, гм!..— откашлялся он, читая в книжке расписание дня в сталепрокатной и других мастерских. «Время работы— двенадцать часов. Без перерыва. Рабочие для обеда домой не отпускаются».

— Как же не евши работать?— удивился Владимир Ильич.

— С собой харч из дому приносят.

— Однако вы его заругали за хлеб?

— Не грубиянь,— буркнул мастер. Но понял: господин посетитель против штрафа. Чудной посетитель!

Бам-бом-бу-ум!— забили по железному болту, который висел в мастерской вместо колокола. Во дворе тягуче загудели трубы: «Бросайте работу! Дневная смена кончилась!»

— Эй, Фёдор!— окликнул мастер рабочего, которого хотел наказать.— Прощён тебе штраф. Господину посетителю спасибо скажи.

Рабочий не оглянулся.

— Невежа! Милуй их, невеж!— со злобой выкрикнул мастер.

— Усталому да голодному не до вежливости,— усмехнулся Владимир Ильич.

В толпе сотен рабочих он вышел из заводского двора. Через час в Огородном переулке собирался кружок рабочих-путиловцев. Владимира Ильича ждали там. Впрочем, ждали Фёдора Петровича...

К вечеру стало холоднее. Острый ветерок покалывал щёки. Владимир Ильич поднял воротник.

«Работать в смену двенадцать часов, без обеда, а ещё тебя бьют штрафами. Вот жизни!»— думал Владимир Ильич.

Он пришёл на кружок. Знакомый рабочий встретил его в сенях.

— Господину посетителю спасибо скажи!— услышал Владимир Ильич язвительный голос из комнаты.— Посетитель ушёл, а мне завтра новый штраф влепят!

«Сегодняшний случай обсуждают»,— понял Владимир Ильич.

— Вполне возможно, и влепят. И ни за что ни про что!— сказал он, быстро входя в комнату.

Там за столом сидело человек пятнадцать. Ораторствовал молодой рабочий, по имени Фёдор, с круглыми, как у совёнка, глазами.

— Здравствуйте, тёзка, я Фёдор Петрович!— улыбнулся Владимир Ильич.

— Братцы, этот человек нынешний господин посетитель и есть,— сказал Фёдор и встал.

В комнате стало совсем тихо. И Владимир Ильич увидел в некоторых глазах угрюмость. Но он не огорчился, а, наоборот, был доволен.

— Хорошо, товарищи, что вы осторожны!— картая, живо заговорил Владимир Ильич.— Вы, товарищ Фёдор, правильно суть ухватили: «господин посетитель» ушёл, а мастер и хозяин остались. И по-прежнему будут душить штрафами.

Владимир Ильич говорил, а рабочие слушали. Внимательно слушали, потому что разговор шёл об их жизни и будущем. И Фёдор тихонько опустился на лавку и, не мигая, глядел на своего «тёзку».

— Как нам бороться?— говорил «тёзка», Фёдор Петрович.— Только так— соединиться в союз.

«Верно! Капиталистов в одиночку не осилишь. Вместе надо»,— так думал Фёдор. И на душе у него стало отважно и весело. А Фёдор Петрович всё говорил, и рабочие с ним соглашались и до позднего вечера обсуждали программу борьбы против царя и хозяев.

Когда занятия кончились, Фёдор вызвался:

— Я вас провожу!

Круглые его глаза так и сверкали, уж очень интересны были занятия с Фёдором Петровичем!

Но Фёдор Петрович отказался:

— Нельзя меня провожать. Мы с вами революционеры. А если шпик на улице революционеров выслеживает? Сразу вдвоём попадёмся. Нет, разойдёмся по очереди. Конспирацию, товарищ тёзка, соблюдать надо. Что такое конспирация? Тайна. От шпиков, полицейских, от хозяев и мастера тайна, чтобы знать не знали о нашем союзе. Понятно?

И пальцем погрозил. В шутку, конечно. Но и всерьёз.

И они разошлись по очереди. Сначала один рабочий вышел из дома, второй, третий, а потом уж и Фёдор Петрович. Вы догадались, конечно, что Фёдором Петровичем Владимир Ильич назывался для конспирации, когда приходил к рабочим учить их революционной борьбе.

Он вышел на улицу и радостно вдохнул морозный воздух. Владимир Ильич был рад, что рабочие так жадно его слушали! И ещё он решил написать для всех рабочих статью о штрафах и о борьбе с капиталистами.

Владимир Ильич шёл и думал об этой статье, мыс-

ли его возбуждённо летели, как вдруг он увидел... Была светлая ночь. Ветер гнал по небу белые облака. Жёлтая луна ныряла в облаках, освещая каждый тополёк и скамейки вдоль Огородного переулка, пустого, ночного... Владимир Ильич увидел: по той стороне переулка идёт человек. Прячется в чёрной тени домов и заборов. Владимир Ильич притворился, будто не замечает шпика, и продолжал спокойно идти, только быстрее. Послышался звон конки на Петергофском шоссе. Владимир Ильич прибавил шагу. Bravo! Успел на конку! Но шпик тоже успел. Войдя в конку, Владимир Ильич бегло взглянул на него: тёмные очки, тёмные усики. Владимир Ильич сел впереди у самого выхода, поднял воротник и стал думать, как ему уйти от шпика. Ехать долго-долго до дому! Владимир Ильич притворился, что спит. Опустил голову. Конка качается, и Владимир Ильич покачивается из стороны в сторону. Думает, как уйти. Окна у конки замёрзли, ничего не видно, где едут. Позади Владимира Ильича через две скамейки сидит шпик в тёмных очках, с тёмными усиками.

«Надо сойти за три остановки до дому. Только бы не пропустить, где сойти!» Владимир Ильич привалился к окну, будто спит, а сам дышит на стекло. Можно бы попросить кондуктора: «Называйте остановки, где едем». Опасно! Очень уж голос у Владимира Ильича приметный, картавый. Ничем нельзя себя выдать шпику! Конспирация!

Владимир Ильич надышал на стекле пятнышко. Скосил глаз и глядит. Недолго ехать осталось. Теперь и вовсе недолго. Следующая остановка... Вот и следующая. Остановились.

— Кому сходить?— спрашивает кондуктор.

**В. Б а с о в. Письма из России. Ленин и Крупская в селе
Шушенском.**

Никому. Все молчат. И Владимир Ильич молчит, а сердце бьётся-бьётся. Лошади тронулись, дёрнулась конка, и тогда Владимир Ильич вскочил и выпрыгнул из конки. Побежал к проходному двору. Он знал этот двор, запомнил на всякий случай. Он бежал и слышал звон конки и крики. Вбежал в ворота, на секунду оглянулся. Конку остановили, шпик прыгнул, глядит направо, глядит налево: ни человека на улице, ни огонька в окнах. И конка ушла.

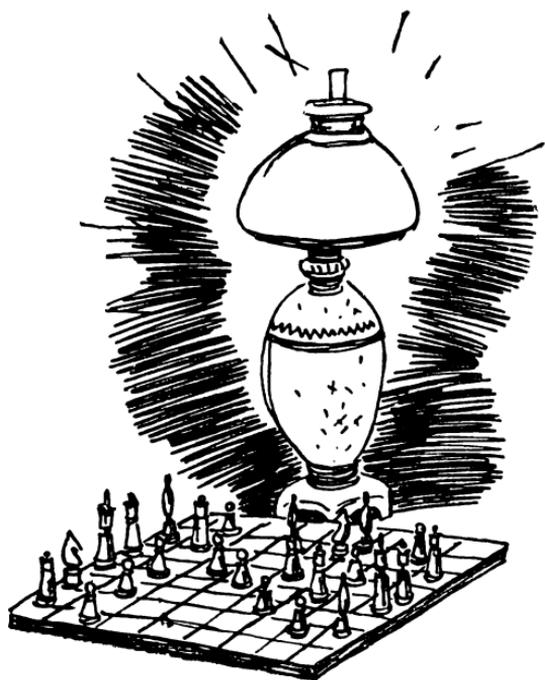
Владимир Ильич через проходной двор вышел на другую улицу и благополучно вернулся домой. Квартирная хозяйка спала. Владимир Ильич на цыпочках пробрался в кухню, вскипятил на спиртовке чаю, достал хлеб. Он был очень голоден.

«Итак, на чём мы остановились, товарищи?— думал Владимир Ильич, попивая горячий чай с хлебом.— Ловко я шпика за нос провёл!— хохотнул он.— Мы остановились...»

Владимир Ильич поглядел на окно. Мороз разрисовал стёкла причудливыми ледяными цветами.

«Никто не даст нам избавленья, сами добьёмся свободы»,— думал Владимир Ильич, щурясь на сказочные, белые, в синих искрах цветы.

М. Прилежаева

Дал слово- держись

Вот что случилось однажды.

Царское правительство арестовало Ленина и сослало его в Сибирь. В далёкое, глухое село, куда и пароходы не ходили и поезда не шли.

А по соседству, в другом селе, тоже жил ссыльный революционер. Фамилия его была Лепешинский.

Приехал раз Лепешинский к Ленину, говорит:

— Не сыграть ли нам в шахматишки, Владимир Ильич?

— С удовольствием,—отвечает Ленин.— Хорошо, что вы догадались захватить шахматы. Я свои в Петербурге оставил.

Лепешинский даже руками всплеснул:

— И я свои в Петербурге оставил. Беда! Здесь ни за какие деньги шахматы не купишь.

Ленин говорит:

— Не огорчайтесь. Мне их родные пришлют. Я уже написал. Так что готовьтесь. В Новый год будем играть в шахматы. Обещаю вам.

Лепешинский сразу повеселел:

— Раз вы обещаете — значит, так и будет!

И уехал к себе.

Прошёл месяц, прошёл другой — нет посылки! Затерялась в дороге. А до Нового года считанные дни остались.

Как же быть? Где достать Ленину шахматы? Не было такого, чтобы Владимир Ильич обещания не выполнил...

Вот и Новый год наступил. Приехал Ленин к Лепешинскому, вошёл в избу, поздоровался, а Лепешинский сразу же:

— Вы, конечно, с шахматами! Прекрасно! Сейчас сразимся!

Ленин говорит:

— Представьте, какое безобразие! До сих пор нет посылки!

Лепешинский просто застонал от огорчения.

А Владимир Ильич вынимает вдруг из чемоданчика шахматную доску самодельную, а вслед и шахматы вытаскивает. Тоже самодельные. Из сосно-

вой коры вырезаны. И так аккуратно, красиво! Сразу видно — вот король, вот королева, а вот пешки.

Лепешинский глазам своим не верит:

— Откуда это? Чудо как хороши!

— Нравится?— спрашивает Ленин.

— Ещё бы! Я тоже хочу такие. Где живёт ваш мастер?

Ленин отвечает:

— Не ищите далеко. Мастер перед вами. Это я вырезал.

Лепешинский от удивления не знает, что и сказать. Наконец спрашивает:

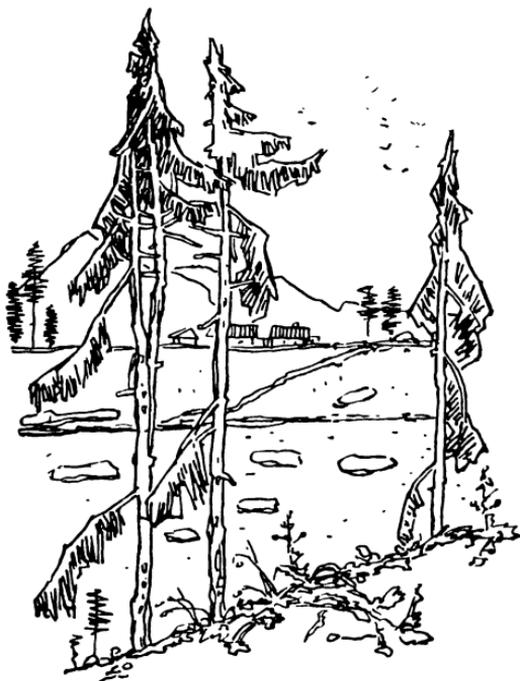
— Да кто же вас научил их делать?

— Пословица научила,— смеётся Ленин.

— Как — пословица? Какая?

— Есть такая,— говорит Ленин.— Русская пословица: «Не давши слово — крепись, а давши — держись!» А теперь шахматы на доску — и за дело! Начинаем сражение!

Н. Ходза

Ма́й

За шушенскими избами ещё лежал снег. А по реке уже плыли большие серые льдины — с шумом и рокотом встречались одна с другой, раскалывались на куски. Весна...

Наступило 1 Мая 1899 года. Разве можно было не отпраздновать этот день, даже в самом глухом углу Сибири, куда ссылали революционеров царские власти!

Утром к Владимиру Ильичу пришёл ссыльный, которого в Шушенском все звали шапочником. Это был

сосланный в Сибирь рабочий польской фабрики, где делались шляпы и шапки. Потому его так и прозвали.

Он нарядился в тот день по-праздничному: надел новый пиджак, белый воротничок. И лицо у него тоже было праздничное, весёлое.

— Пора собираться!— крикнул он ещё с порога.

Собираться было недолго. Через минуту Владимир Ильич, Надежда Константиновна и их гость шапочник уже шли по улице. А впереди бежала собака Владимира Ильича— звали её Женькой. Это была хорошая, весёлая собака.

Владимир Ильич обучил её всяким собачьим наукам: она умела носить поноску, знала, как вести себя на охоте, и не боялась ни ледяной воды, ни колючих кустов. Теперь она скакала впереди, прямо-таки одурев от радости, от весеннего солнца, от лесных запахов, которые приносил с собой ветер. И все смеялись, глядя на её забавные прыжки.

Так, смеясь и разговаривая, пришли к избе, где жил ещё один ссыльный — молодой путиловский рабочий.

Путиловец очень обрадовался гостям и хотел было усадить их, но это оказалось делом нелёгким: в крошечной комнатке был только один стул. Тогда путиловец принёс от хозяев длинную скамью; на ней всем хватило бы места, если усесться в ряд.

Но сегодня сидеть в избе не хотелось: за окном светило солнце, тёплый ветер гулял по улицам, шумели на реке льдины.

— В поле!— сказал Владимир Ильич.— Будем там праздновать.

Идти в поле надо было берегом реки Шушь. Женька смело кинулась в реку — погналась за льдинами.

А шушенские собаки, увидев это, стали на неё лаять. Сами они ледяной воды боялись.

Прилетела из лесу сорока, очень нарядная в своих чёрных и белых перьях, с любопытством поглядела одним глазом на Женьку, протрещала что-то на своём сорочьём языке и улетела.

С берега все поднялись на пригорок. Тут было совсем сухо. Солнце не только высушило рыжую прошлогоднюю траву, но и хорошо нагрело землю. И на одной стороне пригорка, там, где каждый день дольше светило солнце, уже пробивались кверху новые травинки, острые и тоненькие, похожие на зелёные иголки.

Пригорок всем понравился. Каждый стал выбирать себе местечко получше, где бы сесть.

Владимир Ильич сейчас же предложил:

— Ну что ж, давайте песню!

И первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Революционные песни Ленин всегда пел с большим увлечением.

И если ему при этом казалось, что другие подтягивают плохо, то он даже хмурился, начинал нетерпеливо притопывать ногой и сердито поглядывал на тех, кто пел не так, как надо.

Но на этот раз он остался доволен: все пели с таким же увлечением, как и он.

После известных революционных песен пришёл черёд задорной песни: «День настал весёлый мая, песнь раздайся удалая».

А когда уже кончали припев, увидели: бегут к пригорку со стороны Шушенского двое ребятишек.

Это были сыновья шапочника. Они ещё издали кричали:

— Гоп-га! гоп-га!

Вместе с ними прискакала и Женька, совсем мокрая, прямо из реки. Она отряхнулась, побрызгала на всех холодной водой и, так как это никому не понравилось, уселась виновато в сторонке.

— Вместе разом: гоп-га! гоп-га! — попросили ребята.

В угоду им все запели ещё раз:

...Полицейские до поту
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решётку посадить.
Мы плюём на это дело,
Май отпразднуем мы смело.
Вместе разом:
Гоп-га! гоп-га!

Вот это «Вместе разом: гоп-га! гоп-га!» и нравилось ребятам больше всего. Припев этот выходил хором очень дружно. Чем больше людей, тем лучше получалось.

Спели песенку сначала по-русски, потом по-польски, потом опять по-русски.

Когда пропели все песни, шапочник вынул из кармана большой платок и объявил:

— Начинается цирковое отделение!

Он разостлал платок на земле и стал на голову. Это называлось «поставить свечку».

Ребята, хотя и видели это представление не в первый раз, завопили от восторга.

А Женька прыгала вокруг и лаяла.

Путиловец сперва смеялся, как и все, а потом вдруг спросил Ленина серьёзно:

— Владимир Ильич, а когда же мы будем праздновать Первое мая в свободной России?

— Скоро!— уверенно ответил Владимир Ильич и задумался, глядя вдаль.

А вдали виднелись высокие Саянские горы. Только в ясный день и можно было разглядеть их из Шушенского. Они казались лёгкими, голубыми— чуть темнее неба.

Закончили встречу Первого мая на квартире у Ленина.

Здесь опять составили хор; он получился сильней: голосов стало больше. К поющим присоединились мать Надежды Константиновны и одна шушенская девушка, по имени Паша.

Вспомнили погибших товарищей и в их память запели любимую песню Владимира Ильича:

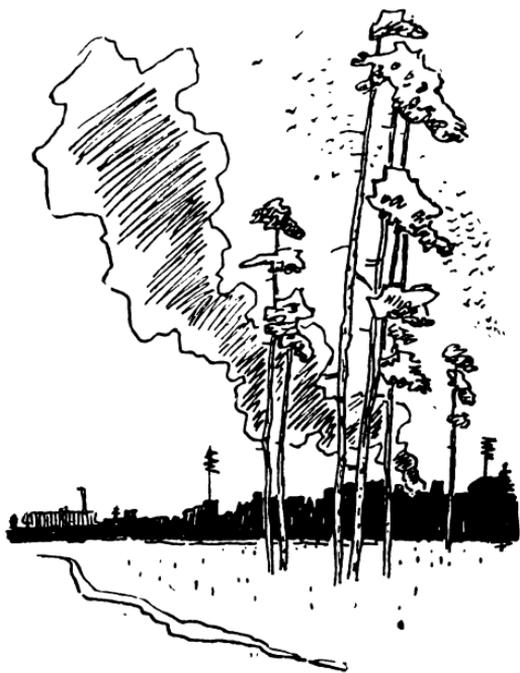
Замучен тяжёлой неволей...

И долго ещё раздавались в тесной деревенской избе революционные песни.

А когда гости разошлись по домам, Владимир Ильич никак не мог уснуть.

Взволнованный, он всё ходил из угла в угол по комнате и до утра говорил с Надеждой Константиновной о том, каким прекрасным будет праздник Первого мая в свободной России.

А. Кононов

Ленинская бумага

Лесов в Сибири много. Есть там такие леса, что идёшь день, идёшь два, а конца-краю не видно.

И у сибирских крестьян ещё с давних времён заведён был такой порядок: когда земли для посева не хватало, они вырубали участок леса, раскладывали там весной большие костры, выжигали огнём старую траву, пни, сучья. А потом распахивали этот участок. Получалось поле, и на этом поле сеяли хлеб.

Так делали и шушенские крестьяне. И вот один раз произошёл такой случай: принялись крестьяне на своих участках жечь прошлогоднюю траву и сухой хворост, а огонь разгорелся и перекинулся в казённый лес. И в этом казённом лесу сгорело много сосен.

Приехал лесной объездчик — он казённый лес караулил — и стал разузнавать, кто виноват. Но ничего не узнал и уехал.

Через некоторое время прослышали в Шушенском: донёс объездчик начальству, что лес загорелся будто бы по вине одного шушенского крестьянина, Дмитрия Даниловича.

Видно, не хотелось объездчику признаться, что он ничего не знает, вот и указал он на кого попало.

Крестьянин этот жил недалеко от той избы, где поселился Ленин.

Вот идёт однажды Дмитрий Данилович по улице невесёлый. А навстречу ему — Ленин.

— Что невесел, Дмитрий Данилович?

— Да что ж... горе одно, Владимир Ильич.

И рассказал он Ленину про своё горе: решило начальство взыскать с него все убытки от лесного пожара. А это значит, что и он и дети его нищими станут.

Выслушал его Владимир Ильич и говорит:

— Без суда решать это дело не имеют права. Я тебе, Дмитрий Данилович, бумагу такую напишу, а ты её в город свезёшь, главному лесничему.

— А ну-ка он у меня не возьмёт бумагу-то?

— На стол ему положи.

— А он её со стола скинет.

Владимир Ильич поглядел на Данилыча, головой покачал:

— Всё равно дела этого оставлять нельзя. Скинет начальник бумагу — ты её подыми.

— Да он меня вон выгонит.

И ведь верно: мог выгнать вон. Знал про это и Владимир Ильич.

— Тогда ты опусти бумагу в почтовый ящик. Дойдёт бумага к начальству по почте — ему трудней будет от неё отказаться.

На том и порешили. Владимир Ильич написал нужную бумагу, и Дмитрий Данилович уехал с ней в город.

Вернулся Дмитрий Данилович из города—и опять что-то невесёлый.

Позвал его Ленин к себе в избу:

— Ну, как дела?

— Да что ж дела... горе одно, Владимир Ильич. Говорит, а сам на Ленина и не глядит. Видит Владимир Ильич — что-то неладно.

— А бумага где? Возил ты её в город?

Закашлялся Данилыч, в карман зачем-то полез. Да ничего не поделаешь, на прямой вопрос надо ответ давать.

Покраснел он.

— Да нет... жена её куда-то сунула.

Уж потом Данилыч рассказывал: рассердился Ленин.

Рассердился, вскочил, по комнате заходил. Но не стал бранить Дмитрия Даниловича. Видел Ленин: побоялся крестьянин начальства, побоялся отдать бумагу.

Помолчал Владимир Ильич. А потом говорит:

— Дмитрий Данилович! Надо учиться защищать себя. Ты зайди ко мне завтра утром.

Заходит тот поутру, а у Ленина новая бумага

написана. Дал он её подписать Данилычу. И отправил в город её на этот раз сам.

Прошёл после этого год, потом другой. Видят крестьяне: не трогает начальство Дмитрия Даниловича, не разоряет его хозяйства.

Уж и Ленин уехал из Шушенского, а крестьяне всё вспоминали про тот случай с лесным пожаром:

— Помогла ленинская бумага.

А. Кононов

Кольца дружбы

Наступил май. Чёрные пашни вокруг села Шушенского покрылись нежной зеленью. Редкий, наполовину вырубленный лесок прихорошился. Дороги высохли.

Оскар сидел на завалинке и угрюмо наблюдал, как быстро мелькают спицы в руках старой хозяйки.

— Что, недужится, сынок?— спросила женщина.

Оскар ничего не ответил. Да и что было отвечать? Он сам не знает, что с ним. Недавно Владимир Ильич целый час расспрашивал его: где болит, как

болит? Оскар толком объяснить не мог. Пропали силы — и всё, и это в двадцать два года! С руками беда, мешают. Ляжет спать — рука под боком как камень, идёт — руки по сторонам болтаются, сядет — не знает, куда их деть.

— Большая помеха для человека руки, — жаловался Оскар.

А Владимир Ильич смеётся:

— Вылечим вас, Оскар Александрович, непременно вылечим.

Удивительный он человек, Владимир Ильич. Всегда весел, и ссылка ему нипочём. Работает много, пишет, а успевает и на охоту сходить и какие-то мудрёные шахматные задачи решает. Вечерами Оскара просвещает: читают вместе политические книги.

Мимо пробежал соседский парнишка Лёнька с холщовой школьной сумкой через плечо. Взметнул босыми ногами облако пыли.

Был Оскар чуть побольше Лёньки, когда отец — финский рабочий — повёл его отдавать в люди. Остановились на Невском у витрины. За зеркальным стеклом на лиловом бархате были рассыпаны несметные сокровища: тонкие золотые цепочки с подвесками, тяжёлые браслеты, кольца и брошки с крохотными букетами из драгоценных камней. Были похожи эти камни то на капли мёда, то на утреннюю росу... «Вот и ты такие штучки будешь делать, — сказал отец, — я определил тебя к золотых дел мастеру». Мальчик даже зажмурился от радости. Он представил себе, как будет сидеть на бархатном стуле, в бархатном колпаке и каким-то необыкновенным шильцем мастерить эти сказочные вещи.

Первое, с чем познакомился Оскар, был ригель — длиннющий стальной палец, на котором правят коль-

ца. Сколько шишек на голове Оскара насажал этим ригелем мастер Тайфер — не сосчитать. Тайфер никогда не называл его по имени, окликал презрительно: «Эй ты, чухна!»

Четыре года присматривал Оскар за хозяйскими детьми, бегал за ситным, за водкой, урывками обучался ювелирному ремеслу, а в шестнадцать лет распрощался с хозяином и нанялся на Путиловский завод.

Был ювелиром, стал токарем. Был просто учеником, которого всякий обидеть мог, стал смелым революционером. Хлипкий парнишка выровнялся в ладного питерского мастерового. О крепости его кулаков мог рассказать провокатор, которого разоблачили на заводе. Из-за этого провокатора и угодил Оскар в ссылку на три года.

...Оскар поднялся с завалинки и пошёл в избу, к себе в комнату. Лежал, закинув руки за голову: не то дремал, не то о чём-то думал.

Очнулся от тележного скрипа и ребячьего гомона. Подошёл к окну. Напротив, у дома Зыряновых, остановилась телега. На ней сидели две женщины в городских платьях, в шляпках. Орава ребятишек облепила телегу, и Лёнька был среди них.

— Да ведь это невеста Владимира Ильича приехала! — ахнул Оскар, выбежал из избы и в три прыжка перемахнул через улицу.

— Вы — Надежда Константиновна? Здравствуй-те! — приветствовал Оскар девушку с тонкой талией, в серенькой блузке.

Девушка посмотрела на него смелыми светлосерыми глазами, и её пухлые губы дрогнули в весёлой усмешке.

— А вы, наверное, и есть болящий Оскар Алек-

сандрович? Что-то не похоже! Здравствуйте!— Она протянула ему руку.— Познакомьтесь с моей мамой Елизаветой Васильевной. А почему Владимир Ильич нас не встречает? Он не болен?

— Они на охоту ушли,— разгребая пыль ногой, доложил Лёнька.

Мальчишки хором подтвердили.

— Владимир Ильич очень вас ждал, волновался, а вот сегодня, как нарочно, уехал на охоту,— попытался Оскар смягчить огорчительную весть.

— Что же нам делать?— улыбнулась Надежда Константиновна.— Неужели уезжать обратно?

— Никак нельзя,— решительно возразил Лёнька,— они к вечеру вернутся.

Оскар с мальчишками помог женщинам перетасовать вещи в дом и ушёл к себе.

А вечером Лёнька постучал в окно и сказал, что его зовёт Владимир Ильич. Оскар стал приводить себя в парадный вид.

В доме Зыряновых было шумно, весело. Сияющий Владимир Ильич помогал Надежде Константиновне расставлять чашки и упрашивал её поскорее выдать подарки, а главное — не таить книги.

— Ну уж нет,— отрицательно качала головой Надежда Константиновна. Она пыталась выглядеть сердитой, но глаза у неё смеялись.— За такую встречу подарки отменяются. Подарки получают только Лёня и Оскар Александрович, они нас хорошо встретили.— И Надежда Константиновна протянула Лёньке новую блестящую книжку с яркими картинками.— А вот лекарство от вашей болезни,— показала она Оскару на плетёную корзину.

— Да, да, да! Сильнодействующие пилюли,— подтвердил Владимир Ильич.

Оскар нерешительно подошёл к корзине, присел на корточки и стал её распаковывать. Развязал верёвки, поднял крышку. Видит — корзина наполнена какими-то свёртками в синей промасленной бумаге. Развернул один — и глазам не поверил: шперак — маленькая наковальня для ювелирных работ. Развернул другой, третий, четвёртый — полный набор ювелирных инструментов, и на самом дне — ригель.

— А, ненавистный вам ригель! — воскликнул Владимир Ильич. — Дайте-ка взглянуть.

— Ненавистный, когда он в злой руке, — возразил Оскар и встал в величайшем смущении.

Две худенькие женщины четыре с половиной тысячи вёрст везли такую тяжёлую корзину. Одних пересадок сколько, а ведь где помогут, а где и самим тащить приходилось.

— Это вы виноваты, — сказал с укоризной Оскар Владимиру Ильичу, — я ведь не просил, нет, не просил, только мечту имел.

На токарном станке в деревне делать нечего было, а вот ювелирной работы у здешних богачей было много. Оскар как-то сказал об этом Владимиру Ильичу. Сказал — и забыл. А он помнил.

— Владимир Ильич такое письмо о вашей болезни написал, что мы готовы были тащить сюда токарный станок, — сказала, смеясь, Елизавета Васильевна, но Владимир Ильич сделал ей «страшные глаза» и приложил к губам палец.

Утром Оскар прибрал комнату, как к большому празднику: вымыл пол, выскоблил стол, постелил на нём кусок чистой холстины и разложил свои сокровища.

Он уже знал, с чего начать.

Вынул из кармана пятак, посмотрел на него: двуглавый орёл. Сразу вспомнил — полицейская кокарда, герб Российской империи. В правой лапе орёл сжимал скипетр, напомнивший Оскару ригель в руке мастера Тайфера.

Положил пятак на наковальню и со злостью хватил по нему молотком. Монета расплющилась. Оскар сбил монету в бесформенный комок красной меди и зажёл паяльную лампу. Скоро металл в лунке из угля расплавился и задрожал, как ртуть. Оскар вылил его в форму, сунул в ведро с водой и забыл обо всём на свете... Он пилил, шлифовал, правил на ригеле маленькое медное колечко, заблестевшее красным золотом. В полдень хозяйка пришла звать Оскара обедать, но он только рукой махнул. Никогда! Теперь у него была работа. Он глянул на свои руки. Жилы на них чуть-чуть вздулись, но руки стали лёгкие, живые и совсем не лишние. Растопырил пальцы и сжал их, растопырил и снова сжал. Весело!

Он работал, напевая какую-то финскую песенку. К вечеру сделал и второе кольцо. Вычертил замысловатый орнамент на листочке бумаги и оклеил им спичечную коробку.

По утренней росе побежал на берег Шуши. В то майское утро там цвели ландыши, одуванчики, куролслеп. Оскар набрал цветов и связал их ниткой. Вынул колечко из коробки, солнце так и село на нём бриллиантовой каплей. Никогда он не видел кольца чудесней.

Оскар медленно пошёл к дому Зыряновых. Потом не вытерпел, сорвал с головы картуз и побежал. Ему хотелось поскорее отнести свой подарок Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Сибирский ветер разносил по степи слова придуманной Оскаром песни о чистых озёрах, о душистых лесах и о самом большом счастье для человека — иметь хороших друзей.

*

Эти кольца хранятся в Центральном музее Владимира Ильича Ленина. От времени кольца потемнели, но они по-прежнему прекрасны. Потому что сделаны по велению сердца, руками, стосковавшимися по работе. Это дар человеческой любви. Это кольца дружбы.

3. Воскресенская

Визитное платье

Дождь лил, не переставая, третий день. Цветы на клумбах полегли, в лужах плавали завязи яблок, сбитые ветром. Примолкли птицы. Река вздулась от дождей.

Ненасстье и тревога наполнили маленький бревенчатый домик.

А ещё недавно стояли жаркие июньские дни, и в доме было празднично. Вся семья ждала приезда дорогого гостя — Владимира Ильича. Мария Александровна сняла этот золотистый домик на берегу Пахры. Три окна смотрят на дорогу. Позади дома небольшой сад. В углу сада беседка, и перед ней крокетная площадка. «Всё здесь напомнит Володе Симбирск, детство, — думала мать, — и Пахра чем-то походит на Свягу».

Наконец-то все дети на свободе. Кончилась трёхлетняя ссылка Владимира Ильича, позади тревожные дни, когда Дмитрий Ильич и Мария Ильинична находились в тюрьме. Материнское сердце отдышалось. И вот пришла тревожная весть — Владимира Ильича снова арестовали. Мария Александровна не выдержала нового испытания — слегла.

Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич в столовой ждут, что скажет врач. Дмитрий Ильич перелистывает медицинский учебник.

Доктор Левицкий вышел из комнаты Марии Александровны, и все трое поднялись ему навстречу.

— Что вы находите, доктор? — обеспокоенно спросила Анна Ильинична. — Какое лечение?

— Ничего страшного. А лечение — свежий воздух, волнения только радостные.

— Но у мамочки больное сердце, ей столько пришлось пережить, — замечает Мария Ильинична.

— И шестьдесят пять лет дадут о себе знать, — добавляет Дмитрий Ильич.

Доктор пощипал бородку, внимательно посмотрел на книгу, которую Дмитрий Ильич держал в руках.

— Дорогой коллега, — сказал он. — Сердце матери ещё ни в одном медицинском учебнике не

описано, тайны его могущества не раскрыты. А хорошая доза радости — для него самое лучшее лекарство. Да-с. Я разрешил вашей матушке вставать, завтра наведаюсь. А пока честь имею кланяться...

Сёстры направились в комнату матери, а она сама вышла им навстречу, чуть побледневшая, но снова бодрая.

— Мамочка! Как ты себя чувствуешь?

— Значительно лучше, — ответила Мария Александровна, — настолько лучше, что я решила ехать в Петербург.

— Это невозможно! Ты больна! — воскликнули сёстры.

— Я не могу бездеятельно сидеть и ждать. Может быть, мне удастся облегчить участь Володи. Поддам прошение в жандармское управление... Митенька, сходи, пожалуйста, на станцию, купи мне билет. Да оденься получше. Такой унылый дождь. А тебя, Анюта, я прошу привести в порядок моё визитное платье, а я с Маняшей соберу саквояж.

Дмитрий Ильич отправился на станцию. Анна Ильинична вынула из гардероба чёрное платье и стала прилаживать к нему свежий воротничок.

«Славный мамочкин боевой мундир», — подумала она с нежностью.

Не для праздничных визитов было сшито это платье, а для посещений приёмных жандармских управлений, генерал-губернаторов. Каждый раз, когда с кем-нибудь из детей случалась беда, мать вступала в тяжёлую, упорную и терпеливую борьбу. Только платье знает, как тревожно билось сердце, а затем и вовсе замирало, слыша жёсткое, холодное: «В вашей просьбе отказано». Но она никогда не складывала рук, не приходила в отчаяние, а, сжав

тонкими пальцами перо, вновь и вновь писала прошения, писала так, как принято было писать: «Милостивый государь! Честь имею покорнейше просить...» Сколько таких прошений хранится в архивах жандармских управлений!

Мария Ильинична помогала укладывать саквояж и с тревогой поглядывала на маму. «Как она поедет? Может быть, попросить доктора Левицкого быть её «случайным» попутчиком? Попытаться ещё раз отговорить её от поездки?»

У дверей затрезвонил колокольчик. В сенях шум, смех... И, как весёлый летний ураган, в комнату влетели разом Дмитрий Ильич и Владимир Ильич.

— Мамочка! Володя приехал! Мамочка!— кричит Анна Ильинична.

— Володюшка! Володюшка!— спешит мать навстречу сыну.— Здоров? Свободен?

— Здоров, совершенно свободен и счастлив безмерно.— Владимир Ильич скинул мокрое пальто, обнял мать.

— Володенька, братик, скажи, что я не сплю и что всё это наяву!— теребит брата Мария Ильинична.

— Анюта, убери скорее моё визитное платье,— просит Мария Александровна.

— С превеликим удовольствием.

Анна Ильинична вешает платье в гардероб и плотно-плотно закрывает дверку.

Сёстры собирают на стол, в доме звучит смех.

Владимир Ильич бережно усадил Марию Александровну на диван и сел рядом с ней.

— До чего же хорошо дома, просто прелесть! Представляю, как здесь красиво в солнечную погоду.

— Здесь даже и в ненастье уютно,— отвечает

счастливая мать.— Посмотри, какой светлый дождь за окном.

— Ну, расскажи, Володик, как тебе удалось выбраться из тюрьмы и как ты попался,—просила Анна.

Мария Александровна садится к самовару, разливает чай.

— Приехал в Питер и... подцепил «хвост»,— смеётся Владимир Ильич.— Когда жандармы схватили меня, первой мыслью было: как бы освободить карманы. Но не тут-то было! Два дюжих молодца закрутили мне руки назад, а третий зорко следил, чтобы я чего-нибудь не сжевал. А в карманах у меня просто сейф: две тысячи рублей— на газету получил, большое письмо Плеханову с подробным планом организации газеты, адреса конспиративных квартир.

— Умереть можно от страха,— поёживается Мария Ильинична.

— Но!—поднимает палец Владимир Ильич.— Всё это было записано молоком, лимонной кислотой и разной прочей снедью, записано между строчек на разных квитанциях. Сижу в камере и раздумываю: догадаются жандармы все эти квитанции утюгом прогладить или нет? И, представьте себе, не догадались! Через десять дней вызывают меня и строго-настрого внушают, что без разрешения в Питер и ещё в шестьдесят городов мне приезжать не велено. Вернули мне всё моё имущество, деньги и даже заграничный паспорт.

Мария Александровна, стараясь не выдать огорчения, спросила:

— Ты что, Володюшка, за границу собираешься?

— Да, мамочка, в Германию. Мы задумали боль-

шое, важное дело — решили издавать газету. Будем печатать её в Германии и тайными путями переправлять в Россию.

— А как она будет называться?— спросила Анна Ильинична.

— «Искра»!— воскликнул Владимир Ильич.— «Из искры возгорится пламя». Помните?

— Да, да,— говорит Мария Ильинична,— это из ответа декабристов Пушкину.

Мария Александровна прислушивается к разговору детей и понимает, что задумано великое дело. По всей России будут созданы опорные пункты для газеты. Владимир Ильич уже побывал в Риге, Смоленске, Петербурге, Москве и в Пскове и везде организовал работу корреспондентов, агентов по распространению газеты.

— Вот бы съездить ещё на Волгу— в Самару, в Нижний, по пути завернуть в Сызрань, проехаться к Надюше в Уфу!

— Соскучился?— спрашивает участливо мать.

— Очень!— искренне вырвалось у Владимира Ильича.— Это ведь первая наша разлука. И хочется познакомиться с товарищами в Уфе... Разложить наши костры по Волге. Вот «Искра» и должна будет их зажечь.

— А если тебе попросить разрешения?— спросила мать.

— Уже просил. Наотрез отказали,— вздохнул Владимир Ильич.

Дождь перестал. Владимир Ильич распахнул окно.

— Пойдём, мамочка, посмотрим сад,— предложил Владимир Ильич.— Только надень калоши и пальто.

Опираясь на руку сына, Мария Александровна вышла в сад.

— Как красиво здесь! Прямо как в Симбирске!— восхищался Владимир Ильич.— Я вызвал сюда товарищей посоветоваться о наших делах. А пока они приедут, мы будем с тобой целые дни проводить вместе. Я даже писать не буду.

Мария Александровна молчала, она думала о чём-то другом.

— Знаешь, Володюшка, я, кажется, придумала, как тебе поехать к Надюше и по твоим кострам на Волге.

— Мамочка!

— Да, да, я должна познакомиться с невесткой,— весело продолжала Мария Александровна, и лучики-морщинки разбежались вокруг глаз.

— С Надей?— удивился Владимир Ильич.— Но ты же с ней знакома.

— Да, но жандармам это неизвестно. Женился ты в ссылке, домой жену не довёз.

— Полиция не разрешила, ей ещё полгода быть в ссылке.

— Так вот. Я должна познакомиться с невесткой. Это моё материнское право, и отказать мне в этом не могут. Я поеду в Петербург и буду хлопотать.

— Но ты можешь ехать к ней и без разрешения.

— Я не могу ехать одна. Мне шестьдесят пять лет. У меня большое сердце. А кто же должен сопровождать меня и представить матери свою жену? Сын... Ты, Володюшка! Я сегодня же поеду в Петербург,— твёрдо сказала Мария Александровна.

Владимир Ильич молча обнял мать.

По дорожке к ним шла Анна Ильинична.

— Ну, как тебе здесь нравится, Володик? Наконец-то наша мамочка дождалась тебя.

Владимир Ильич только развёл руками. Вид у него был счастливый и чем-то смущённый.

— Анечка, я еду сегодня в Петербург. Вынь, пожалуйста, моё визитное платье, и пусть Митя сходит на станцию,— ласково сказала Мария Александровна.

3. Воскресенская

В тёмную ночь

Это было давно. В 1907 году. В Финляндии.

Стоял декабрь, а настоящей зимы ещё не было. Юго-западный ветер взламывал неокрепшие льды Ботнического залива. Тысячи небольших островов и островков — шхеры, покрытые снегом, были похожи на вздыбленные и застывшие волны.

По дороге, ведущей из города Або по островам,

лошадь тащила санки. На облучке сидел финн Виктор Карлсон. Он вёз на остров Лилльмэло человека, про которого Карлсону сказали, что это враг русского царя и что он скрывается от царской полиции. Вот и всё, что знал о своём седоке Карлсон.

А седоком был Владимир Ильич Ленин.

Русские жандармы получили приказ разыскать и арестовать Ленина, поэтому Владимиру Ильичу нужно было немедленно выехать за границу.

На закате дорога привела к одинокому красному домику на скалистом холме.

— Приехали,— важно сказал Карлсон.

Он слез с облучка, привязал лошадь и с силой толкнул ногой дверь.

Небольшая комната-кухня, в которую они вошли, блестела чистотой. На полу были разостланы светлые половики, самодельные коврики украшали бревенчатые стены, на полке у большой печки сияли начищенные медные кастрюли. От печи до стен под самым потолком тянулись тонкие шесты с нанизанными на них круглыми, плоскими, как лепёшки, ржаными хлебами.

Стоя у порога, Карлсон о чём-то вполголоса поговорил с хозяином дома Бергманом, попрощался со своим пассажиром, кивнул хозяйке и торопливо ушёл.

Владимир Ильич сел рядом с хозяином на широкую скамью и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Друг, мне нужно скорее попасть в Стокгольм. Как это сделать?

Рыбак коричневым, как сук, пальцем набивал трубку. Он молчал, потому что не мог делать два дела разом: набивать трубку и разговаривать. Наконец трубка разгорелась, рыбак затянулся, окинул

медленным взглядом приезжего, словно оценивая его силы, и произнёс:

— Не пойдёт! Нет дороги. Ни пешком, ни на лодке. Надо ждать, пока станет лёд.

— Вы говорите: «Ни пешком, ни на лодке». А если пешком и на лодке? Идти по льду, а лодку толкать перед собой?— живо подхватил Владимир Ильич.

— Не пойдёт,— упрямо повторил рыбак.— Лёд не выдержит человека. Лодка не пробьётся сквозь густой лёд.

Утром Владимир Ильич поднялся вместе с хозяином. Умывшись, он сразу сел за стол у окна и развернул тетрадь.

Из маленького оконца были видны невысокие гряды скалистых островов, поросших редкими деревьями. Какая сила удерживала деревья на голых и гладких скалах? Семена их находили присыпанные землёй щербинки, корни нащупывали трещинки, росли и крепили, вгрызаясь в гранит. Теперь уже никакие штормы не могли свалить эти деревья.

Бергман из кухни поглядывал в приоткрытую дверь спальни и, вспоминая слова Карлсона, думал: «Неужели это и есть самый сильный враг царя? А с виду — обыкновенный человек. Вот он сидит у стола, опустив левое плечо, чуть склонив набок большую голову, и быстро-быстро пишет, не обращая внимания ни на вой ветра, ни на рокот волн. Потом просматривает какие-то таблицы, греет руки под мышками и снова пишет».

Семья садится завтракать. Хозяйка ставит на стол медный кофейник, снимает с шеста круглые хлебы.

— Пожалуйста, к столу,— приглашает хозяйин.

Владимир Ильич выходит в кухню, приветливо

улыбается, и вот он уже полон доброжелательного внимания и интереса к жизни этой семьи, их заботам. Он расспрашивает, как Бергман умудряется сеять на скалах, какие культуры выращивает, интересуется уловом рыбы, даже молчаливую хозяйку вовлекает в разговор.

*

Несколько дней Владимир Ильич живет у Бергмана. А медлить нельзя — его ждут большие, неотложные дела. Во что бы то ни стало надо скорее попасть в Стокгольм и затем в Швейцарию, чтобы оттуда наладить связь с рабочими России, с партией и готовиться к будущим революционным боям.

Прошло ещё два томительных дня.

Утром, после обычного вопроса «как лёд?», Бергман ответил:

— Лёд ещё не стал. Ветер не переменялся. Раньше нового года отсюда не выбраться. На следующей неделе начинаются рождественские праздники, а кто в праздники отправляется в путешествие?

— Нет, — твёрдо сказал Владимир Ильич. — Мне надо быть в Стокгольме до рождественских праздников. Завтра мы должны выехать. Завтра!

Рыбак молчал, продолжая заниматься своими делами.

Но после обеда он вытащил из-под навеса небольшую плоскодонную лодку и начал её оснащать: впереди уключин прибил прочные стойки высотой в полметра, а на них, поперёк лодки, прикрепил шест.

Вечером Бергман сообщил, что к отъезду всё готово. Отправляться надо до рассвета, чтобы в темноте миновать населённые места и вовремя добраться до водяной дороги, проложенной ледоколом. Он

неодобрительно посмотрел на хромовые сапоги гостя и после обеда куда-то ушёл. Вернулся с огромными рыбацкими сапогами.

...До конца ночи оставалось менее двух часов. Хозяйка подала на стол жареную рыбу, хлеб, кофе. Владимир Ильич отхлебнул несколько глотков и, подойдя к хозяйке, крепко пожал ей руку:

— Большое спасибо! Большое спасибо за всё!

Скупая, как зимнее северное солнце, улыбка осветила лицо женщины.

*

С моря доносились тревожные гудки пароходов. Луна, выбираясь из тумана, освещала тёмную поверхность Ботнического залива.

Держась с обеих сторон за шест, путники двигали лодку вперёд. Она гроыхала деревянным днищем по неровной поверхности льда, ноги спотыкались о замёрзшие комья снега. Владимир Ильич правой рукой держался за шест, а в левой нёс рыбацкий фонарь.

Бергман вёл каким-то хитрым, извилистым, одному ему известным путём. Каждые пятьдесят—сто шагов он останавливался, брал из лодки багор с острым наконечником и сильным движением с возгласом «я-гха!» вбивал его впереди лодки, проверяя, насколько прочен лёд.

Северный ветер усиливался, стегал по воспалённым лицам, мимо фонаря проносились густые космы игольчатого снега.

Прошли не больше двух километров, а уже устали, пот заливал глаза.

Наметился мутный рассвет, серый и немощный. Казалось, он никогда не превратится в белый день.

Ледяные пространства между островами становились всё шире. Перед одним островком была огромная полынья. Путники в первый раз забрались в лодку и в несколько взмахов вёсел подвели её к ледяной кромке. Потом волоком перетащили лодку через островок.

— Теперь надо перебраться на тот остров.— Бергман показал рукавицей прямо перед собой.

Впереди виднелись ледяные торосы, заporошённые снегом.

Держась за шест, который вырывался из руки, стараясь согласовывать свои движения с Бергманом, Владимир Ильич всматривался в даль.

— Много ли мы прошли?— спросил он.

— Самое длинное — позади, самое трудное — впереди,— загадочно ответил Бергман.

Он всё чаще останавливался, произнося своё «я-гха!». Оно звучало то как тревога, то как вопрос, а то и как яростное ругательство.

На большой плоской льдине Владимир Ильич хотел перевести дыхание, расправить руки и ноги. Но не успел он сделать и двух шагов, как льдина накренилась и левая нога скользнула в воду.

Владимир Ильич ещё крепче ухватился за шест и широко занёс правую ногу, чтобы опереться ею на ребро прозрачной льдины, выпиравшей из-под снега. Но едва он ступил на неё, ледяная глыба нырнула, вода залила сапог, шест затрещал...

Льдины, зловеще шурша, стали расходиться в разные стороны, лёд уходил из-под ног: велика была опасность!

Владимир Ильич взглянул на своего спутника: лицо Бергмана потемнело, глаза округлились; гулко ухая, он проваливался по пояс в воду.

— В лодку! Скорее в лодку!

Кто сказал это? Может быть, Бергману почудилось? Быстро перехватывая руками шест, оба приблизились к лодке. Шест гнулся и скрипел. Спутники схватились за уключины и рывком, одновременно с обеих сторон, перебросились в лодку.

Владимир Ильич почувствовал внезапный озноб. Не в силах сдержать дробного стука зубов, он неожиданно громко рассмеялся:

— А вода довольно прохладная...

Бергман трясущимися руками развернул большой тюк войлока. Он вынул оттуда сапоги Владимира Ильича. Сапоги будто сняли с печки — они были совсем тёплые, а внутри лежали шерстяные носки, засунутые туда заботливой хозяйкой. Рыбак поймал весёлый благодарный взгляд своего спутника и отвёл глаза в сторону.

Держа в руках носки, Владимир Ильич спросил, не промок ли Бергман. Нет, не промок. На нём был брезентовый комбинезон с притачанными сапогами. Владимир Ильич сменил носки и сапоги и стал делать энергичные движения руками, чтобы согреться.

Бергман тем временем извлёк из войлока флягу и осторожно открутил крышку. Из посуды повалил пар горячего кофе.

— Чудесно! — с восхищением сказал Владимир Ильич, отпивая из кружки горячий напиток.

Подкрепившись, двинулись в путь. Добрались до ледяной кромки и снова потащили лодку.

Теперь уже не более полукилометра отделяло путников от острова *Nágu*, у которого проходила водная дорога. Там нужно было дожидаться шведского парохода, идущего из Або в Стокгольм.

Эти сотни метров, казалось, были самыми трудными.

Но вот блеснула узкая лента воды, проложенная ледоколом. Ещё немного усилий, и оба путника, забравшись в лодку, стали ждать пароход.

Бергман отбил стойки от бортов. Больше они не нужны. Лодку он оставит у знакомого рыбака, а сам вернётся домой на пароходе.

Туман рассеивался. Ледяные просторы из серых стали зеленовато-голубыми. Наступил день.

Сидя в лодке, Владимир Ильич и Бергман смотрели на северо-восток, откуда должен был прийти пароход.

И вот над высоким островом показался движущийся султан серого дыма. Пароход! Он казался огромным на узкой водяной дороге. Путники энергично замахали шарфами... Их заметили.

С борта спустили шлюпку с матросом.

Владимир Ильич обеими руками сжал руку Бергмана, потом привлёк его к себе и обнял за плечи.

— Счастливого пути! Счастливого пути!— тихо повторял Бергман.

3. Воскресенская

Большое и малое

Однажды группа московских пионеров пришла в Музей Революции. Было это утром. Ребята — они учились во второй смене — долго ходили по гулким, пустынным в такое раннее время залам, рассматривали картины, статуи, документы.

Экскурсовод подвёл их к портретам старых большевиков.

— Вот это — Григорий Иванович Петровский, боевой соратник Ленина, — сказал экскурсовод, подняв указку к пожелтевшей фотографии.

Со снимка пристально глядел на пионеров простой парень, по виду рабочий, с зачёсанными наверх волосами и густыми усами.

Экскурсовод оглянулся и, заметив, что в зал вошёл невысокий седой мужчина в синем костюме, улыбаясь, шёпотом сказал:

— А это — заместитель директора нашего музея...

Пионеры удивились: почему экскурсовод ни с того ни с сего вдруг заговорил о нём?

Но тут же всё разъяснилось.

— Его зовут Григорий Иванович Петровский, — также шёпотом добавил экскурсовод.

Ребята даже растерялись. Им казалось — всё, о чём рассказывает экскурсовод, было давным-давно. Ведь со времени первой русской революции прошло уже больше пятидесяти лет! А Петровский стал революционером ещё задолго до того, ещё в прошлом веке! И вдруг — вот он!..

— Тот самый? — недоверчиво воскликнула Катя Свиридова, маленькая девочка с косичками, уложенными крендельками.

— Тот самый, — подтвердил экскурсовод.

Ребята во все глаза смотрели то на пожилого мужчину, стоящего в зале, то на его фотографию на стене.

Григорию Ивановичу уже, вероятно, лет восемьдесят; волосы у него седые, маленькая острая бородка и усы — тоже седые. Нет, на портрете он совсем не такой! И только глаза за толстыми стёклами очков поблёскивают по-прежнему молодо и пылливо. И усы тоже уцелели, хоть и стали седыми.

— А нельзя ли... — торопливо спросила Катя Свиридова, — нельзя ли нам поговорить с... — она от

волнения, очевидно, забыла имя и, совсем смутившись, быстро закончила:—с товарищем Петровским...

— Вот уж не знаю...—замаялся экскурсовод.

— С товарищем Петровским? Отчего же нельзяз?—раздался мужской голос. Это был сам Петровский. Он, улыбаясь, разглядывал пионеров.

Вскоре ребята сидели на широком кожаном диване и в глубоких кожаных креслах. Кабинет Григория Ивановича был большой, но ребят было ещё больше. Поэтому в каждое кресло сели по двое. А на диване уместилось сразу двенадцать пионеров.

Григорий Иванович сказал секретарю, что он занят, пусть к нему никто не входит. Он долго беседовал с ребятами. Рассказал о своём друге — известном революционере Бабушкине, о встречах с Лениным...

— Ещё что-нибудь,— попросила Катя.

— Ну, слушайте.— Григорий Иванович задумался.— Было это в самом начале 1913 года. Я в то время был депутатом от рабочих в Государственной думе. Во всей этой царской Думе нас — большевиков — было всего шесть человек.

Одной из главных наших задач было помогать газете «Правда». И вот однажды, зимой, Ленин вызвал нас — всю большевистскую фракцию Думы,— а также руководящих работников «Правды» в Краков, на совещание.

Ленин тогда в Кракове жил. Да и совещаться там было удобнее: вдали от царских сыщиков и жандармов. Приехали мы в Краков. Идём по узким улочкам, у прохожих спрашиваем дорогу.

Ленин встретил нас у подъезда: наверное, из окна увидел. Очень обрадовался. Он всегда радовался товарищам из России.

Вошли. Квартирка маленькая, неказистая. И мебель очень простая, старенькая. Но мы не удивились: знали, что Ленин скромно живёт и в деньгах очень нуждается. Надежда Константиновна Крупская показала нам, где раздеваться. Сняли мы пальто.

«Ого,— улыбаясь, говорит Ленин.— Какие франты пожаловали!»

Мы смутились. Приехали мы, рабочие-депутаты, в чёрных, хорошо сшитых костюмах, в тугих, накрахмаленных белых манишках. В Думе нам приходилось фасон держать. Хочешь не хочешь — напяливай манишку!

А Ленин рядом стоит в поношенном пиджачке. Рукава на локтях блестят. Под пиджаком — синяя сатиновая косоворотка. И Крупская — в простеньком, гладком платье.

Увидел Ленин, что мы смутились, засмеялся и говорит:

«Да я не в укор! Молодцы! Так и надо!..»

Прошли мы в столовую. Эта комната только называлась столовой. На самом деле там повсюду лежали книги, бумаги: тут Ленин и работал. Чувствую я — холодновато в этой столовой. В соседней комнате — ещё подходящая температура. А здесь прямо-таки мурашки по коже бегают.

«Неужели у Ленина денег на дрова нет?— думаю.— Ведь он тут целые дни сидит, простынет...»

Шепнул я об этом Бадаеву — товарищу моему, тоже депутату. Тот у Надежды Константиновны будто бы между прочим насчёт дров осведомился.

«До такого мы ещё не дожили!— засмеялась Надежда Константиновна.— Дрова есть. Только Владимир Ильич не любит, когда сильно натоплено. На холодке, говорит, лучше работается...»

Вскоре должно было начаться совещание. Ленин не любил зря терять время. Да и нам тоже было некогда. Надо было обсудить, как наладить работу «Правды», где достать деньги на оплату типографских расходов и покупку бумаги, как увеличить число подписчиков... Ну, и другие вопросы.

На первом же заседании Ленин нам предложил: «Столуйтесь у нас. Что вам время зря тратить: на обед куда-то ездить».

Надежда Константиновна — она протокол вела — отложила перо и тоже говорит: «В самом деле, столуйтесь у нас!»

Мы не знаем, что и делать. Вообще-то, конечно, это очень удобно для нас. И хочется нам побольше с Ильичём побыть, поговорить обо всём. Но, с другой стороны, чувствуем, что лишней копейки в доме нет. А тут — такая свора нахлебников!..

Бадаев первый нашёлся: «Спасибо,— говорит.— С удовольствием принимаем ваше приглашение...» А сам мне подмигивает: «Не беспокойся, мол. Всё будет в порядке».

В перерыве подходит он ко мне и шепчет: «Сколько у тебя денег с собой? Всё выкладывай! Только на обратный билет оставь...»

Я, понятно, выложил. И другие — тоже. А Бадаев все эти деньги Крупской передал. С трудом, но всё же уговорил её взять: иначе, заявил, мы вынуждены будем обедать в ресторане. Хоть и накладнее, а придётся...

И вот, сидим мы у Ленина за столом, обедаем, и очень довольны, что так благополучно кончилось это щекотливое дело.

И только одной «мелочи» мы не учли. Из-за этой-то «мелочи» и пришлось нам потом краснеть.

Так вот... Я не стану подробно рассказывать о самом совещании. Скажу только, что прошло оно быстро и организовано. Ленин не терпел болтунов. Всю жизнь. Многие из старых большевиков помнят, что даже на заседаниях Совнаркома выступавшим в прениях полагалось всего три минуты. Как хочешь, так и укладывайся. А если кто «разговорится», Ленин сразу на часы показывает: мол, ваше время истекло...

...Прошло несколько дней. Совещание наше кончилось.

Был уже поздний вечер. Сидим мы в столовой, беседуем. Завтра утром — уезжать.

Вышел я в коридор, мимоходом случайно заглянул в кухню. Дверь туда была приоткрыта, вижу: Надежда Константиновна в переднике, закатав рукава, стоит у плиты и тряпкой с песком чистит кастрюлю.

Вот так так! Стою не шевелясь. А Надежда Константиновна меня не замечает, кончила кастрюлю надраивать, отставила в сторону и за другую, медную, посудину принялась.

Стою я и чувствую — краснею.

«Простофили мы, думаю. Дали деньги и решили — всё в порядке. Совсем забыли, что у Надежды Константиновны прислуги в доме нет. Всё сама делает. И теперь, значит, она днём вместе с нами заседает, выступает, протокол ведёт, а вечером для наших милостей кастрюли чистит...»

Стыдно мне стало. И за манишку свою крахмальную стыдно, и за хороший костюм стыдно.

«Выходит, думаю, понаехали «франты», а Надежда Константиновна нас должна обслуживать. Позор!»

Подошёл я к Бадаеву. Он в это время с Лениным и другими товарищами в столовой беседовал. Ото-

звал я его в сторонку, рассказал, как Крупская ка-
стрюли чистит.

Бадаев тоже смутился.

«Я, говорит, ещё вчера это заметил. И не только
это...»

И рассказывает мне, что вчера он видел, как На-
дежда Константиновна после заседания, когда Ленин
увёл нас всех на прогулку по Кракову, мыла полы
в столовой и коридоре.

«Одно к одному», — подумал я.

Посмотрел на полы. Половицы старые, разош-
шиеся, краска с них почти слезла. Такой пол мыть —
одно мучение.

И представил я себе, как Надежда Константинов-
на в своём скромном платье, с гладко причёсанными
волосами, стоит, согнувшись в три погибели, с вед-
ром и тряпкой, грязь за нами смывает.

«Скверно», — думаю.

А Бадаев говорит:

«Знаешь что? Поможем ей по хозяйству. А то,
выходит, мы вроде белоручек...»

Это он здорово придумал. Только чем, как по-
мочь?

«Дровец наколем», — предложил Бадаев.

«В темноте-то?» — говорю я.

«Ну и что? А лампа зачем?..»

Скинули мы хомуты наши — манишки крахмаль-
ные, взяли топор один на двоих и пошли в сарайчик.
Надежда Константиновна не пускает, смеётся:

«Да там почти все дрова уже расколоты. Только
чутьочку осталось...»

Но мы всё равно пошли. Проверим, какой величи-
ны эта «чутьочка».

В сарае вдоль стены лежала поленица дров, но

уже расколотых. И лишь в углу — кучка чурбаков. Мы с ними в два счёта расправились. Хоть и немного поработали, а всё-таки на душе поспокойнее стало.

Вернулись в дом.

«А эту поленницу вы что — сами кололи?» — спрашивает Бадаев Крупскую.

«Нет, — говорит. — Это Владимира Ильича работа...»

Легли мы спать. А назавтра чуть свет встали. Пора на вокзал.

На столе уже чай стсит, еда. Значит, опять Надежда Константиновна раньше всех поднялась. Успела уже и завтрак приготовить, пока мы спали.

Поели мы, стали прощаться. Подошёл я к Надежде Константиновне, хочу ей сказать что-то очень хорошее, но... не получается. Только жму ей руку и повторяю:

«Спасибо вам, Надежда Константиновна. Большое спасибо! От всей души спасибо!..»

А сам чувствую в своей ладони её руку, кожа на её руке жёсткая, шершавая и в ссадинках.

Но мне в тот момент казалось, что руки у неё — самые что ни на есть прекрасные: умелые, сильные.

Скажу прямо: с большим уважением смотрел я на эти руки, которые никакой, даже самой чёрной работы не гнушаются.

Она, конечно, не понимает, почему я её руку всё не отпускаю и с таким волнением повторяю: «спасибо» да «спасибо».

Улыбается и говорит:

«Да не за что меня благодарить!..»

А я думаю:

«Нет, есть за что...»

Борис Раевский

В горах

Это случилось ещё при царе. Ленин тогда скрывался от царской полиции и жил за границей, в посёлке Поронино.

Посёлок Ленину нравился. Он был окружён высокими, красивыми горами, а Ленин всегда любил бродить по горам.

И вот однажды Ленин решил отправиться в горы. Об этом узнал один польский революционер и сказал Ленину:

— Позвольте мне сопровождать вас, Владимир Ильич. В этих горах я бывал не раз и знаю здесь все тропки и дорожки.

Ленин обрадовался, что у него будет такой хороший спутник. А польский революционер — его звали Багоцкий — начал рассказывать:

— Здесь есть такая одна вершина... такая вершина... Вот бы нам туда взобраться!

— Чем же хороша эта вершина? — спросил Ленин.

— С неё открывается удивительный вид, ну просто сказочный! Особенно при восходе солнца.

— Решено! — сказал Ленин. — Воскресное утро мы встретим на этой вершине! И увидим восход солнца в горах!

В субботу под вечер Ленин и Багоцкий подошли к подножию горы и начали подъём. Багоцкий сказал:

— На полдороге мы заночуем в туристской хижине. А утром, чуть свет, продолжим своё путешествие.

Поначалу всё было хорошо. Ленин и Багоцкий благополучно добрались до хижины и расположились на ночлег.

— В четыре утра начнём подъём, — сказал Багоцкий. — Тогда к восходу солнца мы достигнем вершины.

— Только бы не проспать, — беспокоился Ленин.

— Не проспим, — успокаивал Багоцкий. — Я договорился со сторожем. Он разбудит нас около четырёх часов.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Владимир Ильич...

Первым проснулся Ленин. Неясный сумеречный рассвет едва-едва пробивался в крохотное оконце

хижины. За тонкой перегородкой слышался безмятежный храп сторожа. Ленин взглянул на часы и мгновенно вскочил:

— Проспали! Безобразие! Уже пятый час!

Вскочил и Багоцкий. Ругая сторожа, он поспешно натягивал на себя одежду.

Подъём начался с опозданием. Ночной туман ещё не рассеялся, идти приходилось медленно.

Вскоре Багоцкий остановился и сокрушённо развёл руками:

— Боюсь, к восходу не успеть. Подвёл нас сторож. Всё из-за него.

— Не сторож, а мы виноваты! — сердито возразил Ленин.— Не могли сами проснуться вовремя! Срам!

— Пусть не сторож, пусть сами,— грустно согласился Багоцкий.— Но восхода солнца мы сегодня не увидим. Не успеем подняться...

— А нет ли иного пути к этой вершине? Покороче?

— Есть. Я трижды хаживал по нему, но... вас я не могу вести по этому пути.

— Это почему же?

— Очень опасная дорога! Там, вблизи одного перевала, есть тропа... Шагов тридцать надо идти по краю пропасти...

— Но вы-то, вы-то ходили по этой тропе?

— Ходил...

— Тогда не будем терять времени. Идёмте к перевалу!

— Нет, я не допущу, чтобы вы рисковали жизнью!

— Я и сам не стану рисковать жизнью по пустякам. Просто мне хочется посмотреть на эту необыкновенную тропу.

— Тогда — другое дело,— успокоился Багоцкий.— С удовольствием покажу вам её...

Вскоре они подошли к тропе. Двигаться по ней можно было только боком, мелкими шажками, прижимаясь спиной к отвесной скале.

— Видите какая? Здесь вам не пройти,— сказал Багоцкий.

— А вам? Вам пройти?

Багоцкому почудилось в словах Ленина недоверие.

— А вот смотрите, если сомневаетесь!

Не успел Ленин понять, что случилось, как спутник его пустился в опасный путь.

Прижавшись спиной к скале, повернув голову, чтобы не смотреть в пропасть, Багоцкий едва заметными шажками двинулся по узенькой тропке.

«Хорошо, что я отговорил Владимира Ильича,— подумал Багоцкий.— Теперь он сам увидит, что ему не пройти здесь...»

Когда Багоцкий миновал самое трудное место, он облегчённо вздохнул, оглянулся... и от ужаса чуть не свалился в пропасть: вслед за ним по тропинке двигался Ленин. Он прошёл уже несколько шагов, но впереди лежал ещё долгий опасный путь.

Вдруг Ленин остановился и плотнее прижался спиной к скале. От страха у Багоцкого перехватило дыхание. Он понял, что случилось: Ленин забыл, как рискованно в горах смотреть в пропасть. От этого начинает кружиться голова. И сейчас, заглянув в бездну, Ленин почувствовал головокружение.

— Назад! Возвращайтесь назад! — закричал Багоцкий.

Но Ленин не подал и виду, что слышит возглас своего спутника. Он постоял ещё несколько секунд

и снова двинулся вперёд. Не спеша, осторожно, шаг за шагом, приближался он к концу тропы.

И вот опасное место осталось позади. А ещё через несколько минут Ленин стоял уже рядом с Багоцким.

— Теперь мы успеем к восходу? — озабоченно спросил Владимир Ильич.

— Теперь успеем, — заверил Багоцкий. И, глядя с восхищением на Ленина, добавил: — Когда я впервые прошёл по этой тропе, то от страха больше часа лежал вон под тем кустом.

— Ну, уж это вы оставьте, — усмехнулся Ленин. — Не для того мы здесь карабкались, чтобы нежиться под кустами. Пошли!

И они двинулись дальше.

Едва ступили они на вершину, как нежные лучи солнца вдруг разом пронзили предутренний туман, растопили его, и вдали ослепительным блеском за сверкали голубые озёра. Снежные шапки гор мгновенно порозовели, на кустах и травах переливчато задрожали росинки, и, точно по команде, дружно, на все голоса запели в листве птицы...

Через час двинулись в обратный путь.

— Теперь спешить некуда, — говорил Багоцкий. — Возвращаться будем безопасной дорогой.

— Что касается меня, — сказал Ленин, — то я намерен вернуться тем же путём, по той же тропе.

— Владимир Ильич! — взмолился Багоцкий. — Теперь-то у нас нет никакой нужды в этом!

— У вас нет, а у меня есть...

— Да какая же, объясните!

— С удовольствием объясню. Только на той стороне.

Сколько ни отговаривал Багоцкий Ленина — ниче-

го не помогло. Владимир Ильич, не сворачивая, шёл по старой дороге.

Вот и тропа над бездной.

— На этот раз первым пойду я,— заявил Ленин и решительно двинулся вперёд.

Когда Владимир Ильич приблизился к самому узкому месту тропы, Багоцкий от страха закрыл глаза. Когда же он вновь открыл их, Ленин уже благополучно приближался к концу перехода.

— Ваша очередь! — крикнул он Багоцкому.

Переход Багоцкого также закончился благополучно. Владимир Ильич пожал ему руку и сказал:

— Благодарю вас за чудесную прогулку. Всё было прекрасно! Просто очаровательно!

— Теперь-то вы мне скажете, почему решили вернуться этой дорогой? Разве вам не было страшно?

— Я потому и возвращался по этой тропе, что мне было страшно. Только поэтому...

И, видя недоумение Багоцкого, пояснил:

— Революционер не имеет права позволить страху взять верх над его волей. Нам, батенька, надо воспитывать в себе волю каждодневно, ежечасно... всюду... всегда...

Он помолчал немного, потом нагнулся и сорвал несколько простеньких голубеньких цветочков.

— Это — Надежде Константиновне,— негромко сказал Ленин.— Она любит полевые цветы...

Н. Ходза

Встреча

Ленина в Петрограде ждали давно. Но никто не знал точно, когда он приедет.

Наступила пасха. На второй день пасхи молодая работница швейной фабрики Катя Трофимова вышла из дому поздно, уже к вечеру. И медленно пошла по улице.

На мостовой синели весенние лужи. По лужам носились мальчишки и гоняли шестами голубей.

Катя не спеша дошла до ближайшего проулка.

И тут вдруг почувствовала — кто-то схватил её сзади за рукав:

— Катюша!

Катя обернулась и увидела Наталью Егоровну, которая работала вместе с ней на фабрике.

— Скорей бежим в комитет! — сказала Наталья Егоровна. — К нам Ленин едет!

Районный комитет большевиков помещался в ту пору в небольшом деревянном домике; занимал он всего две комнаты.

В первой комнате сидел за столом человек в барашковой шапке.

Наталья Егоровна закричала ему второпях:

— Ну, оповестил?

Человек в барашковой шапке ответил сердито:

— Да как же — оповестишь тут! Сама знаешь: пасха. Заводы и фабрики на замке, почта и та не работает. Вот и придумай, как оповестить народ...

Наталья Егоровна села у стола и задумалась. Потом спросила Трофимову:

— Катя, ты умеешь красиво писать?

Не дожидаясь ответа, она пошла в другую комнату и сейчас же вернулась оттуда с полоской красного ситца.

— Вот тут пиши, — сказала она Кате. — Пиши!.. — Она подумала с минуту. — «К нам едет Ленин. Идём встречать!» Всё.

На подоконнике стояла жестянка с белой краской, лежал мел.

Катя принялась вычерчивать буквы мелом, стараясь, чтобы они вышли как можно ровнее. Егоровна в это время разводила маслом краску, искала кисть.

Потом вспомнила:

— А на чём понесём? Надо ведь шесты достать. И быстро пошла на улицу.

По мостовой всё ещё бегали мальчишки, свистели, гоняли шестами голубей. А голуби летали неохотно: вечерело, и они норовили вернуться в свои голубятни. Лужи уже покрылись тонким ледком и звенели под ногами у ребят. Наталья Егоровна подошла к мальчишкам и попросила:

— Ребята, дайте мне один шест.

Те даже отбежали на всякий случай подальше. Шесты у них были замечательные: ровные, длинные и до того гладкие, что казались покрытыми жёлтым лаком. Ясно, что с такими шестами расставаться никому не хотелось.

— Ребята,— повторила Егоровна,— мне для дела надо... Ну как мне вас уговорить?

Она даже руками взмахнула: разве упросишь этих ребят! Шесты им сейчас, может, дороже всего на свете. И продать не продадут!

Егоровна всё-таки сказала негромко:

— Видите, какое дело... товарищ Ленин к нам едет...

Катя Трофимова уже кончила свою работу, обвела буквы белой краской. И надпись получилась ясная, видная, только некоторые буквы вышли немножко кривыми.

Катя спохватилась: куда же пропала Егоровна? И выглянула на улицу. Там у самого забора Наталья Егоровна сидела с мальчишками и толковала им о чём-то.

— Тётя Наташа,— крикнула ей Катя,— ну что ж ты?

— Я им про Ленина рассказываю,— ответила Егоровна.

— Надо ведь рейки искать.

— Надо! — вздохнула Егоровна. — Ну, идём. —
И она пошла прочь от ребят.

Но один из мальчишек догнал её и протянул свой шест:

— Бери!

Ребята провожали шест до самого комитета. Там они молча глядели, как Егоровна размеряла шест ладонью. Она размерила его на две равные части и сделала посередине надрез перочинным ножиком. Потом с размаху сломала шест о колено. Кто-то из ребят ахнул: какая вещь пропадает на глазах у всех! А другой толкнул его и сказал:

— Не видишь, для дела надо!

Получились из шеста две рейки. Катя с Егоровной прибили к ним концы красного ситца. Теперь плакат был готов.

Они вынесли его на улицу.

Катя ожидала, что все прохожие будут удивляться на плакат. Но никто не удивлялся. Со всех сторон подходили люди, читали: «К нам едет Ленин...» — и спрашивали:

— Когда ждут поезд?

И многие, толпясь, шли следом.

Один старик закричал Егоровне строго:

— Что ж не написано, с какого вокзала?

Та ответила:

— А ты сам соображай. С Финляндского.

Старик хлопнул себя по бокам рукавицами:

— Сыны у меня тут... Успею я за сынами сбегать?

Егоровна спокойно сказала:

— Успеешь.

Катя с Егоровной прошлись с плакатом по всему району. А потом пошли к центру города. Народу ста-

новилось всё больше. И, когда уже подходили к Невскому, Катя оглянулась: следом двигалась большая толпа; конца её не было видно.

Катя заметила старика, который бегал за сынами. По бокам его шагали два огромных парня — должно быть, это и были сыновья старика. А рядом шёл мальчишка, что отдал свой шест. Дальше она увидела знакомых работников со швейной фабрики, солдат, рабочих, студентов...

Кто-то в толпе сказал:

— Ну что ж, споем нашу боевую? — и первый за-тянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Под песню все пошли ровнее, в ногу, и незаметно выстроились по четыре в ряд. Это была уже не толпа, это была колонна людей, шедших встречать Ленина.

А когда подошли к Неве, увидели: и из других районов идут такие же колонны. Идут со своими знамёнами воинские части. Прошёл отряд кронштадтских матросов. А за ним прогремели по мостовой броневики.

У моста через Неву пришлось ждать: сперва пропустили путиловских рабочих, потом воинскую часть, за ней матросов.

А когда подошли поближе к Финляндскому вокзалу, между колоннами уже не было промежутков. Все улицы и вокзальная площадь были полны народом.

Теперь было ясно: если б правительство и захотело арестовать Ленина, оно не смогло бы сделать этого. Народ не дал бы.

Начинало темнеть. И тут рабочие стали зажигать факелы, которые они припасли заранее. Пламя фа-

келов было косматое, красное. От вокзала к факелам протянулись голубые лучи прожекторов. И от этих красных и голубых огней всё кругом стало необыкновенным, праздничным.

Наталья Егоровна и Катя стояли со своим плакатом в самом конце вокзальной площади и боялись, что так и не увидят Ленина.

Всё тесней становилось у вокзала: из разных районов города приходили новые колонны рабочих и солдат.

Потом послышался мощный рокот.

Народ колыхнулся, расступился в стороны, и к вокзалу тяжело прогремели броневики с красными флажками на башнях.

Народ дружно подался вперёд за броневиками. Наталья Егоровна с Катей изо всех сил тянулись кверху: хотелось хоть что-нибудь увидеть. Но впереди, кроме чёрных спин и шапок, ничего не было видно.

И только далеко, у самого вокзала, возвышался теперь зелёный броневик. Он был ярко освещён прожектором.

Прошло ещё немного времени...

Наталья Егоровна всё прислушивалась, не идёт ли поезд. Но не слышно было ни свистка паровоза, ни грохота вагонных колёс.

И вдруг негромкий гул прошёл по площади.

Потом сразу наступила такая тишина, что стало слышно, как потрескивают, дымя, факелы.

На броневике, видный всем, стоял Ленин.

Несколько секунд он молчал, слегка наклонившись вперёд. Казалось, он вглядывается в надписи знамён и плакатов: их неровно освещали факелы, и прочесть надписи было нелегко.

Луч прожектора упал на дальнюю полосу ситца, и стали отовсюду видны написанные на ней крупные буквы:

К НАМ ЕДЕТ ЛЕНИН, ИДЁМ ВСТРЕЧАТЬ!

Надпись держали на шестах две швеи в красных платочках.

И Ленин увидел их.

Он увидел народ, пришедший встречать его.

И, волнуясь, высоко поднял над головой фуражку.

Потом быстро сунул фуражку в карман, протянул вперёд руку и начал свою речь, никем в тот вечер не записанную... И никем не забытую.

Все услышали слова, которые навсегда останутся в памяти народа нашего, в памяти человечества:

«Да здравствует социалистическая революция!»

А. Кононов

Мочёные яблоки

Гудит по лесу ветер, гнёт высокие сосны, силится сломить их. Пружинят золотистые стволы, не поддаются ветру.

Низко над лесом несутся тёмные облака.

Настя идёт против ветра. Руки засунуты в рукава. Взвизгивает под ногами снег. Гулко и тревожно бьётся сердце.

На вид Насте лет пятнадцать: маленькая и лёгкая, того и гляди, ветер унесёт. Кольца волос над больши-

ми встревоженными глазами и платок вокруг лица опушились инеем. Длинная юбка хлещет по ногам. Короткий материн жакет не придаёт солидности. Девчонка, как есть девчонка. Сегодня у Финляндского вокзала остановил её какой-то дед: «Скажи, девочка, как мне добраться до Невского проспекта?» Настя объясняла совсем по-взрослому, а старик на прощание сказал: «Дай бог тебе здоровья, девочка», — так и не признал за взрослую.

Настя шагает по плохо укатанной, заснеженной дороге и про себя отмечает: вот забор с надписью «Во дворе злая собака». И впрямь, к забору кинулся огромный пегий пёс.

На всякий случай Настя перешла на другую сторону.

Михаил Степанович говорил, что потом должна быть красная дача в два окна на улице, а там недалеко и до дачи «Ваза».

Навстречу мчится парнишка на финских санях. Одной ногой бежит по дороге, другой стоит на длинном полозе саней. Смешно. Кивнул ей головой, будто знакомой.

Вот показалась островерхая крыша двухэтажной дачи с разноцветными стёклышками на веранде. Вокруг дачи мохнатые ели. Это и есть «Ваза». Девушка оглянулась. Наказ ей дан строжайший: зайти в дом никем не замеченной, не привести, чего доброго, за собой шпика. На улице ни души, только ветер носится и ревет как оглашенный. Хотела уже свернуть на тропинку, как послышался грозный окрик:

— Эй, поберегись!

Настя вздрогнула и заметалась по дороге, побежала назад, словно и не собиралась сворачивать на тропинку, оступилась на обочине и увязла в снегу по

колени. Мимо проехали сани, и на девушку глянули из-под башлыка недружелюбные глаза. Сердито топорщились заиндеветские усы.

«Откуда он взялся? Какой сердитый! Уж не шпик ли?» Настя долго следила за санями, и чем дальше они удалялись, тем спокойнее становилось на сердце.

Теперь можно повернуть к даче. Сделала два шага и видит: из калитки вышли двое — мужчина и женщина. Женщина в белых валенках впереди, мужчина в чёрных валенках сзади. Рванул вихрь, женщина отвернула лицо в сторону, мужчина подошёл к ней, заботливо поднял воротник её пальто, взял под руку, и они пошли прямо по снежной целине в лес. Настя пригнулась и сделала вид, что зашнуровывает ботинок. Выждала, пока они скрылись в лесу, осмотрелась вокруг и побежала к калитке, потом — через двор. Дощатая дверь с широкой щелью во всю длину легко открылась. В сенях вторая дверь, обитая войлоком. Постучала в планку, ответа нет. Дёрнула за ручку — дверь заперта. «Значит, это они вышли погулять. Боялась опоздать, приехала раньше, вот теперь и жди».

Настя стояла, переминаясь с ноги на ногу. Звякнуло кольцо на калитке. «Вернулись!» И Настя стала вспоминать, что сказать. «Не надо ли вам мочёных яблок? Не надо ли вам мочёных яблок?» — твердила она шёпотом пароль и отвечала себе: «Если недорого, возьмём фунта два».

Девушка прильнула к щели в двери и тотчас отпрянула: по расчищенной дорожке, между высоких снеговых стен, шёл высокий человек с заиндеветскими усами, в башлыке.

«Тот самый... Сердитый... Высмотрел... Вернулся...» Настя кинулась подальше от двери, натолкну-

лась на большой ларь. Приподняла крышку — на дне несколько поленьев. Подумать не успела: некогда было. Прыгнула в ларь и осторожно опустила над собой крышку. Хотела устроиться поудобнее, но сердитый уже вошёл в сени. Настя сжалась в комок, ей сразу стало жарко. Человек постучал в дверь и стал ходить по сеним взад-вперёд, взад-вперёд, потом подошёл к ларю и остановился. Настя замерла: «Сейчас откроет... Выскочу и выцарапаю проклятому глаза! Сама привела, сама с ним и расправляюсь». Крышка ларя затрещала. Настя зажмурилась. Нет, не открыл, а просто уселся на ларе. Стучит нога об ногу: наверно, ему тоже холодно. «Ну и пусть, хоть бы совсем заоченел! Дура, дурёха,— думала горестно Настя,— ни ростом, ни умом не вышла. Вот и сиди теперь, как разнесчастная мышь в мышеловке. Вот тебе и первое партийное поручение...»

Клонит в сон. Нет, спать нельзя, соображать надо, как усатого выпроводить. «Закричу. Он испугается и соскочит с ларя. Я открою крышку и побегу. Схватить не успеет, а как опомнится, я буду бежать в другую сторону до леса. Догонит? Пусть, а беду от этого дома я отведу».

Настя набрала воздуха, чтобы крик получился погромче, пострашнее, но в это время в сенях заговорили.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! Добрый день, Владимир Ильич!

Владимир Ильич? Ленин? Да не ослышалась ли Настя? Так, значит, и человек на ларе не шпик, а свой!..

— Вы нас долго ждёте? — спросила Надежда Константиновна.

— Минут двадцать. Привёз вам почту.

— Вот хорошо, что мы раньше вернулись, а то вы совсем замёрзли бы...

Это голос Владимира Ильича.

Это он, он! Вот кого могла бы она погубить, вот почему так строго предупреждал Михаил Степанович об осторожности!

— Заходите обогреться.— Это опять Владимир Ильич.

— Нет, нет, я спешу. Возле вашего дома болталась какая-то подозрительная девчонка. Мне пришлось проехать до конца посёлка, я там оставил лошадь. Благополучно оставаться!

— Спасибо, до свидания!

В замочной скважине заскрежетал ключ. Настя собралась с силами:

— Мочёные яблоки... Не нужно ли вам яблок... мочёных?..— Прозвучало это и глухо и жалостливо.

В следующий миг открылась крышка, и над девушкой склонилось встревоженное лицо Владимира Ильича. Прищуренные глаза всматривались в ларь.

— Владимир Ильич... Мочёные яблоки...— всхлинула Настя.

— Надюша, поддержи-ка почту.— Владимир Ильич подхватил девушку на руки и вынул из ларя.— Не плачьте, пожалуйста, не плачьте! И мочёные яблоки мы возьмём — фунта два, если недорого. Боюсь, что это слишком дорого вам обошлось.

Надежда Константиновна спешила открыть дверь.

Владимир Ильич внёс девушку в комнату, усадил на диван, осмотрел её руки.

— Ай-яй-яй, мочёные яблоки стали совсем мороженые!

— Я сейчас вскипачу чай.— И Надежда Константиновна, как была, в пальто и шапке, стала разжигать

примус. Вскоре под чайником задрожала синяя астра огня.

Надежда Константиновна быстро сняла пальто, переобулась, поставила валенки на печку и принялась разувать девушку.

Владимир Ильич вынул из кармана варежку и стал растирать Настины руки.

Настя не могла говорить, и её ни о чём не спрашивали. А слёзы, противные, сами катились по щекам, и не столько от боли, сколько от досады и стыда.

Надежда Константиновна осмотрела Настины ноги и покачала головой.

— Ещё бы немного, и было бы совсем худо, но, кажется, отделались счастливо.

Пальцы на руках покалывало горячими иголками, а мизинец распух и болел.

Владимир Ильич встал:

— Уфф! Теперь объясните, пожалуйста, для чего вам потребовалось забираться в ларь?

Настя рассказала, Владимир Ильич смеялся до слёз, и Настя смеялась.

— А наш великий конспиратор вас перепугался. Какая-то, говорит, подозрительная личность ходила перед дачей,—сквозь смех говорил Владимир Ильич.

«И вовсе не личность, а девчонка, и глупая притом»,—думала Настя.

— А сколько вам лет? — поинтересовался Владимир Ильич, глянув на распухшее от слёз и холода лицо девушки.

— Восемнадцатый,—не совсем уверенно ответила Настя и покраснела.

— Я так и думал.

И Настя не могла понять, что хотел сказать этим Владимир Ильич.

— Так вы приехали за моей статьёй в «Пролетарий»? Я так понял?

— Да, да, Михаил Степанович велел её доставить к вечеру, и я должна немедленно ехать. Я уже могу...

— А статья-то у меня ещё не готова, да-с, не готова,— сказал виноватым голосом Владимир Ильич.— Мне понадобится ещё часа два-три, не меньше. Как ты думаешь, Надюша?

Надежда Константиновна взглянула на пунцовые ноги девушки и сказала:

— Да, я думаю, часа три.

— Как же не готова?— недоверчиво спросила Настя.— Михаил Степанович сказал, что должна быть готова.

— Непредвиденные обстоятельства,— пожал плечами Владимир Ильич.— Замешкался... Прогулял... Пока я закончу, вы можете поспать. Вам архинесобходимо вздремнуть. Как только я справлюсь, мы вас разбудим.

Настя села пить чай с Надеждой Константиновной. Владимир Ильич устроился в соседней комнате писать.

«Значит, и вправду не закончил»,— подумала Настя.

Её оттаявшие волосы завивались кольцами на лбу, шпильки из пучка выпали, и две коротенькие косы болтались по плечам.

А потом Настя покорно положила голову на подушку, подsunутую ей Надеждой Константиновной, с наслаждением вытянула ноги под тёплым одеялом и не помнила, как заснула.

Разбудил её Владимир Ильич:

— Вам пора ехать. Если только ноги не болят.

— Нет, нет,— вскочила Настя.

— И, кстати,— продолжал Владимир Ильич,— я не только эту статью закончил, но и написал вторую, весьма и весьма нужную.

Настя шла по улице. Ветер дул ей в спину и словно подгонял её. Белые и такие тёплые валенки похрустывали по снегу. Пальцы в тех самых варежках, которыми ей растирал руки Владимир Ильич, чуть пощипывало, но не от холода, а от тепла. Вот только болел забинтованный мизинец на правой руке.

За забором лает пегая собака, громко лает, но не страшно.

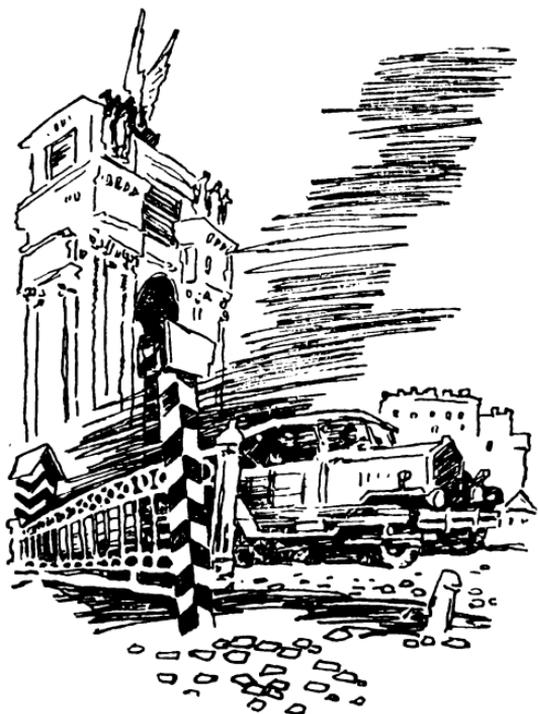
— Вы, девушка, не бойтесь, она не кусается! — кричит ей кто-то из-за забора.

— А я и не боюсь,— отвечает Настя.

Ей не страшно. Вот идёт мужчина с сундучком железнодорожника в руках. «Наверно, со смены идёт. Ну и пускай себе идёт. Он по своим делам, я по своим. Не все же шпики на свете, хороших людей куда больше».

Под суконным жакетом на груди у Насти прижаты две статьи Ильича для большевистской газеты «Пролетарий».

3. Воскресенская

Погоня

Было это, как сейчас помню, в тысяча девятьсот семнадцатом году. В июне месяце. Я тогда в бронев-автомобильных частях служил. Шофёром.

Раз ночью подъехал я к Таврическому дворцу — там наши солдатские делегаты заседали, — выключил мотор, стою жду. Велено мне делегатов своих привезти в казарму.

Кончилось заседание, а у меня уже и мотор урчит — заведён: садись, поехали!

Тут ко мне подбегает председатель нашего дивизи-

зионного комитета, козыряет и, с места в карьер, заявляет:

— Даю тебе партийный приказ.

— Какой,— спрашиваю,— приказ?

— А вот какой. Сейчас двенадцать часов. Так?

— Правильно, двенадцать. А дальше что?

— А вот что. Через десять минут посажу я в твой шарабан одного товарища. И куда товарищ скажет, туда и поедешь. Ясно?

— Чего яснее,— отвечаю.— А как того товарища фамилия будет?

Тут наш председатель чего-то рассердился, даже голос повысил:

— Отставить разговорчики! Получил партийный приказ — выполняй. И помни: если с тем товарищем что случится,— отправляйся сразу в Исаакиевский собор!

— Это к чему же мне в собор? — удивляюсь.

— Панихиду по себе закажешь, вот к чему! Теперь понял?

Отрезал так и исчез.

Подивился я, однако жду. Мотор урчит. Вскорости вижу, идёт наш председатель, с ним гражданин — какой-то штатский, в кепочке. Подошли они поближе — я так и ахнул: штатский-то — сам товарищ Ленин! Я ж его видел и слышал. Он с балкона дворца Кшесинской говорил. Разве такое забудешь?!

Сел товарищ Ленин в машину, просит вежливо:

— Пожалуйста, товарищ, на Мойку, а потом — на Лиговку. Если можно — побыстрее.

Тут рассказывать долго нечего. Машина у меня всегда в порядке. Пустяк времени прошло — мы уже на Мойке. Там большевистская газета «Правда» помещалась.

Пробыл Владимир Ильич недолгие минуты в «Правде», вышел, сел в автомобиль, и поехали мы в другой конец города — на Лиговку.

Мне, конечное дело, интересно посмотреть лишний раз на товарища Ленина. Вот я оглядываюсь и вижу вдруг: по пустынной улице мчится за нами машина.

Повернул я налево, она — налево. Я — направо, она — направо. И огни на ней потушены, и на поворотах не сигналист. Не понравилось мне такое дело. Подпустил я ту машину поближе — вижу: офицерё в ней сидит. Даже за рулём юнкер!

Вот начал я петлять по улицам, а сам всё время оглядываюсь — не отстали ли?..

Заметил Владимир Ильич, что я беспрестанно оглядываюсь, любопытствовал:

— Вы, кажется, товарищ, спросить меня хотите о чём-то?

Я отвечаю:

— Посмотрите назад, товарищ Ленин.

Владимир Ильич оглянулся, потом говорит:

— Ничего любопытного, кроме автомобиля, не вижу...

— За нами «духи» увязались, — поясняю.

— Какие «духи»?

— Обыкновенные, — говорю. — Офицерё из охранки Керенского. Не иначе, как за вами следят.

Тогда Ленин говорит:

— Я не сомневаюсь, товарищ, что мы от них ускользнём. Я на вас надеюсь...

После таких слов, сами понимаете, что со мной стало. Рванул я машину так, что колёса земли не касались! В воздухе вертелись! «Только бы, думаю, тормоза не отказали. Иначе, на первом же повороте...»

Ну, просто заledenел я весь от ужаса при такой мысли. Везу-то ведь Ленина! Ленина!

Перестал я оглядываться. На такой скорости оглянешься — одно железо от автомобиля останется. Слышу, вдруг Владимир Ильич говорит:

— Не отстают... А ну-ка нажмите ещё... Обставьте их... Обязательно надо обставить!..

А я уже и так из машины выжал что можно. И хоть не оглядываюсь, но чую своим шофёрским нюхом — не могут они за нами угнаться. Не могут, а погони всё-таки не прекращают. Тарахтят где-то поблизости...

Тут мы к Лиговке подкатили. Свернул я снова в какой-то переулочек, вижу — посерединке яма разрыта. И обнесена она жиденькой перегородкой, на перегородке — фонаришко тускло коптит.

И пришла мне в голову одна мысль. Затормозил я машину, выскочил, сшиб ногой загородку, задул фонаришко. Потом — за руль, и — газу! Ну ясно: скорости настоящей с места не возьмёшь. На выезде из переулка слышу — грохот. Так и есть. Угодили охранники в яму. На полном ходу!

Завопили контрики. Кричат, охают, ругаются! Шофёр гудит, дворники свистят! Ну, словом, шум на весь Питер. Ей-богу!

Мы, конечно, долго слушать ту оперу не стали, — поехали на третьей скорости как ни в чём не бывало. А когда выехали на Лиговку, решил я снова посмотреть на Ленина. Оглянулся, а он хохочет. Ну так хочется, что и я не выдержал — тоже засмеялся.

Так мы, смеясь, и доехали благополучно куда надо. Вовремя доехали. Без опоздания.

Н. Ходза

Солдатская баллада

В массах всё больше росло недовольство политикой буржуазного Временного правительства. Солдаты стремились домой, тосковали по родным и близким, каждый хотел засеять свою полоску в надежде снять урожай собственными руками.

Как-то, лёжа на нарах в казармах, я написал стихотворение, под названием «За честь России-матушки». Потом прочитал его на одном из полковых митингов. Солдатам понравилось.

Спустя некоторое время ко мне подошли двое товарищей.

— Где твоя солдатская баллада? — спросил один из них.

— Вот здесь, в кармане, — ответил я.

— Ну, тогда пошли!

— Куда?

— Прямым рейсом в редакцию «Правды».

Мы пришли в самый разгар редакционной работы. Вокруг секретаря толпилось много людей — кто с письмом, кто с заметкой. Дошла очередь и до меня. Я показал свой листок. Мельком взглянув на него, секретарь кивнул на дверь:

— Пройдите, там покажете...

Он что-то хотел добавить, но его прервали нетерпеливые рабкоры, солдаты и заводские ребята.

Я вошёл в кабинет. За письменным столом, заваленным бумагами, сидел человек и что-то писал, склонив набок голову.

— Что у вас? — приветливо спросил он.

— Стихи... Солдатская баллада, — робко сказал я, положив на стол листок.

— Садитесь, пожалуйста! — Товарищ указал на кресло и стал внимательно читать мои стихи. Потом встал из-за стола. — Это мы напечатаем! А скажите, как у вас дела в полку?

Я начал рассказывать.

— Как называется ваш полк?

— Павловский.

— Ну и какое у солдат настроение?

Когда я сказал, что солдаты против войны, он заговорил, быстро шагая по комнате:

— Войну надо кончать, и как можно скорей! Армия смертельно устала, ей противна эта бойня... Вы

на фронте были? — спросил он, положив руку на моё плечо.

— Да! — ответил я.— На фронте предают солдат. Нет снарядов, продовольствия...

— Вот-вот! Об этом говорится и в ваших стихах.— Он снова заглянул в мой листок.— Нет! Война нам не нужна... Армия может и должна обратить оружие против своих угнетателей — помещиков и капиталистов! Павловский полк и теперь, как и в февральские дни, должен быть в первых рядах наших революционных войск.

Я вышел, глубоко потрясённый словами этого человека, который очень задушевно, с большим дружеским участием говорил о наших заветных солдатских делах. Секретарь, увидев меня, спросил:

— Ну, как ваши стихи?

— Да вот товарищ одобрил, обещал, что будут напечатаны.

Секретарь улыбнулся:

— Если Владимир Ильич сказал, значит, стихи пойдут.

— Ленин?! — с радостным волнением воскликнул я.

— Он самый!

На улице меня с нетерпением ждали друзья. Я торопливо поведал обо всём, что со мной произошло в редакции. Солдаты начали меня упрекать:

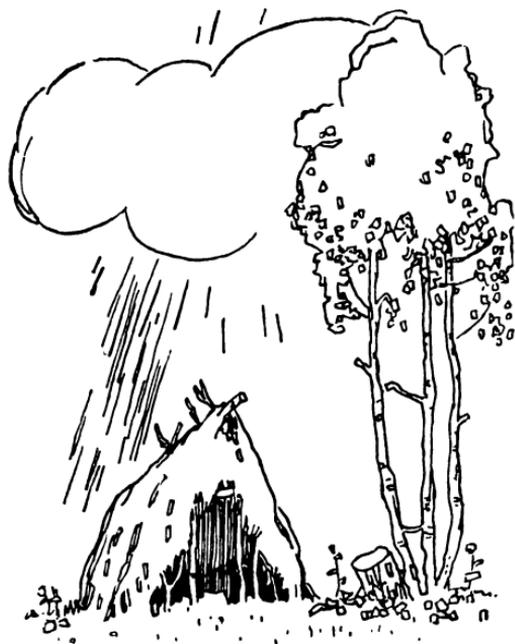
— Ах ты чужак! Надо было побольше рассказать о нашей солдатской жизни. Он всё должен знать!

— Он и так хорошо знает всё! — заметил я.

А через три дня моё стихотворение появилось в «Правде».

Это было 16 июня 1917 года.

П. Арский

У озера Разлив

За Ленинградом есть станция Разлив. Недалеко от станции небольшое озеро... Весной, когда стает снег, озеро разливается, становится большим, затопляет луга. Потому и называется это место Разливом. Летом, к июлю, вырастает на лугах высокая трава. Наступает время косить её.

В такое время в 1917 году и приехал в Разлив Ленин. Теперь, после июльских дней, ему приходи-

лось скрываться от врагов, от шпионов Временного буржуазного правительства, политика которого была враждебна народу.

Владимир Ильич поселился за озером.

Ему приготовили жильё: в стогу сена расчистили место, куда можно было укрыться от дождя,—получился шалаш.

Но Владимиру Ильичу такая квартира не очень нравилась. Он пошёл в лес, нарубил крепких сучьев, наломал веток и устроил шалаш по-своему: неподалёку от большой берёзы воткнул сучья в землю, накрыл их сверху зелёными ветками и обложил со всех сторон сеном. Стало просторней.

Хозяйство у Владимира Ильича было небольшое: жестяной чайник, котелок, топор, пила и коса.

Начал Ленин жить в шалаше.

Самое любимое его место было у большого пня среди зарослей ольхи. Ленин садился там, клал на пень листы бумаги и писал. Кусты закрывали его со всех сторон.

Каждый вечер появлялась на озере лодка. Это верный человек вёз Ленину новые газеты и письма из Петрограда.

Владимир Ильич читал письма, внимательно просматривал газеты и всё, что его интересовало, отмечал синим карандашом.

Враги в это время искали Ленина, но не могли найти. В своих газетах они писали, что Ленин улетел на аэроплане за границу, что он скрылся в море на подводной лодке.

Ленин читал и смеялся:

— Вот шуты гороховые!

В то время очень трудно было с питанием и у Ленина иногда не было даже хлеба. Впрочем, Ильич

часто и забывал про еду; вспоминал, что очень голоден, только тогда, когда ему приносили со станции завтрак.

Однажды разливские ребята поймали в озере большую щуку и принесли её в шалаш. Перед шалашом у Ленина висел на колышках котелок. Ребята хотели сразу же сварить для Ленина уху из щуки. Но Владимир Ильич остановил их:

— Пойдите-ка! Сегодня у меня есть ещё хлеб и чай. А завтра на обед ничего нет: оставим-ка щуку к обеду.

Владимир Ильич косил траву, сушил сено, а перед дождём складывал его в стога. Однажды поднялась из-за леса огромная туча и закрыла половину неба. Владимир Ильич заторопился: начал складывать сено в стога. Молния разорвала тучи, загремел гром. Но, когда полил дождь, сено было уже собрано.

После дождя стало свежо, запахло цветами, влажным сеном, землёй. Снова засверкало на солнце озеро.

А уже поздно вечером к берегу причалила лодка.

Это приехал товарищ Орджоникидзе. Он шёл по тропинке среди кустов и не видел Ленина. Когда Владимир Ильич вышел к нему из-за кустов, Орджоникидзе нахмурился: неизвестный какой-то человек... Откуда он? Зачем он бродит около жилья Ленина?

Владимира Ильича действительно трудно было узнать: борода и усы у него были сбриты, кепка низко надвинута на лоб.

Ленин поздоровался, но Орджоникидзе всё ещё не узнавал его. Тогда Владимир Ильич весело хлопнул его по плечу:

— Что, товарищ Серго, не узнаете?

Только теперь Орджоникидзе узнал Ленина.

Они пошли в шалаш. Серго приехал из Петрограда передать Владимиру Ильичу важные вести. Не всё можно было писать в письмах. Письмо могло попасть в руки врагов или предателей.

Долго говорил в ту ночь Владимир Ильич с товарищем Серго, а наутро неожиданный гость уехал. Он повёз с собой ответ и указания Ленина.

*

В конце августа пошли дожди. Любимое место Ленина — среди ольховых кустов — уже не годилось для работы. Пень стоял мокрый, скользкий; он покрылся по краям мелкими грибочками и даже как будто распух.

Наступила холодная погода. Центральный Комитет партии организовал переезд Владимира Ильича из Разлива в Финляндию.

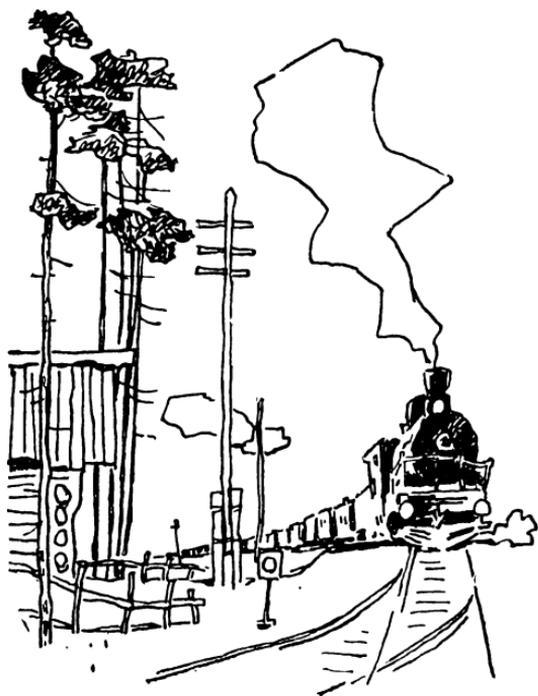
И шалаш опустел. Ленин уехал.

Стоит теперь на том месте памятник — шалаш, высеченный из гранита.

Зáросли ольхи уже стали деревьями. Не видно только большой берёзы, но из её корня выросли три молоденькие, тонкие берёзки — её дочери.

А в остальном совсем не изменились эти места, дорогие сердцу каждого советского человека.

А. Кононов

Кочегар поезда №71

Ночью, в час десять минут, на станции Удельной за Петроградом должен был остановиться поезд №71. С машинистом этого поезда было условлено: он поставит паровоз немного дальше, чем полагается,— в самом конце платформы, куда не доходит свет электрического фонаря. Кочегар сойдёт с паровоза, а его место займёт Владимир Ильич.

Машинист поезда № 71 никогда не видал Ленина. А если б и видел, всё равно теперь не узнал бы: борода у Ленина была сбрита, лоб закрыт накладными волосами — париком. Поверх парика был надет чёрный картуз.

Но, когда поезд остановился и кочегар соскочил в темноте на землю, Владимир Ильич так уверенно поднялся по лесенке на паровоз, что машинист даже ничего не спросил: ясно было, что это и есть Ленин.

Место кочегара занял Владимир Ильич.

Паровоз отапливался дровами. Дрова были сырые. Их надо было подбрасывать в топку понемногу, чтобы огонь горел ровно.

Владимир Ильич отыскал на стенке гвоздик, повесил на него пальто, засучил рукава и принялся за работу.

Он кидал дрова в топку, ворошил горящие головешки.

Машинист всё оборачивался и смотрел с удивлением на Владимира Ильича.

Новый кочегар справлялся с работой без всякой посторонней помощи.

Так доехали до станции Белоостров. Тут проходила граница.

Дальше начиналась Финляндия.

У всех пассажиров начали проверять документы. Обыскивали весь поезд.

Машинист бегом спустился по лесенке, подбежал к составу и отцепил паровоз. Потом погнал его к водокачке — набирать воду. А набирал её не спеша. Уже ударил на станции третий звонок, а паровоз всё ещё стоял у водокачки.

К машинисту бежал, задыхаясь, главный кондуктор и показывал на свой свисток: сейчас отправление!

Тогда машинист быстро подъехал к поезду и прицепил паровоз. Главный кондуктор дал свисток.

На станции стоял офицер и глядел на машиниста. И, видно, что-то сообразил: он махнул кому-то рукой. К паровозу побежали солдаты...

Но паровоз уже рванул с места и помчался вперёд.

А. Кононов

Ночь в Лесном

В Петрограде тщательно готовились к восстанию. Чтобы выяснить готовность партийных организаций, решено было на шестнадцатое октября собрать секретное заседание Центрального Комитета с активом. Но где его провести? В каком помещении?

Вспомнили, что председателем Лесновской думской управы стал активный деятель большевист-

ской партии Михаил Иванович Калинин. Нельзя ли воспользоваться помещением? Дом Думы расположен на окраине Выборгской стороны, он скрыт от посторонних взглядов деревьями парка и очень удобен для конспиративного заседания.

*

Шестнадцатого октября Михаил Иванович Калинин вызвал к себе работницу завода «Айваз» Катю Алексееву, которую он поселил вместе с матерью в помещении управы, чтобы иметь под рукой своих людей.

— Катя,— сказал он,— ко мне сегодня вечером соберутся товарищи... Заседание очень важное. Надо быть начеку. Входных дверей не запирай и сама никуда не уходи.

— Хорошо,— ответила Алексеева. Она по-хозяйски оглядела большой кабинет и, увидев в углу на стуле какую-то синюю ткань, спросила: — А это зачем?

— Нужно будет завесить окна,— ответил Михаил Иванович.— У тебя никакой материи нет? Здесь маловато.

— Есть жёлтая.

— Жёлтая не годится. Надо найти что-нибудь другое.

В Лесновской думе приём посетителей заканчивался в четыре часа. Так было и в этот день: к пяти часам помещения опустели, только наверху поскрипывало кресло Михаила Ивановича.

Звонок был очень громкий и мог привлечь внимание дворника. Чтобы входящие не звонили, Катя закрепила защёлку замка и, оставив дверь чуть при-

открытой, стала из окна поглядывать на аллею, идущую от ворот к главному подъезду.

Весь день погода была по-осеннему дождливая и пасмурная.

К вечеру поднялся ветер. С раскачивающихся и шумящих в саду деревьев облетали последние листья. Они кружились и падали в лужицу у освещённого входа.

«Надо погасить лампочку, а то дворник заметит, что много народу входит»,—подумала Алексеева.

Она выключила свет не только у входа, но и во всех комнатах первого этажа.

Сад сразу погрузился во мглу. Катя даже не могла разглядеть главную дорожку. Лишь постепенно её глаза привыкли к темноте.

Она сидела в тёмной прихожей и ждала. Ждала долго. Но вот наконец стукнула калитка. В аллее появилось двое мужчин. Они шли уверенно — значит, свои.

Катя поднялась навстречу. Пришедшие спросили, как пройти к Михаилу Ивановичу. Она молча показала на лестницу.

Теперь через каждые пять минут в аллее кто-то появлялся. Стараясь не стучать тяжёлыми, набухшими от грязи сапогами, поднимались наверх и там снимали свои пальто и плащи.

Наверху у Михаила Ивановича уже собралось человек восемь, и в это время, как назло, на кухню ввалился дворник. Старик любил вечерами покалякать с матерью Кати. Его нужно было немедленно спровадить. Дворник мог сболтнуть кому-нибудь о ночном заседании в Думе.

Катя, бросив следить за входной дверью, убежала в кухню.

Связной Эйно Рахья зашёл за Владимиром Ильичём в седьмом часу. Уже стемнело. Моросил мелкий осенний дождь. Порывами дул шквалистый ветер.

На одном из перекрёстков с Владимира Ильича сорвало шляпу и парик. Шляпа покатилась по мокрой панели. Её с трудом поймали. К счастью, никого из прохожих вблизи не было. Владимир Ильич быстро вытер носовым платком парик и глубоко натянул его на голову, а Рахья встряхнул и очистил шляпу.

У Муринского проспекта их ждал Александр Шотман. Он провёл их в тёмный переулок и сказал:

— Подождите тут, а я погляжу: нет ли кого подозрительного?

Всматриваясь в темноту, он пробрался к дому районной Думы, поднялся наверх и, узнав, что собралось только человек десять, вернулся к Ильичу и сказал:

— Рановато ещё, не все явились, лучше здесь подождать.

Они прошли по тёмному и пустынному переулку и, вернувшись назад, послали на разведку Рахью. Тот пропадал минут десять и, вернувшись, шепнул:

— Пошли.

Втроем они пробрались через чёрный ход в дом, поднялись на второй этаж и остановились в комнате. Здесь Владимир Ильич снял с себя очки, парик и спрятал их в карманы пальто.

В зал заседаний он вошёл в своём обычном виде. Товарищи, не видевшие Ильича с лета, радостно кинулись пожимать ему руки. Они окружили его, засыпали вопросами. Владимир Ильич улыбался и отшучивался. Он так же был рад видеть их невредимыми.

Дворник не торопясь набил трубку. Он, видимо, намеревался просидеть на кухне весь вечер. Катя попросила мать заняться стиркой, а сама занялась уборкой.

Дворник, видя, что сегодня ему не с кем будет посудачить, огорчённо раскурил трубку и кряхтя поднялся.

— Пойти спать, что ли? — ни к кому не обращаясь, спросил он.

В это время наверху задвигали стульями. Дворник прислушался.

— Чего это сегодня в Думе? — поинтересовался он.

— А ну их, работать остались... Ушли бы скорей, а то опять придётся убирать ночью, — проворчала Катя.

Она проводила старика до дверей и, убедившись, что он поплёлся к себе, вернулась к главному подъезду. Дверь оказалась захлопнутой на замок. «Значит, все собрались», — решила она, и ей стало вдруг беспокойно.

«А что, если кто-нибудь проследил, как они собирались, и сейчас прячется в тёмном саду?»

На всякий случай она приоткрыла в первом этаже окно, через которое товарищи могли выпрыгнуть в глухой угол сада и через забор скрыться в переулке.

Сверху послышался шум отодвигаемых стульев. «Доклад кончился, — подумала Катя, — надо бы им чайку горячего, ноги-то у всех, наверное, промокли на такой погоде».

Она вернулась в кухню, поставила чайник на плиту и ещё раз прошлась по пустым и тёмным комнатам.

На улице бушевала непогода, выл ветер. Чёрные ветки кустов скребли стёкла окон. Всякие страхи лезли в голову — казалось, что за каждым кустом притаился враг.

Катя осторожно обошла комнаты нижнего этажа и, убедившись, что никого здесь нет, вернулась на кухню и стала разливать чай.

В те дни настоящий чай был большой редкостью. Только для Президиума Думы выдавался небольшой пакетик. Чай берегли, но Катя на свой риск решила заварить его собравшимся товарищам. Она приготовила душистый крепкий настой и наполнила им стаканы. Сахару у неё было только несколько кусочков. Катя положила сахар в три или четыре стакана, взяла поднос и осторожно понесла его наверх.

Лестница скрипела, Катя старалась легче ступать. Она прошла по тёмному коридору и остановилась у двери. Из комнаты доносился чей-то бас:

— Оружия у нас маловато, Владимир Ильич. А вообще — на железнодорожников можно рассчитывать, не подведём...

«Владимир Ильич... Ленин здесь, — обрадовалась Катя. — Значит, заседание очень важное».

Она постояла немного и, как только железнодорожник кончил говорить, толкнула дверь и вошла.

В комнате было полутемно: горела лишь висячая лампа. Владимир Ильич находился в дальнем углу за маленьким столиком. Вокруг него сидели и стояли у стены товарищи. Все очень обрадовались, увидев на подносе дымящиеся стаканы.

— Только без сахару, — виновато предупредила Катя.

— Ничего, ничего, у нас свой сахар есть, — шутливо сказал кто-то.

Со всех сторон руки потянулись к стаканам.

Несмотря на то что на всех чаю не хватало, Катя всё же успела убереечь один стакан с сахаром. Смущаясь, она поставила его перед Лениным.

Казалось, что, занятый своими мыслями, Ильич не заметит этой маленькой услуги, но он улыбнулся Кате и поблагодарил её.

— Я вам ещё принесу,— сказала она и, радостная, побежала вниз за новой порцией чаю.

Заседание становилось всё более шумным. Алексеева решила проверить, не виден ли со двора свет и не слышно ли, о чём говорят.

Накинув на себя платок, Катя вышла во двор.

Теперь уже шёл не дождь, а снег. Дорожка стала скользкой. С севера порывами дул ветер. Всё заволочла такая темень, что в пяти шагах ничего нельзя было разглядеть.

Катя остановилась под окнами и прислушалась. Сверху доносились голоса, но о чём говорилось, понять было трудно. Окна были завешены хорошо, только в одном месте через узенькую щёлку проникала бледная полоска света. Катя, осторожно шагая, обошла вокруг дома.

Нигде никого. Даже сердитый сторожевой пёс спал, забившись в свою конуру.

Катя надумала оглядеть дом с улицы, вышла за калитку и пошла вдоль ограды. На углу она остановилась, прислушалась. Улица казалась вымершей, только впереди мелькнула и будто прижалась к забору какая-то тёмная фигура. Кате сделалось страшно. Она чуть ли не бегом вернулась назад, захлопнула тяжёлую, набухшую калитку и с колотящимся сердцем стала вслушиваться, не гонится ли кто за ней.

И вдруг до неё донёлся отчётливый голос Володарского. Горячась, он говорил громко, словно выступал на большом митинге.

Катя поспешила в дом, поднялась по лестнице и распахнула дверь. Михаил Иванович, видя, что она задыхается и не может выговорить слóва, в тревоге спросил:

— Что случилось?

— Нельзя говорить громко, на улице слышно.

Сразу раздалось несколько голосов:

— Тише!

— Спокойней, товарищи, не горячиться.

Но голоса всё же повышались. Катя всё время сновала вокруг дома, вслушиваясь в вой ветра и всматриваясь в темноту.

«Скоро начнёт светать,— подумала она.— Не забыли ли они об опасности?»

Катя пошла предупредить товарищей. Затянувшееся собрание уже кончилось, но люди почему-то не расходились.

Катя разыскала Ленина. Он ходил по коридору у лестницы, беседуя с каким-то военным.

— Владимир Ильич, светает,— робко напомнила девушка.— Вам бы уйти пораньше.

Ильич, как бы недоумевая, посмотрел на Катю, потом, поняв, о чём она говорит, устало провёл рукой по лицу и заспешил:

— В самом деле, пора, товарищи!

В пустующей комнате Владимир Ильич надел на себя парик, очки и, став похожим на старика букиниста, ушёл из дому с молчаливым Рахьей.

Началось.

Двадцать четвёртого октября, в день восстания, Владимир Ильич с утра стал волноваться. Он знал, какие силы собраны, куда будут направлены, и всё же не мог спокойно ждать: «Решительно ли там действуют товарищи?» Хотелось ежеминутно знать, как развиваются события.

Утром он несколько раз посылал Маргариту Васильевну в Выборгский райком партии и просил приглядываться ко всему происходившему на улице, чтобы по внешним признакам определить состояние

дел. Но что могла рассказать Фофанова? Вторник — день будничный. По-обычному работали учреждения и предприятия, открыты были магазины, парикмахерские, кинематографы. Разве только трамваи ходили хуже да больше сновало на улицах военных.

Днём стало известно, что разведён Николаевский мост. Маргарита Васильевна, служившая на Васильевском острове, сделала большой крюк, чтобы пройти на Выборгскую сторону по Гренадерскому мосту. Все остальные проходы были закрыты. Через Неву пешеходов перевозили на яликах лодочники.

Владимир Ильич, заложив руки за спину, возбуждённо расхаживал по коридору без парика.

— Ну, как в городе? Что творится? — встретил он хозяйку.

Но Маргарита Васильевна не могла дать вразумительных ответов. Она видела только вооружённых людей и ни от кого, конечно, не могла узнать, с какой целью и по чьему приказу разведены мосты на Неве.

— Не раздевайтесь, пожалуйста, — попросил Ильич. — Отнесите в райком записку.

Это было письмо Центральному Комитету. Придя в Выборгский райком, Фофанова отдала его товарищам. Те, видимо, связались со Смольным, потому что вскоре сообщили: Центральный Комитет не разрешает Ильичу покидать квартиру.

— Не разрешают?.. — удивился Ильич. — Чего же они боятся за меня? Вот чудаки! Нет, я так не оставлю. Их надо переубедить.

Владимир Ильич торопливо написал очень короткую, но, видимо, резкую записку, потому что когда Фофанова пришла в райком и передала её секретарю, то из комнаты, где шло заседание, вышла обеспокоенная Надежда Константиновна.

— Владимир Ильич очень гневается? — спросила она.

— Очень.

— И всё же передайте ему: пока ещё нельзя выходить, пусть ждёт.

Вернувшись, Маргарита Васильевна в точности передала ответ и сразу почувствовала, что Ленин недоволен.

— Идите к ним снова! — попросил он. — Нельзя ждать, можно потерять всё.

— Хорошо, я пойду, — согласилась Фофанова, — но только при одном условии: вы должны сесть за стол и пообедать. Я готовила, старалась, а вы даже попробовать не хотите...

Владимир Ильич улыбнулся:

— Хорошо, я поем, но вы обязательно ещё раз сходите. Я сейчас напишу в ЦК.

Он ушёл, а Маргарита Васильевна поспешила на кухню разогревать обед.

«Товарищи! — быстрым почерком вывел на бумаге Ильич. — Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Закончив письмо, он вынес его на кухню и поторопил хозяйку:

— Отнесите и возвращайтесь поскорее. Если к одиннадцати часам не вернётесь, волен действовать сообразно своему разумению.

Фофанова ушла и долго не возвращалась. Вместо неё в дверь постучал Эйно Рахья. Владимир Ильич обрадовался гостю. Он пригласил его поужинать и начал расспрашивать о том, что делается в центре города. Но что мог рассказать Рахья? Он ведь не

был членом Военно-революционного комитета. Обо всём знают лишь в штабе революции — в Смольном.

У Рахьи было два пропуска в Смольный. Но как сейчас туда доберёшься? Трамваи не ходят, а пешком далеко — вёрст десять будет.

— Ничего, как-нибудь доедем,— успокоил его Владимир Ильич.

Он написал записку Фофановой и стал одеваться. Без маскировки выходить Ильичу было опасно. Пришлось надеть парик и очки, повязать щёку платком, как это делают, когда болят зубы, и на голову надеть старую, завалывшуюся кепку.

— Ну довольно маскироваться — в путь! — наконец сказал Владимир Ильич.— Тушите свет.

Рахья загасил лампу. Они вышли на лестницу и спустились вниз.

Улицы были безлюдны. В парк спешил последний трамвай. Владимир Ильич нагнал его и вскочил на подножку. Рахья едва успел прицепиться рядом.

В вагоне пассажиров не было. Владимир Ильич сел напротив кондукторши и начал расспрашивать её, куда идёт трамвай. А та с тревогой поглядывала в темноту за окнами.

— Молчите,— шепнул Рахья.— Если она когда-либо слышала ваш голос, узнает.

Но Владимир Ильич не унимался.

— В парк едете? — попытался он у кондукторши.

Той, видимо, надоели расспросы пассажиров, и она сердито буркнула:

— В парк.

— А почему?

— А ты кто такой, что тебе всё надо знать?

— Рабочий.

Кондукторша с недоверием оглядела пассажира и сказала:

— Тоже мне рабочий! «Куда», «почему»! — передразнила она.— Или не чуешь, что делается? Буржуев бить будем, вот куда едем!

Её ответ Владимиру Ильичу очень понравился.

*

Длинная и прямая улица точно вымерла. Ворота домов были наглухо заперты. Впереди — ни дворников, ни пешеходов. Казалось, никакой опасности до самого Смольного больше не будет. Но вдруг из-за угла показались двое верховых. Они проскакали мимо и о чём-то начали переговариваться. Это были юнкера артиллерийского училища.

— Идите быстрее вперёд,— шепнул Рахья Владимиру Ильичу.— А я их задержу.

Юнкера действительно повернули назад и, догнав Рахью, остановили его:

— Пропуск!

— Какой такой пропуск? — словно не понимая, пьяным голосом допытывался Рахья.

А Владимир Ильич тем временем уходил всё дальше и дальше.

— Пропуск, или...

Юнкер замахнулся нагайкой.

— А ну, дай, дай! Если ты такой ловкий! — покачиваясь, пьяно выкрикнул Рахья и, засунув одну руку в карман, где был револьвер, вызывающе шагнул к коню.

Конь пугливо шарахнулся в сторону.

— Брось этого пьяницу! — трусливо сказал второй верховой.

— Ну его к шутам... поехали!

Юнкер хлестнул нагайкой по воздуху и, круто повернув лошадь, поскакал за товарищем к Литейному проспекту.

Шпалерная кончилась. Вот показалось длинное здание Смольного. Все окна бывшего Института благородных девиц ярко сияли. Под деревьями виднелись броневики, горели костры. Значит, штаб действует!

У центрального входа толпились приехавшие из дальних губерний делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Оказалось, что меньшевики, заседавшие в мандатной комиссии, в последний час изменили цвет пропусков: вместо белых они выдали своим сторонникам красные и строго приказали часовым пропускать делегатов только с новыми мандатами. Собравшиеся шумели, ругались.

Какой-то рабочий, потрясая своим белым пропуском, спрашивал:

— То есть как не пропустите... Делегата задержите?

И он напирал грудью на растерявшихся часовых. Стоявшие рядом поддержали его:

— Что за безобразие! Напутают, а потом не пропускают. А ну, посторонитесь!..

И толпа хлынула в вестибюль, увлекая за собой и Владимира Ильича.

Поднимаясь по лестнице, он смеялся:

— Где наша не берёт!

Владимир Ильич поднялся на третий этаж, прошёл в комнаты Военно-революционного комитета.

Товарищи сразу же доложили ему, как действуют революционные отряды по разработанному им плану.

В эту ночь Красной гвардией были захвачены важ-

нейшие пункты в городе: вокзалы, банки, мосты, телефонная и телеграфная станции. В Смольный то и дело прибывали связные с радостными вестями о вновь занятых мостах, налаженных переправах, об удачном продвижении к последнему убежищу Временного правительства — Зимнему дворцу.

К рассвету весь город был в руках восставших. Временное правительство владело лишь площадью Зимнего дворца и частью прилегающих улиц.

Владимир Ильич, почти не отдыхая, к утру написал обращение ко всем гражданам России.

Восстание в Петрограде победило, и государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета.

Впервые в истории восставшие воспользовались радио и передали своё обращение по эфиру всем народам.

В то же утро Владимир Ильич пришёл на непрерывавшееся уже более суток заседание Петроградского Совета. Матросы, рабочие и солдаты, увидев похудевшего, с ещё не отросшей бородкой, родного Ильича, восторженно встретили его бурными аплодисментами и криками «ура».

Вождь пролетариата, взойдя на трибуну, дождался тишины и ясным, громким голосом сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась!

На другой день Владимир Ильич Ленин был избран на Всероссийском съезде Председателем Совета Народных Комиссаров.

П. Капица

Первый день

Нужна была ленинская рука, чтобы включить рубильник революции.

Пушка с Петропавловской крепости дала сигнал к восстанию.

Восстание началось!

Центр города оцеплен. Мосты в руках восставших. Теперь они решают — вздыбить мосты над Невой, преградить путь контрреволюции или предо-

ставить их для колонн спешащих рабочих, солдат, матросов.

Вокзалы в руках рабочих дружин... Телеграф взят... Телефонная станция в распоряжении Смольного... Радиостанция настраивается на дальние волны... Банковские сейфы под охраной рабочих.

Но победа будет полной, когда будет арестовано Временное правительство. А оно засело в Малахитовом зале в Зимнем дворце.

Зимний дворец холодно сверкает зеркальными стёклами, он ярко освещён внутри, словно там в разгаре бал. Но не слышно музыки, у подъезда не стоят кареты, только юнкерские патрули нарушают тишину, топя подкованными сапогами. Автомобили перестали сновать у подъезда Зимнего, их задерживают красногвардейцы, окружившие кольцом Дворцовую площадь. Кольцо сжимается. В Малахитовом зале идёт заседание. На повестке дня один вопрос: «Как задуть революцию». Но история уже внесла поправку: «Как спастись»,— решают министры.

Смольный светится не только изнутри, но и снаружи. Огромные костры полыхают на площади. В настежь раскрытые ворота вереницей тянутся грузовики, входят колонны Красной гвардии, снуют самокатчики. Как два факела, светились в эту ночь в тёмном Петрограде Зимний и Смольный. Один— чтобы погаснуть навсегда, другой— чтобы пылать века. В Зимнем заседало Временное правительство. Заседало последний раз.

В Смольном действовал Военно-революционный комитет— первый орган власти пролетариата.

Ураган достиг наивысшего напряжения, но он теперь управляем, он страшен тем, против кого направлен, направлен ленинской рукой.

М. Соколов. Ленин в подполье.

Революция победила!

В 10 часов утра 25 октября Владимир Ильич пишет короткое воззвание «К гражданам России!». Десяток строчек вместил в себя результат борьбы десятилетий.

«Временное правительство низложено...

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Вечером должен открыться Второй съезд Советов. Большевики и эсеры готовы заступиться за Временное правительство, которое уже заблокировано в Зимнем дворце. За час до открытия съезда крейсер «Аврора» дал сигнал к началу атаки Зимнего.

Владимир Ильич каждые пятнадцать—двадцать минут посылает самокатчиков к Зимнему. И каждые пятнадцать—двадцать минут получает рапорт: Зимний блокирован. Кольцо сжимается. Кольцо сжалось, начался штурм. И наконец сообщение: Зимний дворец, где заседали под охраной юнкеров и женского батальона члены Временного правительства, взят штурмом революционных войск в 2 часа 10 минут в ночь с 25 на 26 октября. Министры арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Керенский бежал.

В одной из комнат Зимнего сидит простоволосая бывшая сестра милосердия бывшего женского батальона. На ней френч бывшего министра-председателя. Керенский содрал с неё платье и головную повязку и в этом наряде пробрался между штурмую-

щими красногвардейцами — они женщин не трогали. Керенского в тёмном переулке ждала американская машина под американским флагом.

— Какие потери с нашей стороны при штурме Зимнего? — спрашивает Владимир Ильич связного.

— Шесть человек убито.

Ценой этих шести человек спасены жизни сотен тысяч, спасены миллионы. Какая бы резня началась, если бы сигнал к восстанию опоздал и войска правительства Керенского были направлены против пролетариата.

Это бескровная революция, самая бескровная революция в истории человечества.

Меньшевики и правые эсеры покинули съезд. Их проводили возгласами: «Дезертиры! Предатели!..»

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась! — слышит Рахья голос Ленина.

Рахья видит счастливое Ленина лицо и плачет: «Чёрт возьми, какой ты счастливый, Рахья, что дождал до этой минуты».

Заседание съезда закончилось.

Свердлов трогает Владимира Ильича за рукав:

— Владимир Ильич, вам надо отдохнуть.

— Да, да, — соглашается он, хотя на лице не видно следов усталости. — Где бы поближе к Смольному?

— Пожалуйста ко мне на квартиру, — приглашает Бонч-Бруевич, старый товарищ по партии, по эмиграции. — Надежда Константиновна уже там.

Светает.

Владимир Ильич выходит из Смольного, по при-

вычке, установившейся за сто десять дней подполья, сжимает виски, чтобы приладить парик, и смеётся звонко, раскатисто.

— Это просто восхитительно! — говорит он, сняв кепку и проведя ладонью по лысине.

Окружающие Смольный улицы походят на муравейник.

— Как с газетами? — спрашивает Владимир Ильич.

— Все буржуазные газеты закрыты. Сегодня уже не выйдут, в редакциях произведён обыск, бумага реквизирована.

— Надеюсь, всё сделано корректно и по закону, по закону новой власти? — допытывался Владимир Ильич.

— Да, да, комиссары имели предписание ревкома, — отвечает Бонч-Бруевич.

На оживлённое лицо Владимира Ильича набежала тень.

— Кстати, Владимир Дмитриевич, — обращается он к Бонч-Бруевичу, — сегодня же надо выписать охранную грамоту Георгию Валентиновичу.

— Плеханову? — удивляется Бонч-Бруевич.

— Да, да, иначе у него могут быть неприятности: кто-нибудь из наших вспомнит о его позиции и заберут его как контрреволюционера.

— М-да, — покачал головой Владимир Дмитриевич. — А вы знаете, что Плеханов выступил с воззванием к питерскому пролетариату?

— Ну-ну? — заинтересовался Владимир Ильич. — К чему же он на сей раз призывает?

— Говорит, что напрасно питерский пролетариат взял власть в свои руки, накликает разные беды и тяжкие последствия.

— Ну, бог с ним, как говорят. А молодым членам партии надо его изучать, изучать всё, написанное Плехановым по философии,—это лучшее во всей международной литературе марксизма. Без этого нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом. Мы введём философию Плеханова в серию обязательных учебников коммунизма.

— А как поступить с Алексинским?

Владимир Ильич только брезгливо махнул рукой.

— Вы знаете, удивительно доброе утро, даже спать не хочется.

— Ну уж нет, спать, спать и спать,—говорит Бонч-Бруевич.

— Спать, спать,—говорит Надежда Константиновна, встречая его в квартире.— Ни о чём сейчас разговаривать не будем.

— Ну, спать так спать,—согласился Владимир Ильич.

Он проходит в комнату, откидывает одеяло на постели, снимает тяжёлые башмаки и со стуком ставит их на пол. Гасит свет. Сидит на кровати и смотрит на светлую полоску под дверью — когда же наконец Владимир Дмитриевич ляжет спать?

Бонч-Бруевич проверил револьверы — заряжены ли? Положил их под подушку.

Владимир Ильич с нетерпением ждёт.

Наконец светлая полоска юркнула в темноту.

Затаив дыхание, подрагивая от радостного нетерпения, Владимир Ильич крадучись подошёл к письменному столу, накрыл абажур настольной лампы газетой и включил свет. Прислушался — всё спокойно. Выбрал из папки, лежавшей на столе, самый лучший лист бумаги. Осторожно обмакнул перо в чернильницу. Под светом лампы кончик пера вспыхнул

синим огоньком. По привычке сдавил виски пальцами, но парика не было. Вздохнул с облегчением.

Сверкающий кончик пера прикоснулся к бумаге и застыл.

«Как назвать? — думал Ильич. — Очень важно — как назвать?»

Решение пришло сразу. Глубже опустил перо в чернильницу, и на белом листе бумаги заискрились синим светом слова:

Декрет о земле

Первый закон новой власти, власти рабочих и крестьян.

Народ победил в революции и должен немедленно ощутить добрые плоды её.

Ниже, чуть отступя от края, Ильич вывел крупную цифру «1», отчеркнул её круглой скобкой.

Не отрываясь от бумаги, быстро чёткими буквами написал:

«Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа».

Поставил точку и зажмурился от нахлынувшего счастливого ощущения.

Миллионы крестьян необъятной России. Ещё вчера вы были батраками, бедняками, помещичьими холопами; ваши клочки земли — худшие клочки — ютились возле огромных латифундий помещиков; земля, которую вы обрабатывали своими руками, была в плену, недоступна вам и так желанна и так нужна. Труженики деревни, вы проснётесь утром свободными гражданами свободной страны, вся земля ваша, и все, кто трудится на этой земле, тот и пользуется её благами.

Чётко и ровно ложатся на белый лист бумаги простые и великие слова.

На рассвете 26 октября 1917 года вековая мечта мужика, смутная и часто не осознанная, жадно искавшая выхода из неволи, взрывавшаяся войнами под водительством Степана Разина, Емельяна Пугачёва, бунтами и расправами над барами и помещиками, была осуществлена победившей революцией пролетариата.

И вот уже не мечта, не программа, которую надо отстаивать, а выстраданный народом, отвоёванный большевиками незыблемый закон. Закон на века!

Владимир Ильич взял лист бумаги за углы, приподнял его и шепотком прочитал. Он чувствовал себя по-человечески счастливым.

Надо немедленно представить съезду Советов, утвердить, размножить в сотнях тысяч экземпляров, скорее разослать во все уголки России. Раздать солдатам, которые повезут в деревню весть о мире и о земле. «А вдруг по дороге за неимением бумаги раскурят и расскажут потом не так, не точно?» Эта мысль встревожила Владимира Ильича. Надо вместе с декретом выдать каждому пачку бумаги на табак. Хорошо бы получить с издательских складов прошлогодние календари, календари этого года — год-то кончается. И из листков отрывного календаря, наверно, удобнее закручивать козьи ножки. Надо поговорить с Бонч-Бруевичем.

Владимир Ильич не мог сидеть в одиночестве со своим счастьем.

Он осторожно приоткрыл дверь, на цыпочках прошёл через комнату Владимира Дмитриевича, в столовую, где спала Надежда Константиновна.

А она не спит. Стоит у окна, закутавшись в платок, повернула к нему лицо, глаза сияют. И не удивилась и не попрекнула, что он не спит. Разве уснёшь в такую ночь!

— О чём думаешь? — спросил Владимир Ильич.

— О многом. О счастье.

— Я тоже. Хочешь знать, как звучит первый закон новой власти?

— Закон? — Брови Надежды Константиновны высоко поднялись. — А нельзя по-другому?

— Ты права. Я тоже задумался над этим словом. Слово «закон» связано со всем беззаконием царской России. Уж очень опостылело это слово народу. Я назвал этот закон декретом.

— Декрет... декретум... — повторила Надежда Константиновна. — Как во времена французской революции. Что ж, очень хорошо, хоть и иностранное слово. Ну, о чём же он?

— Первые декреты Советской власти будут о мире и о земле.

Надежда Константиновна взяла из рук Владимира Ильича лист бумаги. Стала читать его шёпотом, а потом, всё более увлекаясь, уже громким голосом. Она смахивала с лица слёзы, мешавшие ей читать. «Вся земля... обращается в всенародное достояние... Все недра земли: руда, нефть, уголь... переходят в исключительное пользование государства...» Это величественно!

— Это грандиозно! Великолепно!

Надежда Константиновна и Владимир Ильич оглянулись.

На пороге столовой стоял Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Разве можно спать в такую ночь!

— С добрым утром! Поздравляю вас с первым днём Советской власти! — Владимир Ильич идёт ему навстречу, широко раскинув руки.— Смотрите, какое чудесное утро! — Он отдёрнул занавеску на окне.

По булыжной мостовой пляшут солнечные блики, по улицам громяют грузовые машины, куда-то спешат люди, громко разговаривая, оживлённые, возбуждённые.

— Володя, мне кажется, что надо тебе подумать о законе, который уже существует,— о восьмичасовом рабочем дне, а твой рабочий день,— Надежда Константиновна взглянула на часы,— длится уже сорок восемь часов.

— Есть закон, но пока нет декрета,— ответил, смеясь, Владимир Ильич.— И не пора ли нам вернуться в Смольный?

3. Воскресенская

Гражданин Российской республики

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Родился здесь Данилка, вырос и всех жильцов знал наперечёт и в лица.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором — комнаты князя Пирогова-Пищаева. Ещё этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, разных важных чинов и званий. И лишь

Данилкин отец, Данилкина мать да и он сам, Данилка, из простого народа.

Много разного было за последние дни, с той поры как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принёс Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну,— проговорил,— отныне ты гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики — не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник? — спрашивает он у отца.

— Важнее,— улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше,— смеётся отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое,— зачастил мальчик,— важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я—гражданин Российской республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома.

Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него, Данилку? Кто бы это мог Ленину рассказать? Думает и вдруг видит: мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевёл дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я? Я — гражданин Российской республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин? — произнёс он с насмешкой. — Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя! — присвистнул Кирюха. — Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и — раз!

Началась драка.

— Я — гражданин!.. — пытается перекричать Данилка Кирюху.

— Нет, я — гражданин!.. — вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чём дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов», — прочли они заголовок. А далее сообщалось о том, что всякие звания: дворянин, купец, мещанин, а также все важные титулы: князь, граф, тайный советник, статский и прочие — уничтожаются и устанавливается одно, общее для всего населения

России название — гражданин Российской республики.

Внизу шла подпись: «Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

— Так что, выходит, вы оба правы, — заявил парень. — И ты гражданин Российской республики, — показал он на Данилку, — и ты, — показал на Кириюху, — и я — все теперь граждане Российской республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил. Молодец Ленин!

Зато графине Щербацкой, князю Пирогову-Пищаеву, тайному советнику Горохову и статскому советнику Ардатову, видимо, ленинский декрет не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо! Ну и скатертью дорога! Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец, — рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

Сергей Алексеев

В СМОЛЬНОМ

Из далёкой сибирской деревни ехал в Петроград старик крестьянин. В дороге он всем рассказывал, что едет к Ленину. Ему надо поговорить с Лениным о крестьянской жизни.

Долго старик был в пути. Наконец приехал в Петроград.

Глядит, на улицах стоят рабочие с винтовками. Прошёл с музыкой полк солдат; впереди полка несли громадное красное знамя.

Старик подошёл к красногвардейцу и спросил:

— Это как следует понимать?

Тот ответил:

— А так: теперь у нас — Советская власть.

Пошёл старик по улице, стал расспрашивать, где найти Ленина.

Говорят:

— В Смольном.

Долго шёл он через весь город и пришёл к громадному дому.

Около дома горели костры, стояли пулемёты. У пулемётов прохаживались матросы и солдаты.

Это и был Смольный.

Понравился старику один молоденький матрос. Он всё постукивал каблуками о мостовую, похлопывал рукой об руку — грелся: было холодно, с моря дул сильный ветер.

Старик сказал ему:

— Мне б Ленина повидать...

Матрос оглядел его с ног до головы и спросил:

— А тебе зачем надо к Ленину?

— Пришёл рассказать ему про свою жизнь.

— Иди, старик, к коменданту за пропуском, — сказал матрос и показал, куда идти.

На лестнице стояла очередь к коменданту. Широкие ступеньки были скользкие, грязные — видно, много народу прошло по ним за день.

Комендант писал пропуска медленно: рука его привыкла к винтовке, перо он держал всеми пятью пальцами, неуверенно, с опаской. Получил у него старик пропуск, пошёл искать Ленина.

В первом этаже Смольного рабочие и матросы получали оружие. Они поодиночке подходили к высокому весёлому солдату, брали винтовку и патроны, расписывались и выходили во двор. Там строи-

лись в отряды и уходили. Где-то далеко громыхали пушки: под Петроградом шли бои.

Старик спросил высокого солдата, где Ленин.

Солдат улыбнулся и ответил:

— В тридцать шестой комнате.

У дверей тридцать шестой комнаты стояли на часах два красногвардейца: старый усатый рабочий в чёрном пальто и молодой парень в полушубке.

Старик сказал им:

— Мне б Ленина повидать.

Усатый рабочий поглядел на старика и сказал:

— Ступай прямо по коридору. Ленин в большом зале будет выступать.

Только тут старик заметил, что все шли по коридору в одну сторону. Он пошёл туда же и увидел в конце коридора белые, широко раскрытые двери. В дверях толпился народ.

Старик стал пробираться вперёд. И только протиснулся в зал, как раздался страшный шум. Старик не сразу понял, в чём дело. Пригляделся: кругом кричат, хлопают, машут шапками. И народ в этом нарядном зале всё больше простой: в шинелях, в полушубках, в матросских бушлатах.

И все кричат:

— Ленин! Лени-и-ин! Ленин!

Старик приподнялся на цыпочки и увидел в другом конце зала Ленина.

Владимир Ильич стоял на небольшом возвышении. Он ждал, когда стихнут крики. Потом поднял руку — требовал тишины.

Но зал шумел, не утихал:

— Ленин!.. Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич нахмурился. Потом не выдержал — улыбнулся. Крики усилились ещё больше.

Ленин развёл руками. Подождал немножко. И опять поднял правую руку. Потом, видно, решил не обращать больше внимания на шум, наклонился вперёд и начал говорить. И тогда сразу в зале стало тихо.

— Товарищи! — сказал Ленин.— Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась...

Ленин говорил о новой жизни, о Советской власти, о том, что войну надо кончать, что земля будет отнята у помещиков и отдана крестьянам.

Старик слушал. Каждое слово Владимира Ильича было ему понятно.

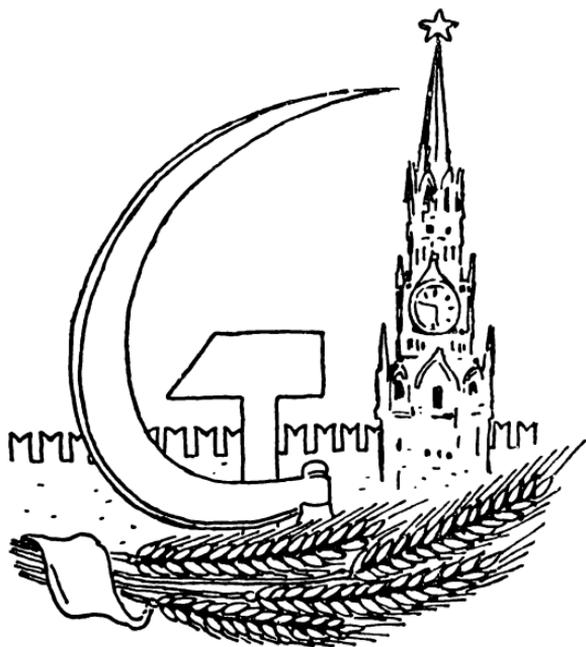
Кончил Ленин речь. Старик вспомнил о своей деревне: надо там рассказать о ленинских словах. И он пошёл по коридору — искать широкую лестницу, что ведёт на улицу.

Кто-то окликнул его. Это был молодой матрос, который стоял раньше около Смольного.

— Ну что, папаша, говорил ты с Лениным про свою жизнь? — спросил он, засмеявшись.

— Нет,— ответил старик.— Это Ленин говорил со мной про мою жизнь.

А. Кононов

Советский герб

Всё создавалось заново в нашей стране. И государственный герб тоже нужен был новый, какого ещё никогда не существовало в истории народов,— герб первого в мире государства рабочих и крестьян.

В начале 1918 года мне принесли рисунок герба, и я тотчас же понёс его Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич в это время был у себя в кабинете и беседовал с Яковом Михайловичем Свердловым, Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и ещё

целой группой товарищей. Я положил рисунок на стол перед Лениным.

— Что это — герб?.. Интересно посмотреть! — И он, наклонясь над столом, принялся разглядывать рисунок.

Все окружили Владимира Ильича и вместе с ним разглядывали проект герба.

На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамлённые снопами пшеницы, внутри перекрещивались серп и молот, а из перевязи снопов вверх, к солнечным лучам, был направлен меч.

— Интересно!.. — сказал Владимир Ильич. — Идея есть, но зачем же меч? — И он посмотрел на всех нас. — Мы бьёмся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из нашей страны и белогвардейцев и интервентов. Но насилие не может главенствовать у нас. Завоевательная политика нам чужда. Мы не нападаем, а отбиваемся от врагов, война наша оборонительная, и меч — не наша эмблема. Мы должны крепко держать его в руках, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что так будет всегда... Когда будет провозглашено и осуществлено братство народов во всём мире, меч нам не будет нужен... Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч... — И Владимир Ильич тонко очиненным карандашом перечеркнул меч на рисунке. — А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект, а потом посмотрим и ещё раз обсудим в Совнаркоме. Надо это сделать поскорей...

И он поставил на рисунке свою подпись.

Я передал проект герба художнику Андрееву,

находившемуся в кабинете Ленина, Он в то время лепил Владимира Ильича, тихонько сидя на диване. Андреев перерисовал герб, сделал всё как-то рельефней, выразительней и, конечно, удалил меч.

Этот проект герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исправленный по замечаниям Владимира Ильича, и был утверждён 19 июля 1918 года.

В гербе Советского Союза тоже есть и серп, и молот, и золотые снопы в лучах восходящего солнца. Под этими счастливыми символами мира и труда живёт советский народ, с ними он идёт в коммунизм.

В. Бонч-Бруевич

Старшой

В Петроград, в Смольный, к товарищу Ленину, прибыла группа крестьян-ходоков из Костромской губернии. В полушубках крестьяне, в лаптях, в шапках-ушанках, с котомками за плечами.

Людей в те дни в Смольном было полным-полно. Тут и рабочие, тут и крестьяне. Солдаты, красногвардейцы, матросы. От человеческих голосов Смольный гудел, как улей.

Идут костромские крестьяне по Смольному, разыскивают Владимира Ильича Ленина.

А в это время Владимир Ильич шёл как раз им навстречу.

Крестьяне к нему:

— Дорогой человек, где здесь старшóй?

— Кто, кто? — переспросил Владимир Ильич.

— Старшой, — повторяют крестьяне. — Тот, кто нынче Россией правит.

— Ах, старшой, — усмехнулся Ленин. Посмотрел вокруг себя, увидел группу рабочих. — Вот старшой, — показал на рабочих, лукаво улыбнулся и пошёл дальше.

Подошли крестьяне к рабочим, гадают, какой из них будет товарищ Ленин.

— Сыночки, кто тут будет товарищ Ленин?

— Ленин? — удивились рабочие.

— Ну да, — отвечают крестьяне. — Старшой. Тот, кто нынче Россией правит.

— Ленин не здесь, — сказали рабочие. — Ленин вон там, — показали на лестницу. — Ступайте на третий этаж.

Поднялись крестьяне на третий этаж и вновь повстречали Ленина. Владимир Ильич с кем-то шёл. Шёл быстро, о чём-то спорил.

Увидел Ленин знакомых крестьян.

— Ну как, разыскали? Разузнали, кто нынче старшой?

— Нет, — отвечают крестьяне.

— Так вот же старшой, — указал Владимир Ильич за крестьянские спины. И опять хитро улыбнулся.

Оглянулись костромичи. Что такое? Стоит в коридоре группа солдат. Чуть поодаль стоят матросы. Рядом с матросами жмётся группа крестьян. И тоже

в полушубках, в лаптях, в ушанках. На спинах висят котомки.

Тоже, видать, ходоки-пришельцы.

— Э, да какой же это старшой...— усмехнулись крестьяне.— Видать, вновь ошибся тот человек с бородкой.

Интересно крестьянам, кто же это с ними беседовал. Подошли ходоки к солдатам.

— Сыночки, кто будет тот человек с бородкой?

— Кто? Да это товарищ Ленин.

У крестьян глаза круглыми стали.

— Ну и ну!..— заявил один из крестьян.— Непонятное что-то...

— Чуднóе,— согласился второй.

Смотрят они на третьего, самого старого. Однако третий стоит и молчит. Думает самый старый. Морщины, как волны, легли на лоб.

— Как же это понять, Афанасий Данилович? — полезли к нему крестьяне.

— Как? Как сказано, так и понять,— ответил старик и вдруг просиял улыбкой.

Подхватили крестьяне свои котомки, двинулись к Ленину в кабинет.

— К кому вам? — спросил секретарь у входа.

— К товарищу Ленину.

— Как доложить?

Глянул старик на своих, для пущего веса крякнул, вытер усы ладонью.

— Скажи, что пришёл старшой. Тот, кто нынче Россией правит.

Сергей Алексеев

Неприметный/ случай

В Октябрьские дни в Петрограде в самый разгар борьбы за утверждение Советской власти произошёл один совсем незначительный, неприметный случай. Среди великих исторических событий той поры случай этот оказался затерянным и забытым. И, однако, забывать его всё-таки нам нельзя, потому что не только на большом, но и на малом отчеканиваются временем великие черты революции.

А дело вот как было.

На второй или на третий день после переворота явился в Смольный один рабочий из-за Нарвской заставы. В руке он нёс помятый и заржавленный бидон, судя по всему, из-под керосина. Действительно, ещё у ворот, остановленный часовыми, рабочий этот, по фамилии Сергеев, сказал им:

— У нас, в общежитии путиловских рабочих, вот уже сколько дней нет света. Бились, бились, а керосину не достать. И вот теперь, поскольку настала наша народная власть, то товарищи прислали меня сюда, в Смольный, к Ленину, чтобы он распорядился налить мне в этот бидон керосину.

Ему говорят:

— Ты что, очумел, что ли? У Ленина и без тебя забот хватает. Он сейчас за всю революцию вопросы решает в наивысшем мировом масштабе. А ты туда же со своим бидоном!

Однако рабочий этот, Сергеев, видать, был человек напористый, недаром его сюда ходатаем выбрали.

— Всё это так, конечно, дорогие друзья, но смотрите,— говорит,— что получается: мы Зимний дворец штурмовали, а теперь я обратно пустой ворочусь. Нет уж, вы как хотите, только я без керосина отсюда уйти не могу и буду своего добиваться.

— Ну что ж,— говорят,— добивайся, мы тебе не помеха.

И вот пошёл и всё самого Ленина спрашивает.

Ему и говорят:

— Иди в комнату шесть. Там Ленин.

Зашёл товарищ Сергеев в комнату, глядит: тут уже полно людей. И за столом сидят, и у стены, и около дверей сгрудились.

И верно (он это собственными ушами слышит), идёт разговор в мировом масштабе: про Германию, и про Вильгельма, и Гинденбурга, и про всемирную революцию трудящихся классов.

Сергеев уже было смутился и обратно хотел шмыгнуть. И тут как раз поворачивается к нему один товарищ и спрашивает:

— А вы почему с бидоном?

Сергеев растерялся немного, но всё-таки говорит:

— Мне бы товарища Ленина на одну самую короткую минуту.

И тут уж видит и сам: вот он, Ленин. Сидит и тоже на него смотрит.

— Что вам угодно, товарищ?

— Вот такое дело,— говорит Сергеев.— Прислали меня к вам, главе нашего рабочего государства, насчёт керосину, потому у нас в общежитии за Нарвской заставой без свету совсем сидим, ну просто как суслики.

Ленин немного призадумался и спрашивает своего соседа за столом:

— Есть тут керосин в Смольном? Можно достать?

А в это время поднимается ещё один, голова у него в курчавых таких завитках, и прямо весь не в себе, руками так и машет.

— Позвольте,— говорит,— Владимир Ильич, неужели нас выдвинули сюда, на аванпост истории, чтобы мы в такой ответственный, решающий для всего мира момент занимались проблемой бидона с керосином? Я просто не могу понять!

Сергеев струхнул было, но видит: Ленин ничего на всю эту угрозу с молниями не отвечает, а как ни

в чём не бывало пишет в своём блокноте, отрывает листок и говорит:

— Вот, товарищ, возьмите эту записку, найдите Петрова, и керосин будет выдан.

Рабочий Сергеев хотел поблагодарить душевно и от себя, и от своих товарищей, что, дескать, не зря надеялись, но видит, регламента на это нет. Вздохнул, головой наскоро покивал да и пошёл.

И в дверях уж слышит, как он, Ленин то есть, при полной внезапной тишине говорит кому-то, верно, опять тому курчавому:

— Да, нас поставили сюда не для устранения таких вот керосиновых мытарств, но в числе прочих проблем, представьте, и для этого тоже. А главное же — для того, чтобы ни одна, пусть самая простая, надежда трудового человека не осталась без нашей поддержки, ни одна, даже маленькая забота — без нашего внимания.

Услышал Сергеев эти слова, идёт со своим бидоном по коридору, а сам думает: «Ого, а ведь дело-то тут куда поважнее моего керосина вышло!»

А керосин он получил в тот же день, во дворе, в кладовке. И к своим вернулся не пустой. И все, начиная с часовых у ворот, были рады такому обороту этого совсем маленького, совсем незначительного дела.

Н. Жданов

Солдатский хлеб

Партия большевиков, взяв власть в свои руки, занялась самыми неотложными делами. Надо было дать народу мир, прекратить войну с Германией, начатую царём. Надо было дать крестьянам землю, отобрать её у помещиков. Надо было наладить положение с продовольствием, а положение это к 1917 году стало трагическим: люди в городах голодали. Необходимы были срочные меры, и правительство приняло их.

Были немедленно отобраны у капиталистов эшелоны с мукой и зерном, которые стояли на железно-

дорожных путях в Петрограде. Большие запасы муки были обнаружены в городе у крупных мукомолов и владельцев булочных.

Благодаря этим мерам нам стали выдавать по карточкам фунт хлеба в день. Но подвоза из провинции всё ещё не было, и вскоре снова пришлось экономить, уменьшать паёк. Так в Петрограде мы дошли до восьмушки хлеба. И вот наступил печальный день, когда комендант Смольного, где находилось тогда Советское правительство, товарищ Мальков сообщил мне, что у нас все запасы кончились, даже восьмушку хлеба нельзя выдать.

Я заторопился в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Туда должны были прийти телеграммы о том, когда Петроград сможет получить хлеб из провинции.

Было около семи часов утра. Немного спустя в Управление делами пришёл демобилизованный солдат. В то время уже был заключён мир с Германией, и солдаты часто заходили к нам перед отъездом домой. Мы снабжали их отпечатанным в виде книжечки декретом о земле, принятым Советской властью.

Я просматривал почту и попросил солдата обождать меня. Он стоял за барьером, отделявшим большую комнату Управления делами от приёмной, и с любопытством всё рассматривал. В это время ко мне подошла наша буфетчица Маня.

— Как же быть, Владимир Дмитриевич? Ведь у нас ничего нет: ни куска сахара, ни ломтя хлеба, только вот и есть, что чай да соль.— И она показала поднос, на котором стояли два стакана чаю и блюдечко с солью.— Как же я понесу это Владимиру Ильичу? Ведь он голодный! — говорила она, чуть не плача.

Солдат прислушивался к нашему разговору.

— Ну уж нет! — вдруг громко сказал он. — Кого-кого, а Владимира Ильича мы прокормим!

И он поворотом плеча скинул со спины солдатский мешок, вынул из-за голенища складной нож, быстро раскрыл его, развязал мешок, достал круглую буханку хлеба, прижал её к груди и одним взмахом разрезал пополам. Половину буханки он сунул обратно в мешок, а другую, подойдя чётким, солдатским шагом к Мане, положил на поднос, проговорив:

— Вот этот хлебушек Владимиру Ильичу.

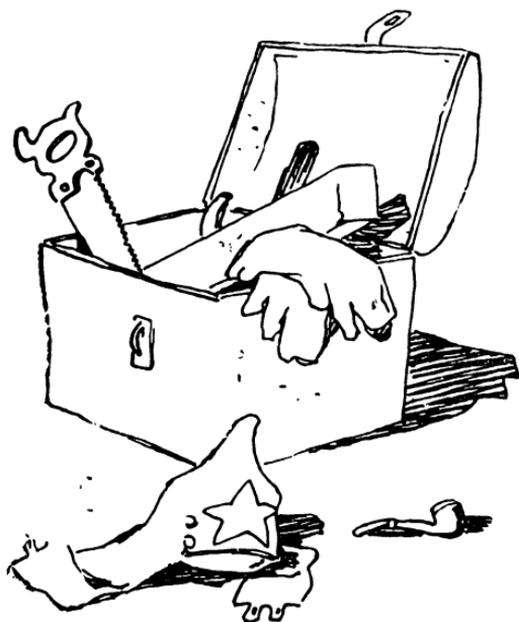
— Спасибо тебе, солдатик! — обрадовалась Маня и тотчас же пошла в кабинет Владимира Ильича.

Через несколько минут Владимир Ильич отворил дверь своего кабинета и громко, на всю комнату, сказал, обращаясь к солдату:

— Спасибо вам, дорогой товарищ! Такого вкусного солдатского хлеба я никогда ещё не ел...

— Это он? Сам Владимир Ильич?.. Ну и ну!.. — растерянно произнёс солдат. — Вот какой он есть, Ленин... Ласковый... За такую безделицу, а как сердечно благодарит!.. Наш он, Владимир Ильич-то!..

В. Бонч-Бруевич

Обыкновенные варежки

У дедушки Андрея есть деревянный сундучок.

Много разных интересных вещей в этом сундучке. Есть тут и красноармейский шлем, в котором дедушка когда-то защищал от врагов свою молодую Советскую страну, есть и старая, прокуренная трубка — солдатская радость, и разный плотничный инструмент.

И вдруг среди этих интересных вещей — обыкновенные деревенские варежки. Из грубой овечьей шерсти, простой вязки, да ещё заштопанные. Зачем он их бережёт?

Одолело внучат любопытство. Расскажи да расскажи.

Вот однажды дедушка и говорит им:

— Ну, слушайте. Расскажу вам, какие это варежки... Не простая у них история.

Вскорости после Октябрьской революции, зимой тысяча девятьсот семнадцатого года, стоял я на посту у Смольного, где помещалось первое Советское правительство.

Стоял я на посту и голыми руками держал винтовку. Не было тогда у часовых ни варежек, ни перчаток. Трудное было время — холодное и голодное. Только что свергли мы буржуев. Злобились они на нашу народную власть.

— Смотри зорче, солдат, — предупредил меня караульный начальник, brave матрос, — в этом доме сам товарищ Ленин. Понимаешь, как его беречь надо!

Понимаю, как же. Я солдат молодой, но в Октябрьских боях участвовал, с юнкерами сражался. Винтовка у меня на боевом взводе. Смотрю в оба. А ночь студёная. С чёрного неба белая крупа сыплется. Ветер, колючий, злой, за полы шинельки рвёт. Руки знобит.

Дрожь меня пробирает. Топчусь, ёжусь, пальцы дыханием грею, а сам думаю: «Мне-то ещё ничего, каково теперь солдатам в окопах да в чистом поле!» Замечтался я о тёплой родной хате, о мирной жизни. Вдруг как фыркнет на меня автомобиль да как осветит глазищами электрическими, так я в сторону, а штык вперёд.

Из автомобиля выходит какой-то человек в штат-

ском пальтишке, посматривает на меня прищурившись. Заметил, как я машины напугался, улыбается и хочет пройти в Смольный.

Рассердился я. Хочу спросить поостроже:

— Ваш-ш пропуск?

А губы замёрзли, и вместо грозных слов прошипел я что-то непонятное, как рассердившийся гусь.

Однако незнакомый человек понял, что я пропуск требую. В один карман, в другой. Ищет — не найдёт. А злющий ветер и за полы пальто, и за рукава так и рвёт, со всех сторон холодом продувает. Зябко ему.

Нашёл всё-таки.

Протягивает бумажку, а я не могу как положено рассмотреть печать и подпись. Пальцы не разжимаются, к винтовке пристыли.

Заметил он это и говорит сочувственно:

— Очень вам холодно здесь, товарищ.

Поднёс пропуск поближе, чтобы я разглядел печать.

Показал и прошёл по лестнице вверх.

Вот и всё.

Он ушёл, а мне не по себе стало: зачем я так долго держал человека на таком злом ветру? И пальто на нём холодное, и ботинки без калош...

Вдруг вижу — бежит ко мне сам караульный начальник. Матросик наш боевой. В бескозырке. В распахнутом бушлате. На одном боку револьвер, на другом шашка, а за поясом две гранаты.

— Найманов Андрей, ты что — совсем замёрз, браток?

— Ничего. Терплю.

— А чего же начальству пожаловался?

— Никому я не жаловался...

В. Серов. В Смольном.

— Ну вот, рассказывай! А почему же Владимир Ильич своим помощникам нагоняй из-за тебя дал? Плохо, мол, заботятся о нашем брате. Часовые на постах мёрзнут. Велел полушубки достать немедленно. В караулку нам свой чайник прислал, который для него вскипятили. Чтобы, сменившись с постов, мы чайком грелись... Ты бы ещё у товарища Ленина кофею выпросил! Шустрый ты, однако, браток!

— Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос:

— Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал, Ленин — это богатырь какой-то, великан... Ещё бы! Царя сверг... миллион буржуев одолел... Слово скажет — по всему миру слышно! Это всё так — сила в нём необыкновенная. А человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ, Ленин. Проще сказать — Ильич. Теперь знай, кого охраняешь. Вождя революции! Смотри зорче, солдат!

Объяснил и ушёл в караулку.

На крыльце обернулся и крикнул весело:

— Через полчаса сменим! Приходи чай пить!

Ушёл матрос, а мне жарко стало. Так сердце в груди и зажглось. Как же это я Ленина на морозе держал, на студёном ветру?

Не помню, как и сменили меня, как чаем из ленинского чайника, посмеиваясь, дружки-солдаты угощали. Вдруг вызывают:

— Андрей Найманов, к товарищу Ульянову-Ленину!

Иду, а ноги заплетаются.

Вот и кабинет. Часовые все наши, знакомые рабочие — красногвардейцы. Смотрят на меня с опаской: провинился, мол, солдат.

Не помню, как вошёл, как доложил. Приставил руку к папахе, по-военному. Только вижу — лицо у Владимира Ильича не сердитое. Нет-нет, рассматривает меня добрым взглядом. Достает вот эти самые варежки, протягивает мне и говорит:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Это мне одна добрая женщина подарила. Сама связала.

Смотрю — хорошие варежки. Плотные, тёплые. Два пальца отдельно на правой связаны, чтобы удобно было из винтовки стрелять.

Для нашего брата солдата очень гожи. Завидую, а брать стесняюсь.

Заметил это Ленин.

— Ничего, — говорит, — берите, берите. Они вам нужнее. А у меня есть перчатки.

И сам вкладывает эти варежки мне в руку, ласково так, что у меня душа потеплела.

Сказал я спасибо и повернулся кругом...

Дед Андрей умолк, прикрыв ладонью глаза, словно хотел ещё раз увидеть эту милую сердцу картину.

Вздыхнул и сказал:

— Давно это было, а вот как сейчас помню... Да, такой-то вот получил я от товарища Ленина подарок. Душевный. Бесценный...

— Бесценный, а не сберёг! — воскликнула внучка Наташа, пионерка. — Все варежки заштопанные. Как же ты мог изорвать ленинский подарок, дедушка?

— Солдатское дело. Они рвались, а я их штопал.

— Ты бы их получше спрятал, дедушка! — так и всплеснула руками внучка Мариша.

Дед Андрей усмехнулся:

— Зачем их прятать, разве это бриллианты какие? Обыкновенные варежки. Ленин мне их не зря подарил, а для пользы дела.

— Чтобы винтовку лучше в руках держать да врагов бить, непонятные! — крикнул сестрёнкам внучок Яша.

— Так я и делал, — сказал дед Андрей, убирая варежки в сундук. — Врагам спуску не давал, а всем добрым людям был защитой.

Я. Пинясов

Рождение Армии

В ту ночь злой февральский ветер дул с моря. На всех заводах гудели без отдыха гудки. Это Ленин звал к Смольному всех, кто готов был сражаться за свою страну. Отечество было в опасности: немцы шли на Петроград.

Ленин работал всю ночь. Он писал воззвание к народу.

Иногда он вставал, подходил к окну. Во дворе Смольного горели костры, стояли пулемёты, бойцы в серых шинелях переносили куда-то связки сабель, винтовки.

У одного костра стоял матрос в чёрном бушлате с поднятым воротником. Он всё отворачивался от ветра, присел над костром, грел руки. И, видно, никак не мог согреться. Тогда он выпрямился и пустился в пляс.

Ленин полюбовался на матроса и вернулся к письменному столу. Он ещё раз перечитал своё воззвание, крупно написал сверху: «Социалистическое отечество в опасности» — и быстро вышел из комнаты в коридор. И тут только вспомнил, что ещё очень рано, ещё ночь и вряд ли он найдёт кого-нибудь из Совнаркома.

Тогда, отдыхая после своего двадцатичасового рабочего дня, он не спеша пошёл по коридору. Коридор был совсем пустой в этот час, и шаги в нём звучали гулко.

У лестницы Ленин остановился. Там, на площадке, стоял около пулемёта молодой солдат, караульный.

— А что, товарищ, можем мы победить врага этим пулемётом? — спросил его Ленин.

— Безусловно побьём, Владимир Ильич! — весело ответил солдат.

— Немца?

— Немца!

— А у него броневики, пушки... сила.

— Всё равно побьём, Владимир Ильич!

— И я, товарищ, такого же мнения... Вот именно: всё равно побьём.

Ленин повернулся и тем же шагом, не спеша, по-

шёл в свою комнату. У самой лампы всё ещё лежала последняя военная сводка: немцы подходили к Пскову, готовили удар по Петрограду.

Если бы иметь побольше таких бойцов, как этот пулемётчик, как матрос у костра! А разве их мало? Нужно только время, чтобы собрать их, создать свою армию.

Но времени мало, враг рвётся к советской столице.

Чёрное окно в комнате стало серым: наступало утро. Тревожных гудков больше не было слышно. Ленин прислушался. Откуда-то издали донеслась музыка. Через минуту она стала громче. Медные трубы военного оркестра играли марш. Раздалась команда, в широкие ворота Смольного входила воинская часть.

Ленин вглядывался, стоя у окна: бойцы были одеты в короткие полушубки, в круглых шапочках.

Одежда эта показалась ему знакомой. И он вспомнил: в такой одежде встречали его сестрорецкие оружейники в марте прошлого года, когда он возвращался из-за границы. Только тогда у них не было винтовок.

Небо светлело всё больше.

В коридорах Смольного послышались шаги, голоса.

Дверь скрипнула, в комнату вошёл секретарь.

— Это товарищи из Сестрорецка? — спросил Ленин, всё ещё глядя в окно.

— Красногвардейцы, рабочие с Сестрорецкого оружейного завода. Их девять тысяч восемьсот человек.

Сколько же всех?

По тревожному гудку шли ночью к Смольному

кронштадтские матросы, питерские красногвардейцы, верные революции солдаты...

Шли, гремя колёсами, поезда с красными войсками на Нарву и Псков.

23 февраля 1918 года немцам был нанесён первый удар. Их наступление было остановлено.

Этот день стал днём рождения нашей армии.

А. Кононов

КЛЯТВА

День был хоть и майский, но студёный, ветреный, как в октябре. Липы совсем уж приготовились сбросить румяные колпачки с туго закрученных листьев, да раздумали — холодно. Только акации в палисадниках бесстрашно распушивали на ветру свои зелёные пёрышки.

И мальчишкам холод был нипочём. Обжигая босые ноги о холодный булыжник, они беспокойной

стайкой носились возле завода Михельсона, чего-то нетерпеливо ждали.

Серпуховская улица жила своей обычной жизнью: у пекарни вытянулась длинная очередь за хлебом, по мостовой лениво цокали ломовые лошади, высекая подковами искры, изредка позванивал трамвай и скрежетал тормозами на поворотах.

Только за высокой дощатой стеной завода было оживлённо. Сквозь щели забора мальчишкам было видно, как рабочие спешно наводили порядок на заводском дворе, ровняли дорогу от проходной к Гранатному корпусу, посыпали её зернистым жёлтым гравием.

Ребята и свою помощь предлагали, но старый рабочий Пётр Никифорович, который всеми делами командовал, сердито крикнул:

— Марш по домам, простудитесь! Ишь, холодна какой!

Ребята ничего не успели сказать в оправдание — в это время грянул марш, и на Серпуховскую улицу из переулка вышел военный оркестр. Музыканты шагали посередине мостовой и дули в ярко начищенные медные трубы. За оркестром выплыли полковые знамёна: новые, праздничные, красные, а за ними бесконечной вереницей шагали молодые красноармейцы. И если зажмуриться, то слышалось, что это шагает один очень большой и сильный человек, крепко на всю улицу выстукивая: раз-два, раз-два, раз-два!

Ребята мигом пристроились впереди оркестра и старались идти широким шагом, в такт музыке, и Кирюшка старался, хотя и был меньше всех.

Василий маршировал в составе Варшавского красного полка правофланговым; он сразу заприме-

тил среди ребят своего меньшого братишку, узнал его по своему пиджаку, который болтался на Кирюшкиных плечах, как мешок.

Раскрылись окна в домах, остановились прохожие, затормозил трамвай, и все смотрели на красноармейцев, и улица сразу стала праздничной.

А ребята ни на кого не смотрели, они, как и красноармейцы, глядели вперёд и браво вошли в широко распахнутые ворота и вместе с оркестром остановились у входа в Гранатный корпус. И никто их не прогонял, и сам Пётр Никифорович понимал, что это будущие красноармейцы, которым тоже придётся защищать Советскую Республику.

Раз-два, раз-два, раз-два! — хрустит под ногами гравий, и красноармейцы вступают на расчищенную рабочими дорогу, на которой ещё свежи полосы от железных грабель. По бокам приветливо помахивают зелёными пёрышками акации, за ними живой стеной стоят рабочие: парад принимают, первый парад своей молодой, только что созданной Красной Армии.

Прошёл Варшавский красный полк, Сводная караульная дружина, за ними в Гранатный корпус потянулись рабочие. Они заняли места вдоль стен, между станками, на подоконниках, предоставив середину огромного цеха своим дорогим гостям. Мальчишки вошли в цех вместе с оркестром.

Раздалась команда «вольно». Василий оглянулся. Кругом знакомые лица, добрые и взыскательные взгляды. Смотрят рабочие: худо одеты красноармейцы. Шинели пообтрёпаны, в дырах, в опалинах — видно, побывали в боях. Фуражки разные, на некоторых ещё зимние папахи. Башмаки разбиты, но у всех ноги в новеньких зелёных обмотках.

Командиры, такие же юные, как и красноармейцы, в таких же новеньких обмотках, прохаживаются перед строем, чего-то ждут, волнуются.

Рабочие узнали Василия. На заводе Михельсона он работал вместе с отцом. Отца убили на фронте, а Василий вступил в Красную гвардию и в Октябрьские дни семнадцатого года штурмовал Зачатьевский монастырь. Монастырь для революции никакого интереса, конечно, не представлял, но в нём засел буржуйский штаб, и Василий вместе с дружинниками вышибал его оттуда.

Василий поискал глазами Зину. Вот она стоит на подоконнике, теревит руками кончик красной косынки. Губы сжаты, а глаза улыбаются, улыбаются ему, Василию. Кирюшка пристроился возле барабанщика и тарачит глаза на брата, первый раз видит его в военной форме.

Неожиданно прозвучала команда:

— Смир-но!

Шаркнули сотни ног и замерли.

И все мальчишки стали по команде «смирно» — руки по швам, спины выпрямили, животы втянули, вот только глаза не научились слушаться: скосились на боковую дверь.

Дверь распахнулась, и в цех вошло несколько человек.

На какой-то миг исчезли все звуки, и тут же взметнулось «Ура-а-а!» — не по приказу командиров, а по команде сердца: рабочие узнали Владимира Ильича Ленина. Он шагал рядом со Свердловым, в тёмном пальто, в кепке, чуть сдвинутой набок. Поднялся вслед за Яковом Михайловичем на трибуну, сбитую из свежеструганных досок, остановился, повернул лицо к людям и что-то сказал.

Улыбнулся, от чего щёточка усов вздёрнулась кверху.

Никогда ещё стены Гранатного цеха не слышали такого бурного ликования.

Владимир Ильич постоял минутку: вынул из кармана часы и выразительно постучал по крышке, посмотрел на командиров — чего же, мол, не наведёте порядок?

А командиры, как мальчишки, не могут сдержать буйной радости. Повернулись к строю и, всё ещё не в силах согнать с лица улыбку, весело скомандовали:

— Смир-но!

В огромном корпусе мигом стихло и посветлело. То ли оттого, что майское солнце пробило наконец студёные тучи, то ли от улыбок и блеска глаз.

Яков Михайлович раскрыл портфель, вынул листок бумаги и, поправив пальцами дужку пенсне, сильным голосом произнёс:

— Сегодня у нас большой праздник, торжественный день, товарищи. Бойцы нашей юной, но уже проявившей себя в боях Красной Армии принимают торжественное обещание, дают клятву на верность народу. Я буду читать текст торжественного обещания, и каждый из вас повторит его слова за мной.

Василий напряжился. Сейчас он должен принести социалистическую клятву перед лицом своих товарищей по заводу, перед лицом самого Ленина. От волнения ему показалось, что у него пропал голос.

Яков Михайлович подошёл к краю трибуны. Владимир Ильич встал рядом с ним.

Перед трибуной стайка мальчишек — запрокинули головы, во все глаза смотрят на Ленина. Владимир

Ильич снял кепку, и Кирюшка снял, потом оглянулся на командиров — те взяли под козырёк.

Кирюшка поспешно водворил на голову отцовскую солдатскую фуражку и крепко прижал оттопыренный большой палец к виску.

Яков Михайлович кашлянул и начал:

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии...

— Я, сын трудового народа... — одним дыханием повторяли красноармейцы, и гулкие стены корпуса отозвались эхом.

— Я обязуюсь... в борьбе за Российскую Социалистическую Республику, за дело социализма и братство всех народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни...

Василий не спускал глаз с Ленина.

Владимир Ильич стоял неподвижно, чуть подавшись вперёд; пальцы, сжимавшие кепку, еле заметно вздрагивали; глаза не таясь говорили: вам, молодым бойцам, предстоят тяжёлые испытания, и партия вам верит, народ доверяет вам защиту своей свободы, своей победы.

И в ответ слышалось:

— Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики...

Пётр Никифорович смотрел на Владимира Ильича и думал: «Ты, Ильич, в юности дал клятву служить народу, выволить его из неволи. Когда ты дал эту клятву? Может быть, в тот день, когда пришла страшная весть о казни твоего старшего брата, может быть, в камере Казанской тюрьмы, когда был арестован за то, что поднял голос против бесправия и

произвола на Руси, а может быть, ещё раньше, в симбирском саду, слушая рассказы отца о нужде и темноте народной? Никто не слышал этой клятвы, но все знают о ней по твоим делам, по подвигу твоей жизни. Ты сдержал её, и я, старый рабочий, клянусь вместе с сынами нашими защищать нашу победу, нашу Советскую власть».

Прозвучали последние слова клятвы...

Наступила торжественная минута молчания, и командиры не спешили нарушить её.

А после команды «воль-но-о» всё смешалось. Рабочие подходили к красноармейцам, жали им руки, поздравляли. Красноармейцы прикалывали себе на грудь красные звёзды.

— Что это за звезда? — спросила Зина, подойдя к Василию.

— Это Марсова звезда, что значит военная, — ответил он, — а плуг и молот — видишь, в середине звезды — означают, что защищаем мы рабочих и крестьян всего мира! — с гордостью добавил Василий.

— Марсова звезда — по-нашему Марксова, — сказал Пётр Никифорович. Глаза его были влажны.

— Поздравляю вас, товарищ, с принятием социалистической клятвы, — услышал Василий и поднял глаза.

Перед ним стоял Владимир Ильич. Василий отдал честь. Надо было сказать какие-то очень важные слова, но он смутился и не мог придумать ничего торжественного, а Владимир Ильич вдруг спросил:

— Вы женаты, товарищ?

Василий окончательно смешался и бросил взгляд на Зину.

— Нет ещё, Владимир Ильич.

— А невеста есть?

Василий стал красный как кумач.

— Невеста есть.

И Кирюшка, стоявший рядом, понял, что о Зине говорит Василий, а она спряталась за чью-то спину и затеребила концы косынки.

— Не забудьте пригласить на свадьбу,— улыбнулся Владимир Ильич Зине.— У вас будет хорошая жена, верный товарищ,— сказал он Василию.— А вы, видно, фронтовик?— спросил Владимир Ильич другого красноармейца, бросив взгляд на его старую, выдавшую виды шинель.

— Так точно!— ответил боец, и широкая улыбка осветила его лицо.

— Ваша семья в деревне? Ждут вас, соскучились?

Владимир Ильич умел распознавать людей, хотя все они были в солдатских шинелях, и умел прочитывать затаённые мысли.

— Так точно, в деревне. Собирался к ним ехать, да нельзя сейчас. Вот когда буржуев добьём, тогда и поеду.

— Да, врагов у нас много, и повоевать придётся,— серьёзно ответил Владимир Ильич и, протянув руку Петру Никифоровичу, спросил:— Ну, а вы отдыхать не собираетесь?

— Какой там отдых, Владимир Ильич! Теперь у нас есть армия, и ей нужно оружие. Будем работать изо всех сил.

Мальчишки, не отставая, ходили следом за Владимиром Ильичём, о чём-то перешёптывались, их что-то сильно занимало.

Наконец, подталкиваемый ребятами, Кирюшка спросил:

— Вот мы хотим знать, с каких лет в Красную Армию принимают?

Взрослые на Кирюшку зашикали — зачем такое озорство? — а Владимир Ильич дотронулся до солдатской фуражки мальчика, понял, что это отцовская фуражка и раз она на голове сына — значит, погиб отец, серьёзно ответил:

— Ты обязательно будешь красноармейцем, настоящим защитником Советской страны. Правда?

— Правда! — ответил Кирюшка, подняв глаза на Владимира Ильича, и, встретив его по-дружески серьёзный взгляд, повторил: — Правда!

Красноармейцы строились.

Рабочие встали по обе стороны живой стеной.

Грянул марш.

Владимир Ильич смотрел на проходящих мимо молодых, сияющих отвагой красноармейцев и думал о том, что у молодой Республики Советов есть крепкая, надёжная защита.

И Кирюшке показалось, что большой и сильный человек зашагал ещё крепче, и теперь его шаг слышен, наверно, по всей советской земле: раз-два, раз-два, раз-два!

Это было в субботу, в студёный день 11 мая 1918 года в Москве, на заводе Михельсона, носящем теперь имя Владимира Ильича.

3. Воскресенская

Выстрел врага

В главных мастерских завода уже начался митинг, а во дворе всё ещё стояла огромная толпа народа. Ждали Владимира Ильича.

Наконец в воротах показалась машина. Она остановилась у входа в мастерские. Дверцы машины открылись, и все увидели Ленина.

Владимир Ильич поздоровался с рабочими и прошёл своей быстрой походкой в двери мастерских. Все устремились вслед за Лениным, и двор опустел.

Шофёр повернул машину в сторону ворот, остановил её шагах в пятнадцати от мастерских и стал ждать.

Через несколько минут к нему вдруг подошла женщина в чёрном. Она спросила:

— Что, кажется, товарищ Ленин приехал?

Шофёр ответил:

— Не знаю, кто приехал.

Женщина усмехнулась:

— Как же так? Вы шофёр — и не знаете, кого везёте?

Шофёр взглянул на неё: какая настойчивая!

— Не знаю! — повторил он нахмурившись.

Женщина круто повернулась и зашагала к мастерским.

Через полчаса митинг кончился, и двери мастерских распахнулись. На пороге показался Владимир Ильич.

Вслед за ним во двор вышли несколько рабочих. Остальные рабочие задержались у выхода. Какой-то мужчина в матросской форме остановился в дверях и расставил руки.

— Не напирай! Не напирай! — бормотал он хрипло.

Лицо у матроса было пухлое, глаза беспокойные. На матроса он походил только одеждой.

Упершись руками в косяки дверей, он всё оглядывался на двор.

Рабочие подумали, что матрос охраняет Ленина, и сами стали задерживаться у дверей.

В это время Ленин подошёл к машине.

Он уже взялся рукой за дверцы, но тут работницы задали ему какой-то вопрос, и он повернулся к ним, чтобы ответить.

Вдруг грянул выстрел, потом сразу другой. Ленин упал.

Рабочие отбросили матроса в сторону и рванулись к Ленину.

Шофёр выскочил из машины с наганом в руке. Он заметил у левого крыла машины женщину — ту самую, что спрашивала про Ленина. Он кинулся к ней, целясь из нагана. Женщина побежала и скрылась в толпе. Шофёр бросился было за ней, но, оглянувшись, увидел: Ленин лежал на земле.

Шофёр подбежал к нему, стал на колени, нагнулся к Владимиру Ильичу.

Кто-то сказал:

— Скорей надо в больницу...

Ленин приподнял голову и слабым голосом проговорил:

— Нет, домой... домой...

Шофёр объявил рабочим:

— Везу домой. Ни в какую больницу не поеду!

Рабочие наклонились к Ленину, хотели его внести в машину, но он приподнялся и сказал еле слышно:

— Я сам...

Лицо его было бледно. С большим трудом он встал и вошёл в машину. Но сидеть не мог и повалился боком на сиденье. Шофёр захлопнул дверцы и тотчас же погнал машину.

А в это время поймали женщину, стрелявшую в Ленина. Она хотела скрыться в толпе, но ребяташки на дворе заметили её:

— Вот, вот она! Это она стреляла!

Было это в 1918 году, 30 августа.

Рабочие и крестьяне Советской России, трудящиеся всего мира с тревогой и надеждой следили по газетам за здоровьем Ленина.

В газетах писали, что женщину, которая стреляла в Ленина, подослали враги народа. Они отравили пули сильным ядом.

И раны были тяжёлые: доктора не надеялись, что Владимир Ильич выживет.

Но вот вышли газеты с радостной вестью: Ленин начал выздоравливать.

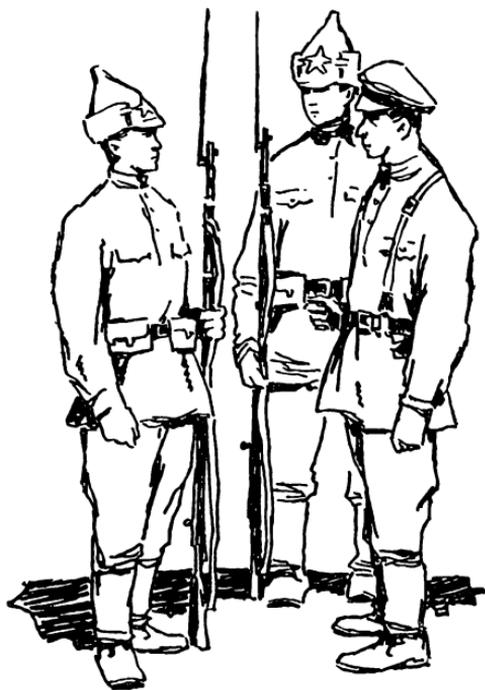
Снова созвали митинг на заводе. Один товарищ прочёл известие о том, что Ленину стало лучше. После него поднялась на трибуну старая работница и сказала, заплакав:

— Мало мы берегли его... Вот... не уберегли от пули. Как сильно болел-то Ильич!

Потом помолчала, поглядела на своих товарищей и громко сказала то, о чём думали все:

— Ведь это какое счастье, что у нас есть Ленин!

А. Кононов

рёл
ВЗЯТ

Каждый день, а то и каждый час приходили в Кремль к Ленину вести с фронтов гражданской войны. Они приходили по прямому проводу или со специальными нарочными из подмосковного городка Серпухова. Там с осени 1918 года обосновался штаб Реввоенсовета республики.

Владимир Ильич обычно сам отмечал расположение наших войск на карте России. Тогда она вся

пестрела флажками, обозначавшими линии фронта. Линии часто менялись: враг то наступал, то откатывался.

Депеши с фронтов складывались отдельно, в особое место на письменном столе. Владимир Ильич, как правило, распечатывал депеши немедленно, но та, о которой здесь будет рассказано, пришла, когда Ленин уже закончил работу. И он взял депешу с собой, уходя домой на обед.

В тот день — это было 20 октября 1919 года — на посту у кремлёвского кабинета стоял Пётр Артюшин, курсант пулемётных курсов. Когда Владимир Ильич вышел, как обычно, с папкой срочных бумаг, курсант заметил, что лицо его озабоченно.

Дни были тревожными. Белые наступали. Деникин рвался к Туле. Под Орлом шли жаркие, кровопролитные бои. Там решалась судьба фронта. В Орле у курсанта родные. Владимир Ильич, который не раз беседовал с Артюшиным, знал об этом.

Прошёл час, не более, и дверь, ведущая из квартиры Ленина в коридор, открылась.

«Неужели Владимир Ильич прервал свой отдых и снова идёт в кабинет?» — подумал часовой.

Но в дверях была Надежда Константиновна. Она улыбалась. Ещё не переступая порога, Надежда Константиновна сказала часовому как-то особенно сердечно:

— Замечательная новость, товарищ! Владимир Ильич только что распечатал депешу от Серго Орджоникидзе. И просил передать вам — вы ведь, кажется, из тех мест, — Орёл наш! Можете сообщить это товарищам.

Дверь закрылась.

И Пётр Артюшин остался наедине с радостной новостью.

Минуты на посту тянулись непривычно медленно. Наконец послышались шаги. Шла смена. Новый часовой встал на пост. Минуту они стояли рядом.

Курсанту хотелось шепнуть другу или даже крикнуть: «Браток, Орёл взят! Орёл наш!» Однако Артюшин шагнул вперёд и, подчиняясь команде разводящего, вскинул карабин на плечо.

И только тогда громко произнёс, чтобы и разводящий и новый часовой слышали:

— Владимир Ильич просил передать: только что получена телеграмма об освобождении Орла. Орёл наш, товарищи!

Через несколько минут эту новость узнали все, кто был в караульном помещении. Караульные радовались и новой победе, и ещё тому, что Владимир Ильич с ними первыми поделился этой вестью.

А Ленин уже вернулся в кабинет.

Он постоял несколько минут возле карты и с удовольствием прикрепил маленький красный флажок у освобождённого нашими войсками Орла.

Евгений Мар

Не по уставу

Как-то шёл Владимир Ильич мимо часового и обратил внимание, что тот бледен, едва стоит. Это был курсант Алексей Булычёв. Накануне он вместе с другими курсантами, свободными от караула, ездил в лес за дровами и не сумел как следует отдохнуть, да и не поел досыта.

Питались курсанты неважно: похлёбка да ржаная каша, иногда посыпанная сахаром. К тому же часть своего небольшого пайка будущие красные коман-

диры отдавали сиротам, детям погибших бойцов. Эти ребята жили в детском доме.

Курсанты знали, что и Владимир Ильич питается так же.

В казармах Кремля было холодно. Но и в кабинете Ильича было не теплее, чем в казарме. Приложишь руку к изразцам печки — ладонь остаётся холодной. Часовые старались даже виду не показывать, что испытывают невзгоды.

Стоит часовой на посту, дом вспоминает, а под ложечкой сосёт — есть хочется.

А услышит шаги Владимира Ильича, вытянется в струнку и скажет как можно веселее:

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Так сделал и Булычёв.

Владимир Ильич остановился и спросил курсанта:

— Что с вами? Вы больны?

Булычёв ответил ему как ни в чём не бывало:

— Спасибо, Владимир Ильич, ничего, это я так...

— Как это — так? — уже строго сказал Ленин курсанту.

Владимир Ильич пошёл в кабинет и тут же вернулся со стулом в руках.

Поставил стул возле часового и распорядился:

— Садитесь. Вы очень плохо выглядите!

Булычёв растерялся.

— Владимир Ильич, — взмолился он, — часовой на посту не имеет права сидеть. Даже разговаривать не имеет права.

Ленин улыбнулся и спокойно объяснил Булычёву:

— Вот вы устав и нарушили — разговариваете со мной.

Принёс кусок чёрного хлеба с повидлом и заставил Булычёва съесть тут же, в его присутствии.

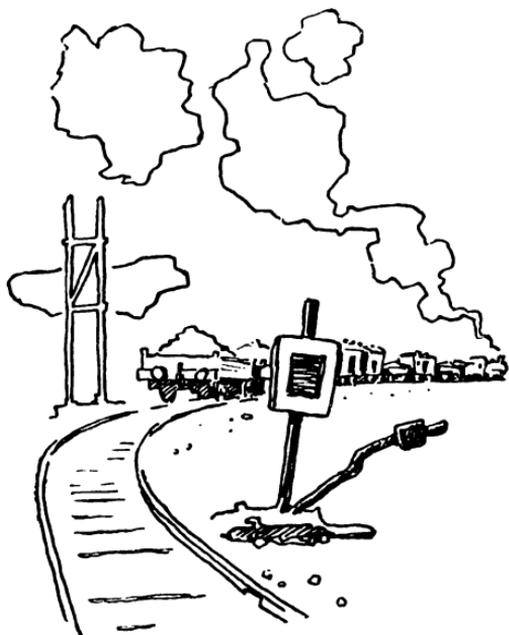
Часовой не смел послушаться Председателя Совета Народных Комиссаров, сел на стул и съел хлеб.

Булычёв доложил о происшедшем караульному начальнику и ждал наказания за нарушение устава.

Караульный начальник, который отлично знал устав, успокоил курсанта:

— Считайте, что никакого нарушения не произошло: вы выполнили указание Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина. А выполнять указания Ленина,—добавил караульный начальник,—обязан каждый.

Евгений Мар

Помощь ИВАНОВО- ВОЗНЕСЕНЦАМ

Конец 1918, начало 1919 года. В Иваново-Вознесенске очень тяжёлое положение. Нет топлива — фабрики останавливаются, нет хлеба — рабочие голодают. В Москву к Ленину направляются представители иваново-вознесенцев: просить о помощи текстильщикам. В составе делегации четыре человека, в том числе и я, бывший в ту пору председателем «Районтекстиля» и членом бюро губсовнархоза.

О нашем приезде знали в Москве, и пропуска в Кремль, к Ленину, были готовы заранее.

Шутка сказать, сколько лет минуло уже с тех пор, а в памяти отчётливо сохранились все подробности этой волнующей встречи...

Владимир Ильич работал в своём кабинете.

Как только мы вошли в комнату, он поднялся навстречу, и тёплая, приветливая улыбка озарила его лицо.

— А-а, иваново-вознесенцы!

Ильич пожал каждому руку, усадил нас перед столом и, пристально поглядывая то на одного, то на другого, начал:

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, что там у вас?

От его простого, дружелюбного тона сразу стало теплее, веселее на душе.

Ленин расспрашивал, как идут дела на предприятиях, какие настроения у рабочих...

— Что с хлебом? — первым тревожно задал вопрос он.

Григорий Королёв, руководитель нашей делегации, передал Ленину просьбу иваново-вознесенских ткачей. Он упомянул о разрухе, вызванной войной, о бедственном положении на фабриках, и лицо Ильича помрачнело, глубокая складка легла на лбу.

— Да-да, знаю, товарищи! Примем меры. Иваново-вознесенцам помощь надо оказать непременно...

Владимир Ильич придвинул к себе простенькую стеклянную чернильницу и быстро начал делать какие-то пометки.

Полчаса, которые мы провели в его кабинете, пролетели словно минуты. Прощаясь, Ильич снова поднялся из своего плетёного креслица, крепко по-

тряс руку каждому из нас и, уже весело улыбаясь, сказал:

— Передайте рабочим Иваново-Вознесенска, что Москва о них знает, что Москва помнит о них!

В глубоком молчании, вспоминая каждое слово вождя, мы шли из Кремля. Вот оно, сердце нашей республики, её воля и мозг — Ленин! Сотни дел у него, тысячи забот — и больших и маленьких, но для всего наш Ильич найдёт время, ни о чём не забудет, всё сделает...

Через несколько дней в Иваново-Вознесенск пришли дополнительные составы с зерном и углём. На юг отправились продотряды. И наши ребяташки, держа в руках кусок хлеба, серьёзно говорили:

— Это дядя Ленин прислал...

Тимофеев

(иваново-вознесенский
рабочий-текстильщик)

Телеграмма

Петрограду вновь угрожала опасность. Отряды белогвардейского генерала Юденича стояли близ города на Пулковских высотах.

Адъютант Юденича предложил своему генералу взглянуть на город в бинокль.

— Зачем? — ответил Юденич. — Завтра мы будем танцевать на паркете Зимнего дворца.

Он был уверен в скорой победе.

И хотя защитники Петрограда — революционные матросы, солдаты, красногвардейцы держались стойко, опасность в самом деле была велика. Надо срочно перебросить под Пулковские высоты свежие воинские части. Но откуда взять их?

Ленин почти не спал в эти дни. То и дело вёл переговоры с фронтом и тылом по прямому проводу.

И вот одиннадцать воинских эшелонов сформированы и ждут отправки возле Екатеринбургa, ныне Свердловска, и ещё одиннадцать стоят возле Казани.

Рабочие железнодорожных депо выделили лучшие паровозы для этих воинских составов. Были подобраны самые проверенные, самые опытные машинисты.

Чтобы помощь в Петроград поспела вовремя, поездам надо идти с невиданной по тем временам скоростью, проходить не менее шестисот вёрст в сутки.

Однако с такой скоростью поездам идти невозможно — неминуемо крушение: рельсы кое-где расшатаны, шпалы в некоторых местах требуют замены.

А для того чтобы привести в порядок железнодорожное полотно, по мнению инженеров, на этом пути потребуются не часы, а дни.

Тогда-то Владимир Ильич и послал работникам Казанской железной дороги коротенькую телеграмму. Он сам диктовал её телеграфисту аппаратной в Кремле.

Там было сказано:

«Судьбу Петрограда решают железнодорожники Казанки. Работы по ремонту пути должны быть выполнены в точно указанный срок».

И стояла подпись: Ленин.

Тогда в течение одной ночи по всей Казанской дороге на ремонт линии вышли все: свободные от поездок машинисты, кочегары, стрелочники. Работали жёны и даже дети железнодорожников.

Одни крепили рельсы, другие меняли шпалы, третьи чинили мосты.

И в назначенный час воинские эшелоны помчались к Петрограду сверхскоростным ленинским маршрутом.

Так и не пришлось офицерам генерала Юденича танцевать на паркете Зимнего. Генерал бежал со своей свитой, оставив бинокль на поле боя у Пулковских высот.

Когда железнодорожников спросили, как им удалось отремонтировать путь за такой короткий срок, участники необыкновенного ночного субботника молча показали телеграмму Ленина, и всё стало ясным.

А телеграмму эту, оказывается, комиссар дороги размножил на гектографе и раздал по линии. Ленинскую телеграмму списывали от руки и передавали дальше и дальше. Её прочли повсюду, на самых глухих полустанках и разъездах. Телеграмму Ленина как бы получил каждый из работавших в ту ночь.

Грамотные читали её вслух тем, кто не умел читать или просто плохо видел по старости.

И ленинская телеграмма подняла людей на работу, словно в бой.

Маленькие, пожелтевшие от времени копии этой телеграммы и сейчас, верно, хранятся в семьях старых железнодорожников — участников этой необыкновенной «битвы за рельсы».

Евгений Мар

Ленин у детей

Это было зимой 1919 года. Здоровье Надежды Константиновны ухудшилось, и врачи советовали ей пожить за городом. Решено было устроить её в Сокольниках, в лесной школе для туберкулёзных детей, которой я тогда заведовала. Однажды вечером меня вызвали к телефону и сообщили, что к нам придет Владимир Ильич.

Необычайное волнение охватило всех. Начались суетливые приготовления к встрече. Ребята поминутно выбегали в переднюю, я дежурила у стеклян-

ной двери. Наконец мы увидели, как во двор въехала машина и остановилась у подъезда.

Я впервые видела Ленина...

Ленин со всеми приветливо поздоровался за руку. Вдруг неистово залаяла вбежавшая с ребятами собачка Бобка. Владимир Ильич нагнулся к собачке и весело сказал:

— А-а, позвольте познакомиться: как вас зовут?

— Бобка! Бобка! — закричали дети.

— А, товарищ Бобинский! — и взял Бобку за лапку.

Когда Ленин снял шубу, ребята обступили его со всех сторон.

Тут появилась вторая любимица ребят — кошка Муська. Владимир Ильич с увлечением начал играть с Бобкой и Муськой, ребята хохотали, началась весёлая возня. Всем стало так весело и легко, а сам Владимир Ильич был так обаятелен и прост, что смешными и ненужными показались все наши приготовления к торжественной встрече.

Мы обошли все комнаты, я предложила Надежде Константиновне лучшую спальню с балконом, но Владимир Ильич категорически запротестовал. Ленин не хотел лишать ребят хорошей комнаты и выбрал маленькую, скромную спальню.

Когда мы обходили спальни, Владимир Ильич спросил:

— Чем вы, собственно, лечите ребят?

Я показала висевший на стене график режима дня. Огромное место в нём было отведено пребыванию на свежем воздухе. Владимир Ильич одобрил это.

Дети пригласили Владимира Ильича посмотреть мастерскую, где они готовили игрушки к ёлке; как-

то незаметно одна из девочек оказалась у него на плечах. Девочка была маленькой, толстенькой, и Владимир Ильич называл её «Колобок».

Девочка, мастерившая лису из меха, спросила Владимира Ильича:

— А вы бы могли так сделать?

— Не знаю, мудрёная штука! — ответил он.

Уезжая, Владимир Ильич тепло, как старый знакомый, со всеми попрощался и предупредил, что завтра же приедет с Надеждой Константиновной.

На следующий день они приехали. И Владимир Ильич прежде всего вручил мне продовольственные карточки Надежды Константиновны...

...Владимир Ильич при всей загруженности часто навещал Надежду Константиновну, хотя бы совсем ненадолго — на полчаса. Он ежедневно осведомлялся о её здоровье и просил меня звонить ему.

Владимир Ильич очень любил слушать пение наших ребят. У нас был хороший хор в школе, и, когда он приходил к Надежде Константиновне, ребята пели для него. Больше всего любил Владимир Ильич в исполнении нашего хора старинную русскую песню «Уж как во поле калинушка стоит», рассказывающую о пленённом соловушке. Куплет о том, как «соловушка в неволе не поёт, он воды не пьёт и зёрен не клюёт», особенно трогал Владимира Ильича. Ребята это заметили и повторяли его с большой выразительностью.

19 января в школе устраивали ёлку, приготовили песку «Санки-самокатки». Ребята пригласили Владимира Ильича. По поручению Ленина привезли много гостинцев: яблок, чернослива, конфет. Всё было готово, гости собрались; с нами была Надежда Константиновна. Уже время начинать, а Владими-

ра Ильича всё нет. Позвонили в Кремль, оттуда ответили, что Ленин давно выехал. Уже сыграли спектакль, как вдруг вошли Владимир Ильич и Мария Ильинична. Оказывается, в пути задержались.

Ребята повторили свою программу. Владимир Ильич был очень оживлён, шутил, играл с ребятами. Вечер закончился выступлением приглашённых артистов.

В память этого дня в нашей лесной школе ежегодно устраивали ёлку 19 января.

Ф. Халевская

Делегат с Урала

Командант внимательно посмотрел на стоявшего перед ним маленького человека в рыжей, потрескавшейся кожанке. Тот зябко ёжился и дышал, как на морозе. Казалось, что он сейчас начнёт стучать зубами.

— Выпей чаю!..

— Нет... не могу! — сдавленным голосом ответил Авангард.

Комендант ободряюще похлопал его по плечу:
— Ты не волнуйся, землячок, не нервничай...
С Владимиром Ильичём очень легко разговаривать...
Он и сам слушает, и вопросы задаёт... Не торопись —
отвечай спокойно, и всё будет в порядке...

Авангард молча кивнул головой.

— Отправились! — сказал комендант. — Назначено на одиннадцать!..

Прошли несколько постов. Пощёлкивая, взлетел лифт — ещё не виданная Авангардом диковина. Он скользнул по ней невидящим взглядом и сразу же забыл.

Потом он переступил порог светлой комнаты, где стояли простые столы и стулья, заваленные бумагами, слышалось стрекотание машинки.

Женщина, сидевшая за столом, подняла на него строгие глаза:

— Садитесь, товарищ!

Он сел на кончик стула. Хотелось откашляться, в горле застрял комок.

Женщина коротко спросила его, откуда он прибыл, кем делегирован, цель приезда.

— Вы имеете передать что-нибудь товарищу Ленину?

Авангард достал конверт и бумажку с печатью ревкома.

— Посидите! Я сейчас вернусь!

Она взяла письмо, бумажку и вышла в соседнюю комнату. Авангард опасливо и негромко откашлялся. Не помогло — вязкий комок так и остался в горле. Он посмотрел на дверь, куда скрылась женщина, и ему представился бесконечный ряд комнат, одна за другою, а где-то в конце — огромный зал, где сидит Ленин...

«А может, и не допустят — только передадут конверт, и всё!»

Он потрогал лежавший в кармане старинный медный пятак, который всегда носил с собой, и загадал: «Если орёл — пустят, если решка — нет!»

Открылась дверь из комнаты.

Авангард покраснел, уронил монету. Она звякнула об пол и закатилась под стул. Ему показалось, что женщина смотрит на него насмешливо и неодобрительно. «Поднимать пятак или нет?» — в смятении думал он.

— Вы можете пройти к Владимиру Ильичу, — сказала женщина. — Вот сюда, пожалуйста!

Авангард встал, сделал несколько неуверенных шагов к двери, потянул ручку, дверь не поддавалась. Он беспомощно оглянулся.

Женщина улыбнулась, и лицо её стало добродушным.

— Толкайте от себя!

Он толкнул дверь, остановился. Ослепительные потоки света лились сквозь протёртые, блестящие стёкла, пыль крутилась затейливым столбом, насквозь вызолоченная солнцем. Он стоял жмурясь, ничего не видя перед собой.

— Входите, товарищ, садитесь! — услышал он приятный, чуть хрипловатый голос. — Я сейчас освобожусь!

Значит, не существует никаких комнат и залов. Только несколько шагов до стола, за которым сидит Ленин.

Авангард дошёл до кресла и сел. Кресло было мягкое и очень глубокое. Крышка стола оказалась почти вровень с его глазами, и первое, что он увидел, был прибор из уральского камня, блестевший

на солнце яркой полировкой. Рядом лежал аккуратно нарезанный конверт.

Вид этих вещей, ехавших с ним так долго, подействовал успокоительно. Он перевёл взгляд выше и увидел Ленина, сидевшего на стуле с высокой спинкой.

Наклонившись, прижав ухо к телефонной трубке, Ленин напряжённо слушал, рука с карандашом быстро бегала по бумаге.

Осторожно, точно боясь произвести шум, Авангард повернул голову и осмотрелся. Шкафы и полки с книгами, кожаный диван, портрет Маркса в раме. По стенам большие географические карты. Похоже на их школьную учительскую, только здесь дверей больше — целых три. За одной дверью слышалось постукивание телеграфного ключа.

Авангард снова украдкой взглянул на Ленина. Как раз в этот момент Ленин откинулся на спинку стула и рассмеялся в трубку: «Не можете отвыкнуть от твёрдого знака? А вы, батенька, дома специально поупражняйтесь!» Он положил трубку, встал и протянул руку:

— Здравствуйте, товарищ! Извините, что заставил ждать! — Глаза на его смуглом лице щурились, улыбались, белый мягкий воротничок чуть свернулся набок.

Авангард посмотрел на него с радостным изумлением. Томительное чувство, подкатывавшее всё утро к сердцу, ушло бесследно, стало легко и просто.

— Начнём вот с чего! — сказал Ленин. — Вы сегодня ели что-нибудь? Завтракали?.. Только правду!

Этот вопрос застал Авангарда врасплох. Он часто заморгал рыжими ресничками. Что же делать? Ложь с первого слова? И всё же надо решиться...

— Я завтракал! — храбро сказал он. — Чай пил у коменданта!

— Правду говорите? — Ленин пытливо взглянул на него. — Ну, тогда садитесь поудобнее и будем толковать! — Он поискал что-то на столе. — Простите, запомнил фамилию.

— Мальцев... Авангард! — сказал Авангард и покраснел так густо, что веснушки на его лице сделались невидимыми.

Но Ленин, кажется, ничего не заметил. Он мягко спросил:

— Сколько товарищей сопровождало вагоны?

— Сопровождало нас двое!.. — бодро начал Авангард и остановился.

Больше он ничего сказать не мог. Напротив висела карта, испещрённая стрелами. Взгляд его скользнул по витой линии Уральского хребта. Где-то здесь начало пути... И точно опрокинулись на него разом тряские дни и ночи, захлестнули до горла. Как рассказать об этом?!

Но тут пришла помощь. Быстрые, короткие вопросы повели его вперёд, не сбивая и не давая оглядываться по сторонам. И вот станция Липская, зарево над далёким лесом, Башкатов с винтовкой за плечом...

— Да, дорого мы платим! — сказал Ленин. Глаза у него сузились, потемнели, пальцы стиснули карандаш. — Не хотят отдавать нам хлеб... — добавил он медленно и угрожающе. — Хотят взять нас измором!..

«Вот Ленин узнал о Башкатове», — подумал Авангард.

Ленин что-то отметил в раскрытой тетрадке, внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Вы плохо выглядите! — неожиданно сказал он.— Устали? Нездоровы?

— Нет, я очень здоров! — торопливо ответил Авангард.— И не устал, нет!

Он чувствовал, что эти короткие, быстрые вопросы подбираются к нему всё ближе и ближе. Он даже вздохнул потихоньку...

Да, так и есть — Ленин спрашивает о родителях, о школе, в каком он классе, как занимается, как живёт...

— Кончил трёхклассную школу...— упавшим голосом начал Авангард. Он страдал сейчас оттого, что и здесь разговор пришёл к этой неизбежно тягостной теме.— Потом в городском четырёхклассном училище. Перешёл в четвёртый класс... И потом как раз произошла революция... А потом...

— Захватила политическая деятельность! — закончил за него Ленин.

— Да! — растерянно согласился Авангард и весь как-то сник в своём мягком кресле. Следующий вопрос может превратить его просто в неуспевающего ученика, который два года числился в четвёртом классе.

Но вопросы, устремлявшиеся к нему, точно стрелки на карте, висевшей перед глазами, вдруг побежали в стороны. «Есть ли саботажники среди учителей? — спрашивал Ленин.— Получают ли учащиеся завтраки? Каков состав учащихся? Какая политическая работа ведётся среди учеников и кто её возглавляет?»

У Авангарда заблестели глаза. Да это же его жизнь! Он всё знает здесь!

Но опять быстрые и точные вопросы направили его к главному.

Когда он рассказывал, как они, комсомольцы-учащиеся, демонстративно порвали с ОУЧем, Ленин нагнулся, переспросил:

— С кем порвали?!

Авангард объяснил, что ОУЧ — это Объединение учащихся, но там засели скауты, бывшие гимназисты, которые только и знают, что устраивать танцульки с фантами...

Он вспомнил фразу из резолюции, принятой уком комсомола: «ОУЧ портит наше классовое сознание и уводит в сторону от пролетарской революции!»

Ленин сощурился:

— Кто это сказал?

— Это мы сами! — с самолюбивой ноткой в голосе ответил один из авторов резолюции — Авангард.

— Мысль верная, но шаг неверный! — серьёзно сказал Ленин. — Не надо было выходить из объединения! Наоборот, на каждом собрании нужно разоблачать всю эту обывательскую чепуху... Разъяснять молодёжи, с кем ей идти... Вы согласны?

Авангард молчал. У него начали гореть уши.

— Позвольте нескромный вопрос, — чуть улыбнулся Ленин. — Сколько вам лет?

Опять стрелки повернулись в его сторону, подобрались вплотную.

— Скоро шестнадцать! — ответил он с затаённой грустью.

— Скоро шестнадцать! — повторил Ленин. — Чудесно!.. Начало жизни. Но уже многое пережито и понято! Найден верный путь! — Глаза его заискрились. — С белогвардейцами скоро покончим, начнём восстанавливать, строить... Вы уралец, да? — быстро

спросил он.— Знаете, кем вы должны стать? — Он торжествующе посмотрел на Авангарда и сам ответил на свой вопрос: — Горным инженером! Обязательно! Учиться будем! — сказал он со страстной настойчивостью.— Все пойдём учиться!

Авангард смятенно улыбнулся.

Он вспомнил о своих друзьях, о своих ребятах, увешанных оружием. И сам он думал только об одном: конь, грызущий мундштук, роняющий нетерпеливую пену, казацкая бурка или гимнастёрка в тугих ремнях, сабли и планшет через плечо, как у того краскома, который принимал в Торцове парад всевобуча...

Низким басом загудел на столе телефон. Ленин снял трубку.

— Хорошо! — сказал он и покосился на часы.— Сейчас тридцать семь минут двенадцатого... Давайте ровно в двенадцать. Предупредите, чтобы никаких опозданий.

Голос прозвучал резко, повелительно. Авангард невольно съёжился в кресле: «Чего я сижу? Надо уходить».

Ленин положил трубку, повернулся к нему. От недавней строгости и следа не осталось.

— А вот продуктов вы мне привезли слишком много, столько и не съесть! — Глаза его весело сощурились.— Но я не протестую... У нас есть слабые, больные дети... Вот мы их и подкормим. А вам не холодно в этой курточке? — вдруг спросил он.— Вы не замерзаете?

— Кто? Я? — Авангард усмехнулся.— Мы, уральцы, привычные к морозу!

— Это хорошо! — улыбнулся Ленин. Придвинув блокнот, он стал что-то писать, не прерывая

разговора.— Я тут пишу маленькое письмецо Торцовскому ревкому, товарищам красноармейцам и рабочим. Их помощь для нас бесценна. И за эту чудесную вещь...— он посмотрел на чернильный прибор,— большая благодарность... Приятно знать, что она сделана на нашей, советской фабрике.

Запечатав конверт, он взял со стола бумажку и прочёл вслух:

— «Торцовский ревком... ходатайствует... газетного шрифта, клише... пишущую машинку... литературу, плакаты!» Гм!..

Он задумался, осторожно обмакнул перо и написал несколько слов.

— Всё ещё адресую товарищу Свердлову...— глухо сказал он и положил перо. В кабинете слышалось только тиканье часов.— Он тоже уральский работник... Повидался бы с вами обязательно!

Медленным движением Ленин отложил в сторону листок и вырвал из блокнота другой.

— Так!— сказал он, крепко потирая высокий лоб.— Отдайте это в секретариате. Постараемся удовлетворить все ваши просьбы...

Авангард поднялся с кресла. Пора прощаться, пора уходить.

Ленин встал из-за стола, подошёл к нему:

— Хотите отдохнуть под Москвой? Отдышаться немного...

Авангард посмотрел на человека, стоявшего рядом, на его усталое, желтовато-смуглое лицо с зоркими, поблёскивающими глазами.

— Нет... Владимир Ильич. (Как просто и легко сказало вдруг это!) Надо обратно ехать! Меня ждут!

Ленин подошёл ещё ближе:

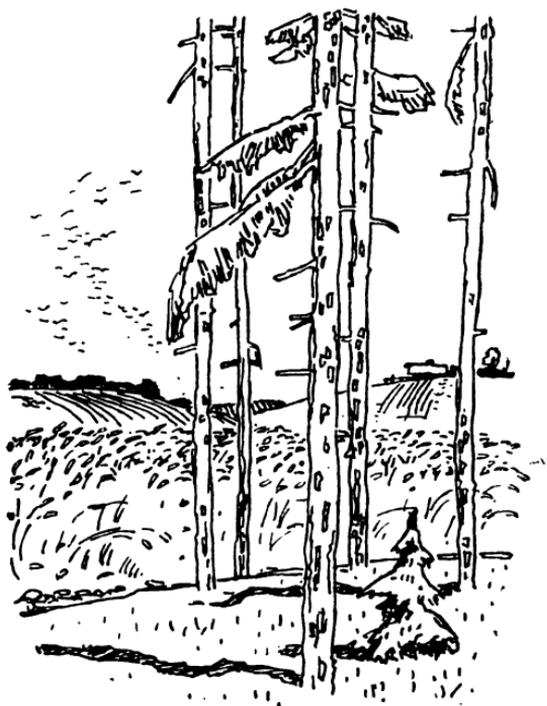
— Когда доберёшься к себе,— сказал он тихо,— передай товарищам, чтобы учились! Скажи, что я их прошу...

— Скажу! — ответил Авангард и заторопился. Что-то задрожало в горле, горькая, щиплющая влага наполнила глаза.

Ленин дошёл с ним до двери, крепко сжал ему руку.

— До свидания, уралец! Счастливого пути!

Леонид Радищев

Ленинская десятина

— Ленина, Ленина не забудьте, Володимира Ильича! — кричал при разделе барской земли Иван Переплётов.

Да разве крестьяне забудут! Ещё с вечера они решили включить в число наделяемых Ленина.

— Правильно.

— От него всё пошло.

— Пусть и он землицей попользуется.

Долго выбирали участок. Старались, чтобы лучше. Спорили, где, с какой стороны села. Выбирали так, чтобы не очень сыро, чтобы не очень сухо, чтобы суглинок с примесью чернозёма. Отмерили десятину. Написали в Москву: мол, приезжай, Владимир Ильич, вступай во владение.

Вскоре прибыл ответ.

Ленин благодарил крестьян за внимание. Просил его извинить. Не сможет он сейчас заняться хлебопашеством. В Совете Народных Комиссаров много у Ленина разных дел. Кончалось письмо тем, что Ленин советовал крестьянам поступить с десятиной по собственному усмотрению.

— Это верно, ему сейчас не до земли,—говорили крестьяне.

— Нельзя отрывать от дел государственных.

— А всё-таки жаль — хорошее было б соседство.

Успокоились мужики. Вот только задал задачу Ленин: «поступить по собственному усмотрению». Нет бы написать точно, что с десятиной сделать.

Решали крестьяне, решали, думали, думали...

Наконец порешили так: десятину никому другому не отдавать, не делить. А оставить её для общего пользования. Обрабатывать её сообща, сообща собирать урожай. А затем хранить его в общем амбаре. Умно получилось. Есть в крестьянских запасах общественный фонд зерна. Случится какая беда — общественный фонд выручает.

Недород у Пахомовых. Голодать бы им, залезать в долги, а тут получай подмогу от Ленинской десятины.

Мало ли нужд у крестьянства! Решили купить молотилку. Не надо бегать по избам — рубли выкола-

чивать. Продали общественный хлеб — везут молотилку.

Или, скажем, соберутся крестьяне:

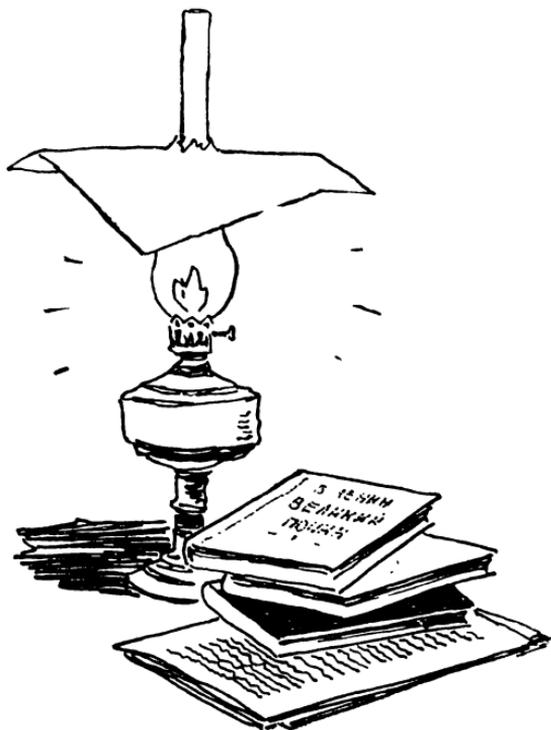
— А не послать ли рабочим гостинец?

— Послать, непременно послать!

Грузят мешки, пишут письмо: «Хлеб не простой, с Ленинской десятины».

Прошло десять лет. Стали возникать в сёлах колхозы. Обобщили крестьяне землю и скот. В общем колхозном поле теперь десятина. Да не затерялась она. Не забыта. Вечна народная память.

Сергей Алексеев

Надпись на книге

В воскресенье под вечер в квартиру Василия Сергеевича Бармина постучали как-то необычно. Так никто в семье профессора не стучал.

— Кто тут? — не отворяя двери, спросила Мария Павловна.

Голос пришедшего был ещё более деликатным, чем его стук:

— Не знаю, как вам и сказать. Я немножко знаком с товарищем Барминым. Могу я его видеть?

Щёлкнул замок. Из синего полумрака лестничной клетки навстречу Марии Павловне шагнул невысокий человек в пальто с поднятым воротником:

— Дома товарищ Бармин?

— Василий Сергеевич ушёл к больному. А вы на что жалуетесь?

— Врачи утверждают, что у меня миллион всяких болезней, но если я и могу на что-нибудь пожаловаться, так это на невезение. Хотел просто повидать товарища Бармина, сказать ему несколько слов. Очень обидно, что не застал!

— Может, подождёте? Он обещал не задерживаться — нынче день как-никак воскресный, хотя бывает, конечно, всякое.

— Откровенно говоря, и у меня ещё уйма всяких дел.

— Ну, как знаете.

— Если можно, дайте, пожалуйста, чернила и ручку.

— Вот стол Василия Сергеевича. Здесь всё найдёте.

Мария Павловна ушла за ситцевую занавеску и тут же вернулась с высокой медной коптилкой. От зыбкого света заметались острые тени по всем стенам и уголкам маленькой, тесно заставленной комнаты.

— Садитесь и пишите.

— Благодарю вас.

Хозяйка снова вышла. Незнакомец сел за стол и, глядя в окно, совсем уже затянувшееся изморозью ранних зимних сумерек, задумался.

«Вот странно,—удивилась Мария Павловна,—сказал, что спешит, а сам...»

Будто угадав её мысли, он зашуршал бумагой, а ещё через минуту поднялся, подошёл к занавеске, стал прощаться:

— Я у вас тут наследил, наверно, и вообще нагрязнул не ко времени.

— Что вы! — сдержанно, но учтиво ответила хозяйка.— У нас всегда люди.

— А я всё-таки чувствую себя неловко, тем более что живёте, как погляжу, и в тесноте, и, наверно, чуть-чуть в обиде. Сколько у вас раньше было комнат?

— Пять.

— А сейчас?

— Одна.

— Вот видите, значит, в обиде.

— Но на то есть своя причина.

— Какая же?

— Революция. Всё сразу разве может наладиться? А вы как думаете?

— Признаться, я думаю примерно так же, но ведь профессор Бармин не буржуй какой-нибудь, у него же руки золотые, ему нужно много работать.

— Это верно,—вздыхнула хозяйка.— Честно говоря, я на месте властей выделила бы ему комнату для работы — одну-единственную.

— Невзирая на революцию?

— Невзирая.

— Совершенно согласен с вами! И уверен, как только революция немножко разбогатеет, она не поскупится для таких людей, как товарищ Бармин!

— Вы в этом уверены?

— Совершенно уверен!

— Ну, дай вам бог хорошего здоровья!

— Ручаюсь, что в бога вы не верите,— усмехнулся незнакомец, уже переступая порог.

— Это к слову. Как же всё-таки мне рассказать о вашем приходе мужу?

— Расскажите всё, как было: появился в неурочный час, натащил грязи и до неприличия торопился. Но, говоря по совести, есть у меня одно смягчающее вину обстоятельство — я действительно очень занят, а в воскресенье почему-то особенно. Всего вам доброго!

— Будьте здоровы.— Мария Павловна зябко пожала плечами.

Василий Сергеевич возвратился в тот день гораздо позднее, чем предполагал.

Мария Павловна уже начала немножко сердиться на вечно занятого мужа. Она даже забыла сказать ему о странном посетителе.

Только утром, собираясь в клинику, профессор обнаружил у себя на столе незнакомую книжку, лежавшую поверх всех бумаг.

— «Ленин. Великий почин»...— растерянно прочитал на обложке ещё ничего не понявший Бармин.— Машенька, поди-ка сюда! Откуда это у нас?

Как раз в эту самую минуту книжка перегнулась пополам на ладони Бармина и, прошуршав новенькими страницами, раскрылась на титульном листе, поперёк которого, с угла на угол, пробежала фиолетовая прыгающая строчка:

«Дорогому товарищу Бармину на добрую память. С глубоким уважением. Автор».

— Я сама хотела спросить тебя, кто это был у нас вчера, Вася? — сказала Мария Павловна.— Что за человек такой?

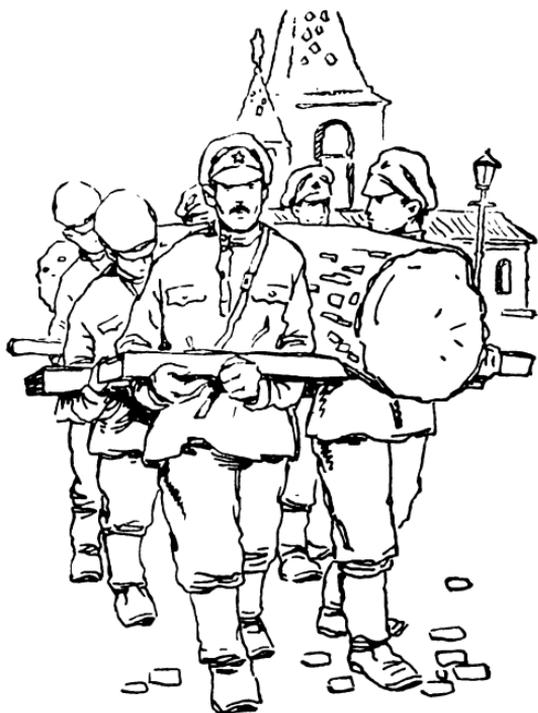
— Вот именно, Машенька, человек! — весь вдруг засиял Бармин. — Ты же у меня умница, всегда находишь слово самое лучшее, самое точное!

Помолчал и добавил:

— Самый настоящий человек из всех, кого я встретил за свои семь десятков. Понимаешь, самый!..

Профессор взглянул на часы, крепко обнял жену и с подарком в руках заторопился к выходу. Притворив за ним широко распахнувшуюся дверь, Мария Павловна стояла в передней и слушала, как дробно и молодо стучали по гулким ступенькам лестницы его каблуки.

Виктор Тельпугов

На субботнике

Первое мая — день боевой международной пролетарской солидарности — в 1920 году в нашей стране было объявлено днём Всероссийского субботника. В этот день работали всюду.

В то время я был курсантом Первых кремлёвских пулемётных курсов. В Кремле, кроме нас, курсантов, работали на субботнике сотрудники ВЦИКа и Совнаркома.

...Нашей группе пришлось работать на Ивановской площади, у памятника Александру II; здесь же работал и Владимир Ильич. Вначале Ленин работал с комиссаром курсов Борисовым, потом напарником у него стал курсант Пермяков. Они носили пяти-шестиметровые брёвна. Курсант, зная состояние здоровья и возраст Ленина, старался брать утолщённый конец бревна. Ильич это быстро заметил и стал опережать курсанта. Тогда курсант сказал Владимиру Ильичу:

— Зачем вы это делаете? Ведь я моложе вас, и для меня эта тяжесть больших трудов не составляет.

Ленин, усмехаясь, ответил курсанту:

— Вот вы и не спорьте со мной, если я старше.

Когда перенесли брёвна, стали носить огромнейшие дубовые кряжи. Их переносили на палках по шесть человек. На этот раз мне посчастливилось несколько раз работать в одной группе с Лениным. Почему несколько раз, а не всё время? Да потому, что каждому хотелось поработать с Ильичём, и почти после каждого перекура курсанты менялись.

Когда мы носили дубовые кряжи, со всех лил пот: кряжи были очень тяжёлые, а день был жаркий. Однако Владимир Ильич всегда старался быть впереди и брать то, что тяжелее. Мы не могли равнодушно смотреть на это, но он и слушать не хотел наших уговоров. Тогда один из нашей группы подошёл к Ленину и сказал:

— Владимир Ильич, зачем вы это делаете? Идите лучше в Совнарком. Ведь вас там, наверное, ждут, а здесь мы и без вас управимся.

Владимир Ильич сильно обиделся. Он несколько раз прошёлся туда и обратно, потом подошёл к это-

му товарищу, взял его за плечи, громко рассмеялся и сказал:

— Зря вы, батенька мой, выпроваживаете меня. Всё равно ничего из этого не выйдет: я не уйду. Сейчас эта работа самая важная.

Работать с Владимиром Ильичём было очень легко и хорошо. Он был очень внимателен и каждого из нас спрашивал:

— А вы, товарищ, не устали?

Ильич много шутил и заразительно смеялся. Наши робость и стеснительность, появившиеся вначале, исчезли. Мы чувствовали себя с ним совершенно свободно.

Как-то во время отдыха все сели на бревно. Сел с нами и Владимир Ильич. Мы закурили. Ильич посмотрел на нас и сказал:

— Ну, что вы в этом куреве находите хорошего? Ведь табак — это яд. Он разрушает ваше здоровье.

А мы, в свою очередь, спросили его:

— А вы, Владимир Ильич, когда-нибудь курили?

— Да, в юношеские годы как-то закурил, но бросил и больше этим не занимался.

Владимир Ильич ушёл с работы до окончания субботника, так как за ним пришли и сказали ему, что пора ехать на закладку памятника Карлу Марксу. Уходя, Ильич попрощался с нами, пожелал успешно закончить работу.

Так работал Ленин в этот исторический день, подавая личный пример дисциплинированности, трудолюбия, настоящего товарищества.

Ф. Солодов

Листок с подписью Ленина

Эту очень простую историю я слышала от одной женщины. Произошло это зимой 1920 года. Женщина была тогда девочкой-подростком, и звали её не Мария Николаевна, а Маруся.

Марусина мать преподавала русский язык в школе красных курсантов. Жили мать и дочь скудно, как все в те времена.

Мать бывала по своим учительским делам в Нар-

компросе и встречалась с Надеждой Константиновной Крупской. Однажды зашла она в Наркомпрос вместе с Марусей. Идут по коридору, и вдруг Надежда Константиновна навстречу. Поздоровалась и пошла, внимательно оглядев обеих. «А мы уж так плохо были одеты!» — вспоминает Мария Николаевна...

На другой день Надежда Константиновна вызвала к себе Марусину мать и спрашивает:

— Это вы с дочкой вчера были?

И даёт ей листок, вырванный из блокнота, и говорит:

— Идите с этой запиской к бывшему Мюру и Мерилизу. Возьмёте, что вам нужно, только стучитесь хорошенько: там заперто.

Смотрит Марусина мать — на листке подпись Ленина. Несколько слов его почерком, и подпись внизу.

Надежда Константиновна улыбнулась её волнению и говорит:

— Идите, идите к Мюру и Мерилизу.

Тут кругом стола люди с разными делами, и неловко Марусиной матери расспрашивать, что всё это значит. Взяла Марусю и пошла, куда велела Крупская.

Мюру и Мерилизу до революции принадлежал самый роскошный и модный универсальный магазин в Москве. Это здание и сейчас стоит на Петровке; одно время москвичи называли его Большой Мосторг, а теперь оно называется ЦУМ — Центральный универмаг. Чего-чего в нём нет! С утра народу по всем четырём этажам, что пчёл в улье... А в тот морозный, жестокий день двадцатого года, когда Маруся и её мать подошли к этому зданию, высокие

витрины были непроницаемо забраны ледяной бронёй, и заперто было всё, и немо. Только к одной двери была кой-как протоптана тропка в снегу. Они постучались, робея.

Человек в тулупе, с кобурой у пояса, otvorил им. Прочитал листок с ленинской подписью и сказал:

— Заходите.

Не горело электричество. Еле пробивался свет дня сквозь толстый лёд витрин. Холодно было — холоднее, чем на улице. И странно звучали шаги и голоса троих в пустой громадной каменной коробке. До крыши уходили бесконечными ярусами голые полки, но на нижних полках лежали редкостные, прекрасные вещи, нужные для жизни: овчинные тулупы, валенки, бязевое бельё. И даже стояли сапоги из настоящей кожи!

— Что будете брать? — спросил человек с кобурой. Белые облака рвались из его губ и ноздрей.

— Не знаю, — смущаясь, ответила Марусина мать. — Вот если бы тулупчик для девочки.

— А тебе лично не нужен тулупчик? — спросил человек с кобурой.

— Куда же два? — сказала Марусина мать. — Я ещё ничего. Перехожу как-нибудь. А она выросла очень...

— Ты слушай! — сказал человек с кобурой. — Тебя Ленин сюда направил, потому что ты перед революцией заслужила. Ты заслужила, видать из этого факта, чтоб тебе одеться по-человечески и девчонку свою одеть! Бери что требуется, не стесняйся. Товарищ Ленин заранее на всё изъявил согласие и утвердил. Он тебе верит, что лишнего не возьмёшь. Видишь, вот его собственноручная подпись, этой

подписью он за твою совесть ручается... Рубашки есть у девчонки?

— Нету,— прошептала мать.

— Ну видишь! — сказал человек с кобурой.— И у тебя нету, факт.

И так как Марусина мать продолжала стесняться, он распорядился сам. Он сбрасывал на прилавок груды окоченевших товаров и рылся в них, выискивая вещи подходящего размера. Он отобрал два тулупа, две пары валенок, четыре смены белья и отмерил сколько-то аршин мануфактуры. Бельё было солдатское, жёлтое, с завязками. Женского на складе не было.

— Ничего,— сказал человек с кобурой.— Где длинно, подрежете.

Он вписал вещи в листок с подписью Ленина. Марусина мать расписалась в получении, и они с Марусей ушли, сказав:

— До свиданья. Спасибо.

— Всего вам,— ответил человек с кобурой и запер за ними дверь.

И они, счастливые, пошли домой по снежной, нечищенной, малолюдной Петровке.

В новеньких, необношенных тулупчиках и валенках они пошли домой, пошли в своё будущее. Зимний день кончился, малиновая зорька горела над Москвой...

В. Панова

В простой крестьянской избе

Это было 15 декабря 1920 года. Много времени прошло с тех пор, а я, как сейчас, помню все радостные события того зимнего праздничного дня. В памяти, словно живой, встаёт человек, который перевернул нашу жизнь.

Началось всё это просто. Из Москвы по деревне Моденово ехал легковой автомобиль. Хотя машины в то время и были в редкость, но никто не обратил

на это особенного внимания. Автомобиль подъехал к дому охотника И. П. Новикова, остановился. Из машины вышли три человека. Двое ушли в лес, а третий — в чёрном пальто, в шапке-ушанке, в простых валяных сапогах — пошёл по деревне. Встречаясь с крестьянами, он заговаривал с ними, расспрашивал, как они живут. Никто и не подозревал, что с ними говорит сам Ленин.

Весть о том, что это Владимир Ильич, первыми разнесли ребятишки. По деревне из дома в дом с быстротой молнии прошла радостная весть:

— Ленин приехал!

— Ленин!

— Вон он ходит по деревне.

Вскоре об этом узнали и в соседних селениях.

Было решено послать ему записку, пригласить на собрание сделать доклад. Написали коротко и просто: «Вождю всемирной революции товарищу Ленину от имени граждан деревни Моденово. Просим вас к нам на беседу», — и послали с нарочным. Ждём, волнуемся: согласится Ильич или нет, а где-то в глубине души у каждого теплилась уверенность — придёт, ведь он для простых людей всё равно что отец родной. Вскоре воротился нарочный. Глаза его светились счастьем:

— Придёт. Только сказал, чтобы народу собрали побольше да избу выбрали попросторнее.

Не много было тогда в Моденове просторных изб. Бедно жили крестьяне. Самым большим оказался дом Прасковьи Афанасьевны Кочетовой (Шандаровой). В него и собрались мы. Пришли моденовские люди, люди из других деревень. Многие не поместились в избе, большая толпа стояла на улице. Сидим, ждём. Владимир Ильич вошёл быст-

рыми шагами, поздоровался со всеми, обходя скамейки, пожал каждому руку.

— Ну что ж, начнём. Выбирайте председателя и секретаря.

Меня выбрали секретарём, а Василия Гагарова — председателем. В повестку дня включили четыре вопроса: 1. Доклад товарища Ленина о текущем моменте; 2. О ходе революции; 3. Продовольственный вопрос; 4. Текущие дела.

Ленин разделся, снял шапку, положил на стол карманные часы и начал доклад. Он говорил о том, что положение в стране улучшается, что мир с Польшей скоро будет подписан окончательно, что сейчас нужно взяться за восстановление промышленности и транспорта, что партия разработала план электрификации страны, и о многом другом.

Перед нами вставала картина большой обновлённой страны, картина грядущего народного счастья.

Собрание кончилось. Все сидели взволнованные. Ленин простился и вышел. Тогда я вспомнил о протоколе: как же быть? Ведь Ленин не подписал его. Пожалуй, нам и не поверят, что у нас он выступал.

Мы с Гагаровым вышли на улицу. Владимир Ильич встретился нам в сенях дома Новикова.

— Владимир Ильич, протокол не подписан.

— А разве это нужно? — справился он и тут же быстро решил: — Ну, если нужно, давайте подпишу.

Он положил протокол на стенку и написал:

Подпись докладчика —

Сов. Нар. Ком. В. Ульянов (Ленин)

...Внимательный, отзывчивый человек — таким он и остался в нашей памяти.

П. И. Козлов

(крестьянин деревни Моденово)

Встреча в Кремле

Ленин стоял у окна, заложив руки глубоко в карманы брюк. В кабинете с двумя окнами и высоким потолком было холодно и сыро. Последние недели зимы выдалась студёными, жестокими.

Владимиру Ильичу виден был Арсенал, изрешеченный осколками снарядов; Троицкая башня

с огромным, чётко вырисовывающимся на сером небе орлом, отсюда казавшаяся менее высокой, чем со стороны Манежа; кусочек кремлёвской стены и здание казарм. На площади, где осел булыжник, образовав ямы, вдоль Арсенала тянулся к Никольской башне ряд тоненьких фонарей, похожих на былинки, загнутые кверху крючочком.

На дорогах к Троицкой башне и к Арсеналу, на широкой площади с фонарями снег был потоптан и замусорен. Только на крышах и на кремлёвской стене он лежал ровно, нетронутый и чистый.

За Кремлём стыли скованные морозом каменные дома. Вон там, за музеем и библиотекой Румянцева¹, еле виднеются трубы. Но сколько ни смотри, не заметишь дымка: нечем топить.

Зима обложила Москву кольцом холода. К врагам, навалившимся на обескровленную, истерзанную в гражданской войне страну,—голоду, разрухе — прибавился ещё один: холод.

Свирепствует тиф.

Ленин вздохнул. Потом он неожиданно резким движением вынул правую руку из кармана и сел за стол.

Простая, похожая на ученическую ручка, не дописывая и сокращая слова, быстро забегала по листу бумаги, оставляя неразборчивые фразы. Мысли обгоняли друг друга, и он стремительно записывал неотложные дела.

Среди дел, которые поглощали время и силы Ленина, были и забота о детских садах, порою оставшихся без дров, и выпуск книг для деревни, распределение пайков рабочим и положение на

¹ Библиотека Румянцева — так называлась до 1924 года Государственная библиотека имени В. И. Ленина.

фронтах, тревожные сводки с которых он получал днём и ночью...

Перо на мгновение остановилось.

Тихо открылась обитая белой клеёнкой дверь, ведущая в зал заседаний, и в ней показался секретарь.

— Владимир Ильич,— тихо позвал он.

Но Ленин не ответил, занятый работой.

— Владимир Ильич!..

Ленин поднял голову, сказал:

— Да, да,— и взял другой листок бумаги — для записки.

— Владимир Ильич, к вам товарищ Коршунов.

— Хорошо,— сказал Ленин.

Секретарь ушёл, неслышно прикрыв за собой дверь, а Владимир Ильич продолжал писать, торопясь закончить записку. Ленин знал, что за время, пока секретарь пройдёт зал заседаний, войдёт в приёмную, скажет посетителю: «Владимир Ильич просит вас», пока посетитель встанет, поправит причёску или что-нибудь в своей одежде, пройдёт зал заседаний,— за это время, какую-нибудь минуту-полторы, можно прочесть письмо, пробежать глазами заметку в газете, написать, наконец, записку. Можно сделать много, очень много полезного и необходимого. Владимир Ильич писал, но, едва в дверях показалась худощавая, невысокая фигура учёного, старого знакомого, немного смущённого и, видно, застенчивого, Ленин встал из-за стола и направился навстречу посетителю.

— Проходите, Леонид Алексеевич, проходите.— Владимир Ильич указал на одно из мягких кресел.— Садитесь, пожалуйста...

Леонид Алексеевич Коршунов как-то неловко,

быстро прошёл к креслу и спрятал ноги под стол, под прямым углом придвинутый к рабочему столу Ленина. Сделал Коршунов это так поспешно, что сам почувствовал неловкость и вновь смутился. Но, взглянув на Ленина, севшего в своё плетёное кресло, успокоился и только тогда повернулся к нему.

— Как здоровье, Леонид Алексеевич? — спросил Ленин. — Не жалуетесь?

— Спасибо, Владимир Ильич. Не жалуюсь...

— Хорошо. Трудное время, Леонид Алексеевич, и нам нужно его перебороть.

Когда Ленин умолк, Коршунов начал:

— Я относительно возможной экспедиции в Сибирь, Владимир Ильич. Вы, конечно, знаете, что тридцатого июня тысяча девятьсот восьмого года произошло чрезвычайно интересное для учёного мира событие. Явление довольно редкое, необычайное по своим масштабам и, быть может, значению. В сибирской тайге упал метеорит. — Здесь Коршунов взглянул на Ленина и отметил, что Владимир Ильич внимательно смотрит на него.

Коршунову показалось, что Ленин прекрасно знает о метеорите, знает мысли и желания учёного и что своим докладом он только отнимает время у занятого человека.

Коршунов запнулся:

— Этот метеорит... Впрочем, вы всё это знаете...

— Зря вы так думаете, Леонид Алексеевич, — заметил Ленин. — Я ничего не знал, кроме того, что где-то упал метеорит. Да, да...

Склонив голову набок, он подался к учёному и тихо произнёс, улыбаясь:

— Даже года не помнил.

Коршунов тоже улыбнулся.

— Странное дело! — продолжал Ленин уже серьёзно. — Многие почему-то считают, что председатель Совнаркома, наркомы всё знают! А мы мало, очень мало, позорно мало знаем! И чем больше мы с вами будем встречаться, тем лучше! Продолжайте, Леонид Алексеевич. И не торопитесь.

Коршунов, ободрённый и повеселевший, продолжал, излагая мысли, которые он давно хотел поведать Ленину:

— Если учесть, что самым крупным метеоритом считается метеорит весом в тридцать шесть с половиной тонн, за которым идёт так называемый мексиканский в двадцать семь тонн, то наш сибирский метеорит лично мне представляется гигантом по сравнению с известными нам метеоритами. Но вся беда в том, что до сих пор точное местонахождение этого метеорита не определено.

— И вы хотите ехать за метеоритом? — спросил Владимир Ильич, когда Коршунов сделал паузу.

— Да, — ответил тот. — Совершенно верно. Хочу ехать за метеоритом. — И поспешил добавить: — Я понимаю, что сейчас не до них... Я буду просить совсем немного. Обидно, когда за границей создаются общества по изучению нашего русского метеорита, а мы...

— Нет, нет, нет, — быстро произнёс Ленин. — Заграница здесь ни к чему. Пусть и не мечтают. Что нужно для вашей экспедиции?

— Я заготовил. — Учёный из внутреннего кармана пиджака достал вдвое сложенные листки бумаги. — Я старался скромно, Владимир Ильич...

Ленин стал рассматривать список, и чем больше он в него всматривался, тем больше хмурился. Коршунову показалось, что печаль, которую ни разу не

замечал он у Ленина, сейчас ясно проступила на его лице. Потом Владимир Ильич положил эти листы на стол, провёл по ним левой рукой, разглаживая, и обратил к учёному своё суровое и всё ещё, как казалось тому, печальное лицо.

Коршунов медленно поднял глаза на Ленина и неуверенно произнёс:

— Хотя... можно ещё сократить список. Хлеба меньше... Да и с приборами... Теодолит¹ можно один сбросить, кроме того...

Ленин смотрел мимо учёного, в угол кабинета, казалось, не слушал и уже не замечал его присутствия.

— «Теодолит сбросить»,— повторил он, переводя взгляд сощуренных глаз на Коршунова, резко отодвинул своё плетёное кресло и, как бы в недовольстве и удивлении ударив пальцами по бумаге, вышел из-за стола.

Стараясь не смотреть на Коршунова, он засунул руки в карманы брюк и, бросая взгляды в окно, зашагал по кабинету.

— Там же тайга,— заговорил Владимир Ильич резко и твёрдо, словно стараясь помочь учёному уяснить положение вещей.— Тысячи вёрст непролазной и путаной тайги. Бурные реки. Зверьё. Бездорожье. И ни души на сотни вёрст... Вы понимаете это?

Он остановился.

— Вы всё это понимаете,— сказал Владимир Ильич более мягко и, снова посмотрев на список, продолжал: — «Фунт хлеба в день, пять фунтов сахара на всех, табуку...» — читал он, и в голосе его

¹ Теодолит — угломерный инструмент, которым пользуются при землемерных работах.

слышались то суровость, то недовольство, то удивление, то вдруг покрывавшая всё это печаль.

— Сахар можно сбросить, а табак, извините, необходим: от комаров спасает,— строго заметил учёный.

Точно не слыша, Владимир Ильич продолжал:

— «Меха для футляров под инструменты». Под инструменты! — повторил он.

Коршунов поднялся, и стёкла очков его, в которых отразились окна, засверкали. Была в нём решимость человека, который идёт на последнее средство.

— Владимир Ильич! — громко и твёрдо сказал он. — Товарищ Ленин! Нужно ехать! Поймите, нам выпало счастье. Не на чью-нибудь, а именно на нашу территорию упал этот метеорит, редкий гость космоса! А мы?.. Упав он во Франции, Америке — представляете, сколько — и каких! — экспедиций устремилось бы к нему! Да, мы нищие, голодные, нас душат интервенты, но, в конце концов, редкая возможность предоставлена только нам! Нужно ехать, Владимир Ильич!

И Коршунов сел в кресло.

— Конечно же! — воскликнул Ленин и подошёл к учёному. — Конечно, нужно, необыкновенный человек Леонид Алексеевич! То, что вы просите, мы дадим. Но этого же мало! Разве с таким оснащением едут в Сибирь?! Его может хватить для экспедиции в Подмоскowie! Это же крохи! Обидно, обидно! — повторил Ленин, и Коршунов понял, почему больно было Владимиру Ильичу. — Обидно, что таким людям, как вы, мы не можем ещё дать всего необходимого, всего, чего они заслуживают! Но ничего! Дайте только нам срок!

— А-а...—растерянно произнёс Коршунов, глядя на Ленина. Хотел сказать что-то ещё, но лишь облегчённо вздохнул и провёл рукой по лбу, где выступил пот.

Ленин подошёл к учёному, участливо спросил:

— Леонид Алексеевич, а если мы дадим только то, что написано здесь, вот в этом архиробком списке? — указал он рукой на бумаги Коршунова. — Поедете?

— Владимир Ильич, я и не мечтаю о большем! Вот схлынет снег, подготовимся и поедем. В самом деле, больше ничего не надо. Ведь у вас и так все просят, все с вас тянут... А откуда брать?

— Поедете? — переспросил Ленин.

— Да, поеду.

— И больше ничего не попросите?

— Нет, ничего.

— Ничего, Леонид Алексеевич? — допытывался Ленин.

— Да.

Ленин недовольно кашлянул. Потом он взглянул куда-то вниз, под стол, и лукавая улыбка заиграла на его лице.

— А нуте-с, батенька,— сказал он весело, подружески улыбаясь,— подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

— Зачем, Владимир Ильич?

— Я вас прошу, Леонид Алексеевич. Подойдите к этому окну! Сделайте мне, батенька, одолжение.—И Ленин добавил, озорно погрозив пальцем: — Знаю я вас!

— Нет, Владимир Ильич. Если вы согласны, я, пожалуй, не буду отнимать у вас время...

— Нет,— добродушно сказал Ленин.— Я ещё не

согласен. Будьте любезны, подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

Коршунов неохотно встал и в нерешительности, чего-то ожидая, смотрел на Ленина.

Но Ленин тоже не спускал с него глаз.

— Ну,— сказал он,— выходите.

— Пожалуйста.— Коршунов решился и вышел из-за стола.

Ленин посмотрел на ноги учёного и сказал:

— Ну вот. Так оно и есть. В чём же вы, батенька мой, поедете в тайгу? В этих рваных башмаках, которые расползутся на пятой версте от Москвы?

— Можно и в этих,— сказал Коршунов,— я их верёвочкой... Внутри портянки, а сверху бечева.

— «Можно»,— повторил Ленин, раздумывая.— Ведь у вас, видно, вторых нет?

— Откуда? Были, истрепались. А эти я берегу...

— «Можно и в этих»,— снова повторил Ленин.— Простите, Леонид Алексеевич. Простите.

Ленин дотронулся до плеча Коршунова и усадил его. Заглянул в лицо — не обижается ли? — и, окончательно убедившись, что не обижается, успокоился и зашагал по комнате.

— Есть у нас необыкновенные люди,— заговорил он.— Вот Циолковский. Представьте себе провинциальный русский город. Где-то в старом деревянном домике, наверное, на улице, поросшей травой, где бродят гуси и свиньи, живёт старый учитель математики. Он получает свой паёк — хлеб и селёдку — и занимается вопросами полёта в межпланетное пространство. Да ещё, наверное, в нетопленной квартире сидит! И вы, батенька, по той же дороге: за тысячи вёрст, в тайгу, в Сибирь, в рваных штиблетах!

«Ну, а вы,— подумал Коршунов,— вы, Владимир Ильич? В стране, где не каждый может даже прочесть слово «социализм»,— строить социализм!»

И Коршунов вдруг ясно себе представил, что Ленина и его, Коршунова, что-то роднит, объединяет, что Ленин и он, Коршунов, совершают одно дело, оно — главное в жизни и Циолковского, живущего в Калуге и осваивающего Вселенную, и в жизни голодных рабочих, восстанавливающих заводы, и мужиков, поднимающих землю сохой... Это свершается всеми ради будущего счастья.

Учёный ушёл возбуждённый и какой-то лёгкий. Он пробежал по двору Кремля, вышел на Красную площадь, думая о будущем, о мечте, которая непременно осуществится.

...Наступит время, когда задымят в стране заводы, даже те, которых пока ещё нет, тракторные и автомобильные, замыслы которых только лишь рождаются у человека, работающего в небольшом холодном кабинете с высоким потолком... Всем будет доступно слово Пушкина и Толстого, потому что тёмная, полудикая Россия станет страной сплошной грамотности... И, конечно же, научные экспедиции доберутся до Северного полюса, а может быть, кто-нибудь опустится на дно океана или поднимется за атмосферу. И руководителям этих экспедиций не нужно будет беспокоить организатора нового огромного государства, беспокоить из-за четвертушки хлеба в день и табака... И вырастут новые люди с новыми понятиями о назначении человека... Это всё будет.

А пока — неубранный снег на улицах, спешащие прохожие, которых подгоняет мороз; медленно плетущаяся лошадь, на которую кричит человек

в армяке: «Эй ты, шелудивая!»; наглухо закрытые лавчонки с железными вывесками: «Мартьянов», «Оптовая торговля Гурин и сыновья», «И. В. Кошкин. Скобяные товары». Это — пока.

...Проходит небольшой отряд красноармейцев в будёновках, везут на санях гремящие на всю улицу железные трубы: что-то восстанавливают или строят,— в окне учреждения промелькнул портрет Карла Маркса и начало какого-то лозунга: «Да здравствует...» Из подъезда в подъезд перебежала женщина в красной косынке...

Среднего роста крепкий человек ходит по кабинету в Кремле, центре необъятной страны, думает, энергично и быстро что-то записывает ручкой, похожей на ученическую, и новые свершения, подвластные и уже такие близкие, которые преобразуют Россию, видятся ему.

С. Антонов

Ленин на заводе „Динамо“

Рабочим нашим и служащим очень хотелось по-видаться с Владимиром Ильичём. Накануне четвёртой годовщины Октябрьской революции, в 1921 году, рабочие стали особенно часто заходить в партком и завком. Спрашивали: «Кто будет докладчиком на торжественном заседании? Нельзя ли попросить товарища Ленина уважить нашу просьбу и выступить с докладом?»

Близились дни Октябрьской годовщины. Художественно оформили внутри и снаружи здание завода. Роздали рабочим и служащим пригласительные билеты на торжественное собрание, пригласили и семьи. Вывесили плакаты, где было сказано, что 7 Ноября после демонстрации состоится доклад члена правительства. Но выступит ли Владимир Ильич — не знали, всё же про себя надеялись.

После демонстрации рабочие, их жёны, принарядившись, торжественно собрались в просторном, специально подготовленном помещении цеха малых моторов. Это в верхнем этаже корпуса, который во дворе.

Собралось около трёх тысяч человек. Зал был переполнен. С большим нетерпением ждали докладчика. Позвонили по телефону из Московского комитета партии. Говорят: «Встречайте, к вам придет Владимир Ильич».

Был пасмурный вечер, электрические фонари на улице горели не очень ярко. Мы стояли у заводских ворот. Вдали показались огни автомобильных фар. Плавно подъехала машина. Мы подбежали к ней. Увидели Ленина. Он вышел, дружески, за руку поздоровался с встречавшими. Его пригласили на несколько минут в кабинет директора — это в здании, где потом помещался завком.

Войдя в кабинет, Владимир Ильич прислонился к столу, мы окружили его полукольцом. Каждый чувствовал необычайную радость и торжественность.

Мы беседовали с Ильичём! Он смотрел на нас своим милым взглядом, весело улыбался, расспрашивал о том, что делается на заводе, как работают специалисты-инженеры, сможет ли наш завод дать оборудозание для электрификации деревни.

Потом Ленин поглядел на часы, сначала на свои — ручные, затем на наши — стенные, и говорит:
— Не пора ли нам, товарищи? Нас, вероятно, ждут.

Поднялись в лифте. Отворилась железная складная дверца подъёмной машины. Владимир Ильич прошёл в зал. Мы хотели, чтобы собрание увидело Ленина, лишь когда он выйдет на трибуну. Но сидевшие на задних скамьях увидели выходящего из лифта Владимира Ильича и стали аплодировать, а за ними зааплодировало всё собрание.

Быстро прошли по залу. Владимир Ильич сбросил пальто, поднялся на сцену. Председатель собрания тут же объявил:

— Слово имеет Владимир Ильич Ленин!

Трудно выразить, что в этот момент случилось. Все в зале встали, раздалось громогласное и продолжительное «ура», вверх полетели шапки.

— Да здравствует Владимир Ильич!

— Да здравствует Ленин!

— Да здравствует партия! Да здравствует Советская власть!

Казалось, что стены не выдержат бури приветственных возгласов и аплодисментов. Овация продолжалась очень долго.

А Ленин вышел на трибуну и, слегка наклонив голову, улыбаясь, ждал, когда стихнут собравшиеся, снял с руки часы, положил их на ладонь. Наконец водворилась тишина, да какая... Ни одного покашливания, ни стука.

И Ленин начал доклад о международном и внутреннем положении республики.

Ильич говорил горячо, страстно, но не торопясь; говорил простыми, понятными словами. Он стоял на

высокой трибуне, изредка во время речи выбрасывал руку.

Ленин рассказывал о Великой Октябрьской революции, о международном её значении, призывал не забывать, что враг внутри страны ещё существует, призывал к бдительности, к дружной работе для Советского государства, к смычке с крестьянством.

В зале стали перешёптываться:

— Вот он какой! Простой!

В несколько минут установилась тёплая, задушевная связь между Лениным и трёхтысячной рабочей аудиторией.

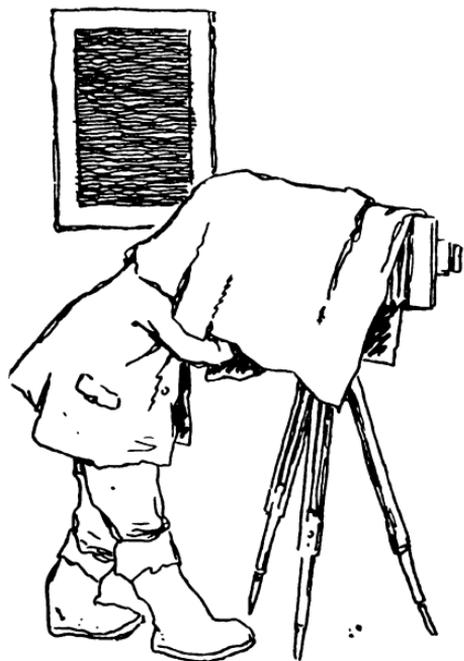
Когда Ленин закончил речь, поднялась такая бурная, такая неуёмная овация!.. Ну, прямо выразить невозможно.

Каждый из присутствовавших на собрании был счастлив, что слушал Ленина. На следующий день в цехах только и было разговоров, что о приезде Владимира Ильича; работали с ещё большей охотой и старанием. Многие рабочие после посещения Лениным завода подали заявления о приёме в партию.

В памяти каждого, кто сидел тогда в зале, этот счастливый вечер запомнился на всю жизнь.

А. Ветров

(рабочий завода «Динамо»)

Незаряженная кассета

Человек шёл по весенней Москве, старательно обходя голубые лужи, насвистывал и весело думал: «До чего же хорошая вещь — это самое солнце! Сколько света — и совершенно бесплатно! И никаких тебе хлопот, никаких тебе вспышек магния!.. Нет, с сегодняшнего дня определённо перехожу на иждивение солнца!»

На все блага, даруемые ранней московской весной, человек смотрел со своей, так сказать, коло-

кольни: он был фотограф. И не просто фотограф, а «наш фотокорреспондент», как сообщали газеты под его снимками.

Нынешние фотокорреспонденты — щеголеватые молодые люди в светлых плащах, с красивыми кожаными футлярами через плечо — улыбнулись бы, наверное, при виде его странного одеяния из выцветшей лиловой портьеры, огромных валенок, подшитых красной резиной, а главное — его фотоаппарата, похожего на средней величины шарманку.

И всё же он наверняка не согласился бы поменяться с ними: вот этой «шарманкой» он снимал самый первый советский Май, и первый субботник, и открытие первого дома отдыха, и первый танк, отбитый в бою у белых...

А сегодня газета поручила ему съёмки в Свердловском университете на собрании партработников, уезжающих в деревню. В огромной аудитории Свердловки плавал синий махорочный дым. В оттаявшие стёкла лились широкие потоки света. На возвышении стоял стол, покрытый куском кумача. На стене висела карта бывшей Российской империи, исколотая цветными флажками.

Повестка дня этого собрания выглядела очень мирно: «О работе в деревне». Но люди, собравшиеся здесь, должны были в этот же день выехать в районы, охваченные кулацким восстанием, пробиваясь сквозь вокзальные пробки, железнодорожную неразбериху...

Фотограф повертелся тут и там, залез на подоконник и щёлкнул первый ряд («Слушают докладчика»). Нацелил аппарат повыше и щёлкнул ещё раз («Общий вид зала»).

Он суетился несколько больше, чем полагалось

бы «нашему фотокорреспонденту», но это объяснялось, конечно, его молодостью — вряд ли было ему двадцать лет.

Сделав два-три снимка, он стал выискивать удобную позицию, чтобы запечатлеть докладчика возле карты с указкой в руке. И вдруг где-то в передних рядах раздались несмелые хлопки, а потом аплодисменты грянули с оглушительной, всё возрастающей силой.

«Наш фотокорреспондент» растерялся: что-то такое он пропустил. Он увидел только, что все поднялись со своих мест. Пришлось изо всех сил тянуться на цыпочках да ещё удерживать в равновесии громоздкую «шарманку» с треножником. С тихим ожесточением, работая свободной рукой, он стал пробиваться вперёд...

Невысокий плотный человек в коричневом пиджаке торопливо прошёл в президиум.

Сердце у «нашего фотокорреспондента» подпрыгнуло в груди, рука сжала треножник. «Это же Ленин!» — чуть не вскрикнул он.

Ленин сидел в десяти шагах от него и глядел в разбушевавшийся зал.

«Бог ты мой,— смятенно думал фотограф.— Ведь это настоящий Ленин!.. Владимир Ильич!.. И какой кадр!.. Какое освещение!.. Какой случай!»

А случай был трудный, очень трудный.

Владимир Ильич не любил фотографироваться и разрешение на съёмку давал чрезвычайно редко. Многим пришлось столкнуться с этим обстоятельством и отступить.

Прошлою весной — это было известно «нашему фотокорреспонденту» — на Первомайском субботнике в Кремле Ленин резко сказал людям, хотевшим

его сфотографировать: «Что за комедия? Я сюда пришёл работать, а не сниматься!»

Пришлось пойти на обман. Комиссар школы кремлёвских курсантов, работавший с Лениным в паре, задержался на полминутки, как бы желая отдохнуть, и Владимира Ильича осторожно и незаметно сфотографировали. Вот каким путём мир получил фотографию Ленина, работающего на кремлёвском субботнике.

— Слово предоставляется товарищу Ленину! — сказал председатель.

*

Спустя час Ленин вышел из аудитории. Его сопровождал высокий военный, председательствовавший на собрании, и члены президиума. Продолжая разговор, Владимир Ильич надел кепку. Взгляд его случайно упал на человека, стоявшего поодаль. Человек этот сделал несколько неуверенных, робких движений, точно желая загородить треножник с большим чёрным ящиком.

Владимир Ильич, сощурившись, поглядел на чёрный ящик и сказал с явным неудовольствием:

— Ага, поздравляю! И здесь сниматься?! Нет уж, пожалуйста, увольте!..

Вот и всё. Можно уходить.

Но «наш фотокорреспондент» не уходил. Неожиданно для всех он заговорил срывающимся, простуженным баском:

— Товарищ Ленин!.. Ваши снимки нужны всей республике... Не мне лично!..

— Гм... Вот как! — иронически заметил Владимир Ильич.

Но тут у «нашего фотокорреспондента» объяви-

лись защитники. Все стали просить Ленина сфотографироваться вместе с ними.

— Ну, если вместе... пожалуй! — неуверенно произнёс Ленин.

«Наш фотокорреспондент» засуетился. Расставляя штатив и пристраивая аппарат, он делал множество ненужных движений и всё время бормотал:

— Одну секундочку!.. Я сейчас!.. Секундочку!..

Составить группу оказалось нелегко. Каждый хотел сняться рядом с Лениным и незаметно оттирал своего соседа. Владимир Ильич терпеливо ждал.

Наконец всё было готово для съёмки. Набросив на себя чёрную материю, фотограф стал наводить объектив. «Одну секундочку! — доносилось его бормотание.— Сейчас поставлю кассету... и в одну секундочку сейчас сниму!»

Люди перед аппаратом сделали торжественно-неподвижные лица, только у Владимира Ильича пряталась в глазах смешливая искорка. И вдруг все заметили, что с фотографом происходит что-то неладное. Он судорожно сдёрнул с себя покрывало, уронил на пол какую-то жестянку и схватился за голову. Люди смотрели на него с удивлением и тревогой. Ленин быстро подошёл к нему:

— Что с вами, товарищ? Вам плохо?!

— Плохо! — обморочным голосом ответил фотограф.— Я не успел перезарядить кассеты!.. У меня нет заряженных кассет!

Бессильно опустив руки, сгорбившись, стоял он возле своей «шарманки», и подбородок его с царапинами от неумелого бритья вздрагивал. Он знал, что нет ему прощения — ему, жалкому человеку, неудачнику, испортившему эту удивительную, эту неповторимую минуту.

— Ну что же, товарищи! — сказал высокий военный, надевая солдатскую фуражку с крупной алой звездой.— Как говорится, по независящим от редакции обстоятельствам вкралась досадная опечатка... Не будем задерживать Владимира Ильича!

Но Ленин, пристально смотревший на фотографа, как будто не заметил того, что произошло. Достав из кармана жилета часы на ремешке, он быстро взглянул на них и спросил:

— А сколько вам нужно времени, чтобы зарядить кассету?

— Мне?.. Минут... десять,— заикаясь, ответил «наш фотокорреспондент», и его изжелта-бледное лицо покрылось розовыми пятнами.

— Минут десять я ещё побеседую с товарищами,— спокойно произнёс Ленин.

Фотограф схватил пачку пустых кассет, коробку с пластинками и побежал, неловко вскидывая ноги в огромных валенках.

Он бежал, как лошадь, сорвавшаяся с привязи. Он бежал по длинному коридору, тыкался в двери аудиторий и бежал дальше. Ему нужна была тёмная комната, абсолютно тёмная комната, а солнце, на иждивение которого он перешёл с сегодняшнего дня, светило с потрясающей, ослепительной щедростью.

Выскочив на лестницу, он взметнулся вверх, хватая ртом горячий воздух. Но трепещущие солнечные зайчики настигали повсюду.

Сердце бешено стучало в груди, когда он домчался до последнего этажа. И тут он увидел, что на лестничной площадке стоит большой деревянный ящик.

Не раздумывая ни секунды, «наш фотокоррес-

пондент» рванул крышку. Какие-то толстые шланги лежали там, похожие на свернувшихся удавов, душно запахло резиной.

Он прыгнул в ящик, и при этом его ударило крышкой по голове, но он не почувствовал боли.

Согнувшись в три погибели (вот, оказывается, что означает это ходячее выражение!), он быстро распечатал коробку с пластинками, схватил кассету, но тут лицо его исказилось, и он поспешно сунул коробку за пазуху: тонкий прямой лучик сумел пролезть и сюда — нашёл какую-то дырочку.

Мимо проходила женщина с метёлкой — должно быть, уборщица. Вдруг она вскрикнула, выронила метёлку.

Из ящика высунулся человек, чихнул и сипло сказал, облизывая губы:

— Товарищ, это я! Одну секундочку!.. Прошу вас... сядьте на крышку... здесь есть щёлка, проходит свет!..

Женщина смотрела на него, округлив глаза.

— Товарищ, я вас умоляю, сядьте!

Женщина села на крышку, соображая, что это означает и не следует ли, опустив щеколду, сходить за комендантом.

В ящике слышалась какая-то возня, фыркание, потом сдавленный голос крикнул:

— Тётенька, откройте, я задыхаюсь!

Она встала.

Человек выскочил из ящика, как игрушка на пружине, покрытый пылью, сияющий.

— Абсолютный мрак! — крикнул он. — Спасибо, тётька!

И побежал вниз, перескакивая через три ступеньки.

Деревья протягивали к солнцу ещё не отогревшиеся, голые коричневые лапы. На бульварах бесформенными кучами лежал снег, серый и ноздреватый, как губка. Ветер залихватски трепал отставшие от стен афиши. Водосточные трубы низвергали куочки зеленоватого льда.

Человек шёл по весенней Москве. Иногда он останавливался, разводил руками и улыбался. Редкие прохожие смотрели на него с удивлением.

Дома было гораздо холоднее, чем на улице. В насквозь промёрзшей кухоньке с окном, забитым фанерой, пахло оттаивающей штукатуркой — единственный пока признак весны. Он нашарил выключатель на стенке, и в темноте загорелась лампочка рубиново-красным огоньком. Здесь помещалась его лаборатория.

Фотокорреспонденты в светлых плащах, с красивыми кожаными футлярами через плечо опять, наверное, улыбнулись бы при виде такой лаборатории. Но уж теперь-то он никогда бы не поменялся с ними — ни за какие блага мира!

Он поставил на табурет ванночку с проявителем и долго дышал на него, стараясь согреть хоть немного. Руки у него дрожали, когда пластинка погружалась в жидкость. Присев на корточки перед табуретом, он осторожно покачивал ванночку. И вот на молочно-белой эмульсии стал проступать отчётливый чёрный рисунок. Фотокорреспондент увидел знакомый контур большого лба, бровь, изогнувшуюся под прищуренным глазом, и вдруг громко запел своим простуженным, хриловатым баском...

Утром он долго выбирал среди отпечатанных снимков самые отчётливые, без пятнышек и цара-

пин. Наконец отложены были два наилучших. Медленно, точно смакуя каждое движение, он вложил их в конверт и старательно заклеил его.

Теперь оставалось написать адрес. Чиркая с трудом загоравшиеся спички, он подогрел застывшую чернильницу, обмакнул перо и вдруг задумался, не отрывая глаз от конверта. Потом, улыбаясь своим мыслям, вывел печатными буквами: «Ленину».

Вот и всё! Готов адрес!

Письмо с этим адресом можно опустить в любом месте земного шара—где-нибудь в Калькутте, или в Гренландии, или на острове Кипр,—и оно обязательно дойдёт до своего адресата...

Через некоторое время «нашему фотокорреспонденту» рассказали: известный художник, которому посчастливилось рисовать Ленина в его совнаркомовском кабинете, спросил однажды, не имеет ли Владимир Ильич фотографий. Ленин ответил, что своих изображений обычно не хранит, но вот, кажется, есть одно...

Он открыл ящик и проглянул художнику аккуратно распечатанный конверт.

— Это меня снимал один молодой товарищ в Свердловском университете.

Говоря это, он улыбнулся. Вспомнил, должно быть, историю с незаряженной кассетой.

Леонид Радищев

Бандьера росса

В 1922 году в Москве проходил IV конгресс Коминтерна. На него собрались коммунисты разных стран. Многие делегаты приехали под чужими именами. Некоторые только что вырвались из тюрьмы. И, возможно, по возвращении на родину их снова ждала тюремная решётка.

Попав в Москву, делегаты были безмерно счастливы. Они впервые в жизни дышали воздухом свободы, ходили по свободной земле. Они находились в стране своей мечты — самой первой на земле Республике рабочих и крестьян.

И, конечно, каждый мечтал увидеть и услышать Ленина, а может быть, даже и поговорить с ним.

Но Ленина нет на конгрессе. Среди делегатов разнеслось известие: «Ленин болен!» Эти слова проносились и по-русски, и по-немецки, и по-французски, и по-английски с одинаковой тревогой.

Заседания конгресса проходили в Кремле. И однажды, когда закончилось заседание, группа делегатов решила пойти к квартире больного Владимира Ильича. Делегаты стояли в молчании минут-другую, пока один из них не заметил слабый огонёк в окне третьего этажа. Это Владимир Ильич сидел у стола в своём домашнем кабинете, читал.

— Давайте споём Ленину что-нибудь,— предложил черноволосый итальянец.— Ленин, я знаю, любит песни. А у нас в Италии говорят: для больного нет лучшего лекарства, чем песни друзей.

Этот человек встречался с Лениным в эмиграции и хорошо помнил, как охотно пел Владимир Ильич на сходках революционеров.

— Ленин,— говорил итальянец,— в Женеве на карнавале так задорно и звонко запевал «Карманьолу», что все были поражены. Давайте споём ему «Бандьера росса»¹. Он знает эту песню.

И вот в тишине кремлёвского двора, куда выходили окна квартиры Ленина, зазвучала песня итальянских революционеров. Её пели итальянцы, немцы, англичане, французы, испанцы. И каждый на своём родном языке.

А вечер был ветреный, холодный. Один из тех ноябрьских вечеров, когда хлещет холодный дождь, который, кажется, вот-вот превратится в снег, и осень станет зимой.

¹ «Красное знамя».

Но люди, приехавшие к нам в Москву с юга, словно не чувствовали ни ледяного ветра, ни холодного дождя. Стоя, пели они песню о красном знамени, которое восторжествует над всем миром, о том, что плоды труда достанутся тем, кто работает на полях, в шахтах и на заводах.

Аванти, о пополо, а ла рискосса,
Бандьера росса, бандьера росса! ¹—

звонко выводили припев итальянцы. И все подхватывали эти слова.

Огонёк в окне вздрогнул и поплыл из одного конца в другой. Это Владимир Ильич передвинул лампу к краю стола. Сам он встал так, что профиль его, скрещённые на груди руки чётко вырисовывались в окне. Он слушал и, кажется, даже подпевал.

Аванти, о пополо, а ла рискосса,
Бандьера росса, бандьера росса!

Певцы увидели Ленина, и это вызвало у них ещё больший энтузиазм. Уличный концерт продолжался. Спели «Карманьолу», но тут уже запевали французы. Это была их песня. А затем все дружно спели «Интернационал» — гимн рабочих всего мира. И Ленин пел вместе с ними. На прощание он открыл форточку и приветственно помахал певцам рукой.

Песни друзей, наверное, в самом деле помогают, потому что на другой день Ленин уже был на конгрессе. Врачи разрешили ему выступить с докладом. И по всему было видно, что чувствовал он себя бодро.

Евгений Мар

¹ Вперёд, народ, к победе,
Красное знамя, красное знамя!

Справедливость

Есть в нашей стране знаменитый учёный Александр Степанович К-ов, автор многочисленных статей и исследований по электрификации, действительный член Академии наук. Когда решаются какие-либо важные вопросы, связанные со строительством новых электростанций, то дело редко обходится без его участия. Не раз бывал Александр Степанович и на Ангаре, и на Иртыше, и в Каховке.

Я познакомился с ним на строительстве Куйбышевской ГЭС.

В резиновых сапогах и брезентовой куртке, он ходил от одного бетонного блока к другому среди сварочных огней, рокота бетононасосов и виброхоботов, свистящих ударов паровых копров.

При словах «знаменитый учёный» мы склонны представить себе такого почтенного старца в чёрном академическом колпаке. Поэтому я очень удивился, когда начальник участка, знакомя меня с Александром Степановичем, назвал его фамилию.

— Как, вы тот самый К-ов? — невольно воскликнул я.

— Тот самый,— подтвердил он и простодушно рассмеялся.

На вид ему можно было дать лет сорок, ну, сорок пять, не более. Смуглое от загара и ветра лицо, рабочая кепка, брезентовая куртка — всё делало его похожим скорее на прораба, чем на академика.

Несколько дней спустя я встретил его совсем неожиданно на палубе теплохода, которым возвращался в Куйбышев.

Был вечер. Солнце только что зашло. В спокойной поверхности реки медленно потухала заря. Сидя в плетёных креслах на корме теплохода, мы долго любовались уплывавшими от нас Жигулями. Потом зашёл разговор о будущем Волги, и я к слову заметил, что у электрификаторов хорошая профессия, и притом — самая ленинская.

Александр Степанович, не отвечая, смотрел на одинокую звезду, засиявшую над рекой, и, казалось, о чём-то думал.

— Да, профессия хорошая,— отозвался он наконец.— И что касается меня, то я действительно многим обязан Владимиру Ильичу. И не потому только, что электрификация России — это его идея.

Получилось так, что мне в детстве посчастливилось видеть Ленина. И вот, хотя был в те годы совсем ещё, как говорится, неоперившимся птенцом, я потом много раз возвращался в мыслях своих к тем дням, и теперь мне кажется, что и в выборе профессии и во всём главном в моей жизни было какое-то влияние этой далёкой встречи с Ильичём, озарившей особым светом всё моё детство.

Я молча слушал, боясь перебить, и Александр Степанович продолжал, сам оживляясь постепенно этим воспоминанием.

— Жил я тогда у тётушки, солдатской вдовы, в деревне, под Москвой. Родители мои умерли от тифа. Трудное было время, голодное. Мы с моим тогдашним приятелем Андрейкой Сизовым всё на огороды бегали в соседнюю «экономию» к сторожу дяде Даниле. То ему хворосту для костра наберём, то чем другим поможем.

Однажды дал он нам по кочану капусты. Я скорее домой: «Вот тётушка обрадуется!» Бегу, гляжу: возы стоят на дороге, и тоже с капустой. Думаю: «Ещё скажет кто-нибудь, что я кочан стащил», — и скорее шмыг с дороги в кусты.

Гляжу: выходит из-за куста возчик. В брезентовом плаще нараспашку, с кнутом за голенищем. «Ты что, сорванец, с возов воровать задумал?» Да ко мне. Я зажал кочан под мышкой и что было духу в лес. Он за мной. Схватил за рукав и дёрнул так, что я с ног долой. И капусту выронил.

Но я сразу вскочил, бросился животом на кочан, вцепился, держу и не то реву, не то рычу от обиды.

А возчик тоже, видно, вошёл в раж — кнут схватил:

— Я тебе покажу, как безобразничать!

Вдруг слышу:

— Это что за экзекуция?

Голос гневный, твёрдый. А тут ещё и слово такое незнакомое.

Смотрим, стоит человек с ружьём за плечами, видно, охотник. Руки в карманы засунуты. Лоб нахмурен, и глаза такие суровые, словно вся его сила не в ружье и не в руках, а вот в этом взгляде.

— Капусту с воза украл,— ещё сердито, но уже как бы оправдываясь, проговорил возчик.— Нельзя так спускать, учить надо.

Трудно передать, какое горькое чувство охватило меня.

— Не крал я!— кричу.— Мне дедушка Данила дал! Спросите кого хотите! Провалиться мне сквозь землю, если не так!

— Чего врёшь, чертёнок? Вон возы на дороге стоят!— Возчик был уверен в своей правоте, и это крайне усиливало мою обиду.

— Всё равно не крал!

И я заплакал навзрыд от отчаяния, от боли, от несправедливости.

— Не плачь, мальчик, встань, вытри слёзы.— Охотник помог мне встать и сам поднял с земли кочан.— Это кто же такой дядя Данила?— мягко спросил он.

— Сторож с «экономии». Я ему хворост таскал, и Андрейка Сизов тоже. Он нам обоим по кочану дал.

— Да врёт он,— возразил возчик, однако менее уверенно.

— Подождите, как вас зовут?

— Да что вам? Ну, Митрофаном зовут.

— А по батюшке?

— Ну, Савельичем.

— Так вот, Митрофан Савельич, вы совершенно убеждены в том, что не ошибаетесь? Вы проверяли? Наказать невинного — это, в сущности, тоже преступление.

— Так вот же они, возы, стоят, посмотрите,— растерянно повторял возчик.— Сам же я капусту вожу.

— Но ведь не вся капуста на свете находится на этих возах. Есть тут экономия? Есть дядя Данила?

— Есть-то есть,— протянул возчик.

Все вместе мы вышли на дорогу. Страсти постепенно угомонились. Я уже не плакал. Возчик тоже успокоился. И охотник продолжал уже без гневной нотки в голосе:

— Видите ли, Митрофан Савельич, справедливость в каждом, даже маленьком деле — это одно из главных завоеваний нашей революции. Ведь правда? Ведь наша сила именно в справедливости. Не так ли?

— Справедливость, она, конечно, нужна,— соглашался возчик.— Без неё разве можно?

На дороге охотник с нами простился. Отдал мне кочан и опять пошёл к лесу. Мы оба долго смотрели ему вслед.

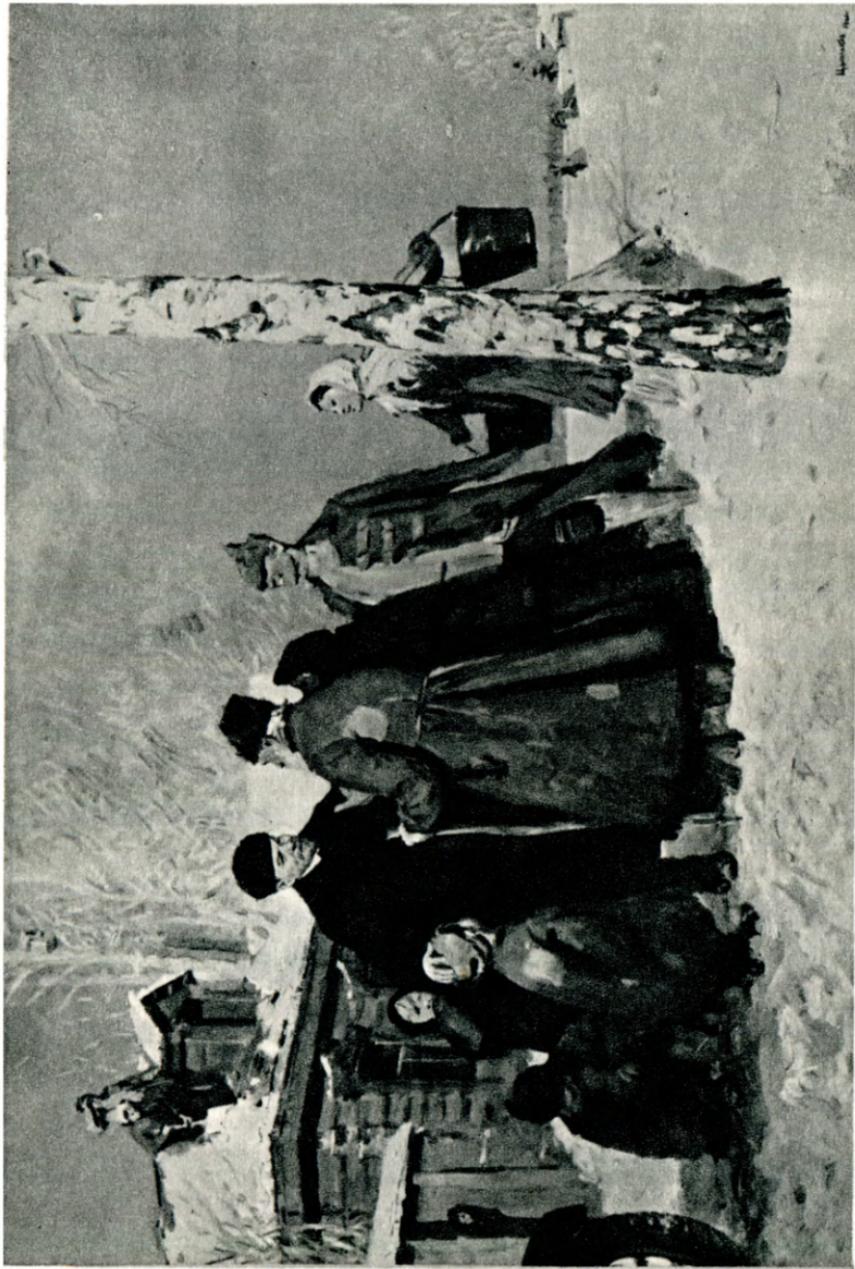
— Это кто же такой? — спросил возчик.— Что-то вроде как лицо его мне знакомое.

Я, разумеется, не знал и молча рассматривал оцарапанную при падении босую ступню.

— Ты подорожник привяжи,— посоветовал возчик,— затянет, а то засоришь ещё.

Придя домой, я вручил тётушке злополучный кочан и, помня совет возчика, привязал к царапине подорожник. Нога моя быстро зажила.

И вот вскоре после этого Андрейка Сизов зазвал

В. Цыплаков. В. И. Ленин с крестьянами.

меня в бывший господский парк обследовать старые дупла.

Но сторож нас шуганул оттуда. Мы пошли на ручей, набрали сухих сучьев, развели костёр. Сидим под вербой у огонька, греемся. Смотрим: идут от усадьбы через поле двое. Один высокий, в плаще и шляпе, а другой пониже, в кепке, в курточке с карманами и руки назад держит. Прошли близко от нас, ничего нам не сказали, между собой разговаривали. А когда возвращались, к нашему костру повернули.

Высокий говорит:

— Как, ребята, примете погреться?

Мы, конечно, молчим. Не жалко нам, да стесняемся.

Подошли они. Высокий начал сухие ветки обламывать и в костёр класть.

— Люблю,— говорит,— огонь, часами могу на него смотреть.

А другой присел на чурочку, положил мне руку на голову, потрепал волосы и вдруг говорит:

— Да ведь мы, кажется, знакомы?

Я смотрю, он улыбается, и в глазах у него весёлые такие искорки так и мечутся.

— Не узнаёшь? — спрашивает. — А капуста-то вкусная была?

И тут я понял: это тот самый охотник, что меня от возчика защитил.

— Ой,— говорю,— спасибо вам, дяденька. Теперь,— говорю,— я вас тоже узнал.

Он засмеялся. Потом обнял нас с Андрейкой обоих за плечи и так всё и сидел на чурочках у костра.

А высокий поднялся, посмотрел из-под руки вдаль и говорит:

— Велика Россия!.. И хорошо сказал про неё поэт: «Россия, слово-то какое — и роса в нём, и сила, и синее что-то».

Я запомнил эти слова, должно быть, потому, что как раз посмотрел на дальнюю полосу леса и подумал, что действительно есть там вдали что-то синее-синее.

Они попрощались с нами и ушли. А вернувшись в деревню, я узнал, что в бывшее имение приехал из Москвы Ленин, что он уже ходил на охоту и что некоторые из наших мужиков встречались с ним, даже один пожаловался: «В лавках ничего нет, купить ничего нельзя», — и что Ленин сказал: «Вот когда пусти́м фабрики, всё у нас будет».

После этого стал я думать, уж не Ленин ли это был с нами у костра.

И, когда мне показали его портрет, я сразу узнал чуть сощуренные, ласково-внимательные глаза, недавно смотревшие на меня.

Узнал я потом, тоже по портрету, и Горького, что был тогда с ним.

Кстати, в известных воспоминаниях Горького о Ленине есть одна фраза, на которую вы, быть может, не обращали внимания. Он там пишет: однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, Ленин сказал:

— Вот эти будут жить лучше нас...

И, когда я читаю это место, мне всегда чудится: это про нас с Андрейкой...

Александр Степанович как-то неожиданно замолчал, нахмурился и добавил тихо:

— Андрей Сизов командовал партизанским отрядом в Белоруссии. Там и погиб в бою в сорок втором году...

Вернувшись из командировки домой, в Москву, я достал с полки томик Горького, раскрыл воспоминания о Владимире Ильиче и нашёл то место, о котором говорил Александр Степанович.

Вот оно:

«...однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А всё-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Всё будет понята, всё!»

Н. Жданов

Родной и близкий

Дома у меня хранится значок с изображением Карла Маркса. Этот значок мне подарил Ленин.

С Владимиром Ильичём я встречалась три раза. В первый раз это произошло в 1918 году на Всероссийском съезде женщин-работниц. В президиуме, куда выбрали и меня, говорили, что на съезд обещал приехать Ленин. Все были радостно взволнованы, все нетерпеливо поглядывали на дверь, в которую он должен был войти.

Я представляла себе Ленина каким-то великаном. Он оказался невысоким, скромным человеком.

О том, чтобы самой поговорить с Лениным, я никогда и не мечтала. Поэтому, когда он неожиданно обратился ко мне, я немного оробела и не знала, что отвечать. Но моё смущение скоро прошло. Владимир Ильич был простой, душевный человек.

Узнав, что меня послали на съезд глуховские текстильщики, он ещё более оживился, стал расспрашивать о том, как мы живём и работаем. Вопросы он задавал так, будто сам всю жизнь провёл у нас на Глуховке. Хорошо знал Владимир Ильич интересы и нужды рабочих!

Прощаясь с Ильичём, я попросила у него на память фотографию. Он лукаво усмехнулся, что-то достал из кармана и протянул мне. Это был значок с портретом Маркса. Я берегу его как зеницу ока.

Второй раз я увидела Владимира Ильича в 1919 году на Московском областном съезде работниц. Удивительная была у него память! Он сразу узнал меня, улыбнулся, как старой знакомой, начал расспрашивать о делах на Глуховке. Я отвечала, что мы начинаем «размораживать» фабрики. Уже пущена отбельно-красильная, скоро начнут работать и остальные. Выслушав меня, Владимир Ильич сказал, что самое главное — сколотить на фабрике крепкий партийный коллектив, который вёл бы за собой массы.

Последний раз я видела Ленина в ноябре 1923 года. Владимир Ильич был тяжело болзлн, и вся страна с напряжённым вниманием следила за состоянием его здоровья. Глуховцы решили направить делегацию рабочих в Горки — повидать Ильича. Среди посланных была и я.

Выехали на грузовой машине. Помню, всё время торопили шофёра: так хотелось скорее увидеть родного Владимира Ильича. Но, как нарочно, машина то и дело застревала в рытвинах.

В Горках мы были примерно часа в четыре. Встретила нас Мария Ильинична. Вместе с ней мы поднялись на второй этаж и прошли к Ленину.

В то время врачи запретили Владимиру Ильичу много говорить. Но он не утерпел и забросал нас вопросами о комбинате, о жизни рабочих.

После беседы с Ильичём нас пригласили в столовую. Когда мы сели за стол, Мария Ильинична принесла тарелку грибов и сказала:

— Владимир Ильич просил вас попробовать грибы, которые он сам собирал. Кроме того, он интересуется, накормили ли вы шофёра.

Родным и близким Ленин всегда будет жить в памяти народа.

П. А. Холодова

(работница Глуховского
хлопчатобумажного комбината)

На Красной площади

Это было в мае, много лет назад. В Москве, на Красной площади, только что прошёл парад. Парад закончился, но народ не расходился. Потому что все знали: после парада выступит Ленин. И все хотели увидеть Ленина. Все хотели услышать его.

Вдруг на Красную площадь въехал грузовой автомобиль. В автомобиле стояли дети. Лица у ребят

были обыкновенные — русские. А вот одежда на них была необыкновенная. На одном мальчике красовался индусский тюрбан. На другом — турецкая феска с кисточкой. Голова третьего была украшена лихой будёновкой. У четвёртого на голове — китайская шапочка с красным шариком на макушке. Здесь же стоял мальчик в блузе рабочего. В его руках был молот. Рядом стоял мальчик в лаптях. В его руках был серп.

А в центре грузовика, на возвышении, все увидели девочку. На ней развевалась пунцовая мантия. Девочка держала в руках красное знамя. На знамени было написано: «Угнетённые народы! Рвите цепи рабства!»

— Что за дети? Откуда они? — удивились люди на площади.

— Из Индии, — говорили одни. И показывали на мальчика з тюрбане.

— Из Турции, — говорили другие. И показывали на мальчика в феске.

— Из Китая, — уверяли третьи. И показывали на мальчика в шапочке с красным шариком.

Тогда кто-то из толпы спросил:

— Откуда вы, дети? Кто вы такие?

Мальчик в будёновке сказал:

— Мы — отряд юных коммунистов!

— А почему вы так одеты?

Ответила девочка в пунцовой мантии:

— Я одета так, потому что я изображаю Революцию.

А мальчик с молотом сказал:

— Под знамя Революции собрались все угнетённые народы: китайцы, индусы, турки. Негр у нас тоже был, только с него стёрлась сажа, пока мы ехали.

— Хорошо придумали, молодцы! — похвалили взрослые. — Жаль, что Владимир Ильич не видит вас. Он сейчас будет речь говорить. Вон с той трибуны...

— Ребята! — закричал мальчик в лаптях. — Здесь товарищ Ленин! Позовём его к нам!

Все на грузовике закричали:

— Позовём! Позовём!

И тогда два мальчика — мальчик в тюрбане и мальчик в китайской шапочке — спрыгнули с грузовика и исчезли в толпе.

— Не пробиться им, — усомнились взрослые. — Вон там сколько народа у трибуны!..

И верно, путь ребят оказался нелёгок. Пока они пробирались к трибуне, Ленин уже начал говорить. Народ вокруг трибуны стоял сплошной стеной. Пробиться сквозь эту стену не было никакой возможности. От огорчения ребята готовы были заплакать. Они не знали, что им делать. Неужели возвращаться назад?!

Но вдруг все закричали «ура!», и ребята догадались: Ленин кончил выступать. И мальчики снова начали протискиваться к трибуне.

Люди смотрели на них, улыбались и говорили:

— Мальчик в тюрбане, конечно, приехал из Индии. А этот мальчик, конечно, из Китая. Пропустите их. Они, вероятно, хотят посмотреть на товарища Ленина.

И все расступались, и все давали мальчикам дорогу.

Наконец ребята оказались у трибуны. Здесь их остановил военный в кожаной тужурке.

Он посмотрел на тюрбан, на китайскую шапочку и спросил:

— Кто такие будете? Вам на эту трибуну нельзя. Понятно? Нельзя!

Ребята сказали:

— Мы угнетённые народы.

— Что же вам здесь нужно, товарищи угнетённые?

— Мы хотим пригласить товарища Ленина... Мы на грузовике... Недалеко... Здесь... На площади...

Военный даже руками замахал:

— Нет, нет, нет! Владимир Ильич выступал сегодня три раза. Он устал! Дайте ему отдохнуть!

Мальчики сказали:

— Тогда позвольте нам только посмотреть на товарища Ленина. Мы только посмотрим на него и уйдём.

Вдруг совсем близко ребята услышали голос:

— Это что за публика?

Военный взял под козырёк и доложил:

— Это угнетённые народы, товарищ Ленин. Хотят на вас посмотреть.

Мальчики закричали:

— Мы не угнетённые! Это мы только изображаем... Мы — отряд юных коммунистов!

Быстрыми шагами Ленин спустился с трибуны.

— Здравствуйте, товарищи юные коммунисты, — сказал он. — Я слышал о вашем отряде...

Мальчики заговорили разом, перебивая друг друга:

— Ребята поручили нам пригласить вас... Нас много... Мы на грузовике... А в середине — Революция со знаменем...

— Очень интересно! — сказал Ленин. — С удовольствием встречусь с Революцией. Пошли! Показывайте мне дорогу.

И он взял ребят за руки. Так они и шли. В середине — Ленин, а по бокам мальчик в индийском тюрбане и мальчик в китайской шапочке.

Когда Ленин подошёл к грузовику, все ребята закричали изо всех сил «ура!». Ленин покачал головой и спросил:

— Для чего же вы меня пригласили? Чтобы я послушал, как вы умеете громко кричать «ура»?

— Это мы от радости! — объяснили ребята. — Оттого, что вы к нам пришли...

— Ну тогда давайте знакомиться, — сказал Ленин. — Ага! Вот и сама Революция со знаменем...

Ленину очень понравилась Даша. Так звали девочку, которая изображала Революцию. Она стояла на возвышении и высоко над головой держала красное знамя. Ветер так трепал его, что Ленин никак не мог прочесть, что написано на знамени. Тогда ребята придержали полотнище, и ветер надул его словно парус. Издали казалось, что по Красной площади плывёт корабль под красными парусами. А на парусах написано: «Угнетённые народы! Рвите цепи рабства!»

Юные коммунисты думали, что Владимир Ильич только посмотрит на них и уйдёт. Но Ленин не ушёл. Он стал беседовать с ребятами.

Ленин сказал:

— Помещики и фабриканты хотят отнять у нас свободу. Они хотят, чтобы рабочие и крестьяне снова стали рабами. Но этого не будет! Ваши отцы, ваши старшие братья, не щадя жизни, бьются на всех фронтах с наймитами капиталистов, с белогвардейцами. И мы победим!

И ещё Ленин сказал, что юные коммунисты должны всегда и во всём помогать большевикам.

Когда Ленин кончил говорить, ребята снова крикнули «ура!». Но они тут же спохватились и разом умолкли.

Наступила тишина. Однако тишина длилась не более секунды. Потому что Даша подняла ещё выше красное знамя и запела:

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!

Ребята подхватили:

Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов...

Дети пели «Интернационал». Гимн коммунистов. И вместе с ребятами пел Ленин.

Юные коммунисты не верили своему счастью. С ними поёт Ленин! Сам Ленин!

Но вот прозвучали последние слова гимна. Дети поняли: Владимир Ильич сейчас уйдёт. Как же им проводить его? Мальчик в китайской шапочке не выдержал и сказал:

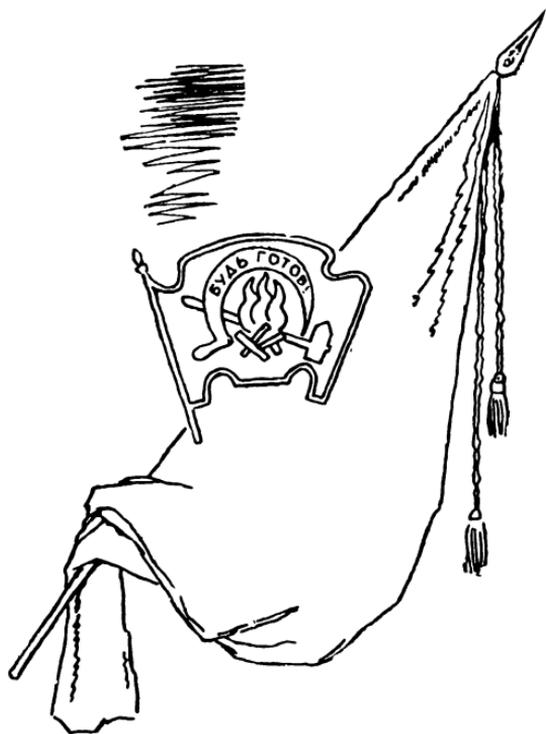
— Товарищ Ленин, позвольте нам тихонько крикнуть «ура!». Мы тихонечко, тихонечко...

Владимир Ильич улыбнулся:

— Ну, уж если вам так хочется...

И тогда счастливые ребята закричали «ура!». Сначала они закричали тихо, а потом не выдержали и закричали громко.

Но Ленин не рассердился на них. Он даже почему-то рассмеялся, махнул рукой и поспешно пошёл к своей машине.

Письма детям

Дорогие ребята!.. Продолжайте дело Ленина — делайте всё, что можно, для того, чтобы жизнь для всех становилась всё более светлой, культурной, зажиточной. Побольше читайте, хорошо учитесь, — много надо вам знать. Учитесь жить как можно дружнее, помогая друг другу в работе, учёбе. Надо, чтобы было настоящее товарищество между вами, между ребятами разных национальностей, между мальчиками и девочками, между старшими ребятами и младшими.

Более сильные, более знающие, более умелые должны помогать тем, кто слабее, кто меньше знает.

Надо также, чтобы была забота об общем имуществе. Видят ребята — забор завалился, надо поправить; видят — бумага грязная набросана, надо убрать; видят — огонь зря горит, надо потушить; видят — малыша кто-нибудь обижает, надо заступиться...

Надо помогать старшим, надо учиться, надо вглядываться и вдумываться в жизнь, распознавать, кто друг Советской власти, кто враг. Надо крепкую волю иметь, уметь самим с собой справляться, быть выдержанными, стойкими, мужественными, готовыми к труду и обороне.

*

...Многие из вас пионеры. Ваши вожатые, верно, рассказывали вам о том, что быть пионером — это значит не только носить красный галстук. Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать. И каждый пионер должен принимать участие в этом не только в школе, но и вне школы.

...Многие ребята неясно себе представляют, что такое общественная работа. Это работа, направленная на то, чтобы улучшить сообща окружающую жизнь.

...Будьте помощниками общественников-взрослых, и тогда вы на этой работе вырастаете настоящими общественниками, умеющими бороться за дело Ленина!

Н. К. Крупская

СОДЕРЖАНИЕ

Н. К. Крупская. Владимир Ильич Ленин	3
В. Бонч-Бруевич. О детстве Владимира Ильича	6
В. Сидоров. В семье Ульяновых	10
А. И. Ульянова. В гимназии (Из книги «Детские и школьные годы Ильича»)	13
Л. Кон. Страшное письмо	18
Н. Богданов. Кругосветка	21
Л. Радищев. Гребни вперёд!	33
М. Прилежаева. В зимний день...	43
Н. Ходза. Дал слово — держись	50
А. Кононов. Май	53
А. Кононов. Ленинская бумага	58
З. Воскресенская. Кольца дружбы	62
З. Воскресенская. Визитное платье	69
З. Воскресенская. В тёмную ночь	77
Б. Раевский. Большое и малое	85
Н. Ходза. В горах	93
А. Кононов. Встреча	99
З. Воскресенская. Мочёные яблоки	106
Н. Ходза. Погоня	114
П. Арский. Солдатская баллада	118
А. Кононов. У озера Разлив	121
А. Кононов. Кочегар поезда № 71	125
П. Капица. Ночь в Лесном (Из повести «Товарищ Иванов»)	128
П. Капица. Началось (Из повести «Товарищ Ива- нов»)	136
З. Воскресенская. Первый день	143
С. Алексеев. Гражданин Российской республики	153
А. Кононов. В Смольном	157
В. Бонч-Бруевич. Советский герб	161
С. Алексеев. Старшой	164
Н. Жданов. Неприметный случай	167
В. Бонч-Бруевич. Солдатский хлеб	171
Я. Пинясов. Обыкновенные вареники (Перевод с мордовского и обработка Н. Богданова)	174

А. Кононов. Рождение Армии	180
З. Воскресенская. Клятва	184
А. Кононов. Выстрел врага	193
Е. Мар. Орёл взят	197
Е. Мар. Не по уставу	200
Тимофеев. Помощь иваново-вознесенцам	203
Е. Мар. Телеграмма	206
Ф. Халевская. Ленин у детей	209
Л. Радищев. Делегат с Урала (Отрывок из книги «На всю жизнь»)	213
С. Алексеев. Ленинская десятина	223
В. Тельпугов. Надпись на книге	226
Ф. Солодов. На субботнике	231
В. Панова. Листок с подписью Ленина	234
П. И. Козлов. В простой крестьянской избе	238
С. Антонов. Встреча в Кремле	241
А. Ветров. Ленин на заводе «Динамо»	252
Л. Радищев. Незаряженная кассета	256
Е. Мар. Бандьера росса	265
Н. Жданов. Справедливость	268
П. А. Холодова. Родной и близкий	276
Н. Ходза. На Красной площади	279
Н. К. Крупская. Письма детям	285

Д Л Я Н А Ч А Л Ь Н О Й Ш К О Л Ы

Р о д н о й и б л и з к и й

Рассказы о Владимире Ильиче Ленине

Ответственные редакторы Л. Р. Баруздина и С. В. Орлеанская. Художественный редактор Е. М. Гуркова. Технический редактор И. П. Савенкова. Корректоры Л. И. Дмитрюк и Э. Л. Лофенфельд. Сдано в набор 3-ХII 1968 г. Подписано к печати 24-III 1969 г. Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 18,75. Усл. печ. л. 17,49. Уч.-изд. л. 10,57+6 вкл.=10,9. Тир. 300 000 (150 001 — 300 000) экз. ТП 1969 № 201. Цена 59 коп. на бум. № 1. Издательство „Детская литература“ Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика „Детская книга“ № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суцевский вал, 49. Заказ 3508.

59 коп.

Родной и близкий

